

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2023 Том 15 № 3

Человек античности в общественной и частной жизни

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: popova-ea@rudn.ru

Научный редактор

Гвоздева Т.Б., кандидат исторических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор, Каирский университет, Гиза, Египет

Варику Кулбушан, профессор Университета имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления, Университет Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Оттава, Канада

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром латиноамериканских исследований, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор, Австралийский Национальный университет, Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор, Университет имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, DOAJ, Cyberleninka, индексируются Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: история исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, история ислама, история Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, к сотрудничеству по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Редакторы англоязычных текстов *Михайлов С.А., Медведев Ю.С.*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 05.05.2023. Выход в свет 15.05.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 8,61. Тираж 500 экз. Заказ № 1136. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2023 VOLUME 15 NUMBER 3

The Man of Antiquity in public and private life

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
named after PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Scientific Editor of the issue

Tatiana B. Gvozdeva, PhD in History, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Members of Editorial Board

Aboualhasan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Evgeniy A. Larin, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Center for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), DOAJ, Electronic Library Cyberleninka, Indexing by Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Translation Editor *S.A. Mikhailov, Yu.S. Medvedev*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia

named after Patrice Lumumba (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Человек античности в общественной и частной жизни

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

- Булычева Е.В.** Права и обязанности арендаторов-земледельцев в Аттике второй половины IV в. до н. э. по данным договоров об аренде священных земель..... 249
- Гвоздева И.А.** Конфликты в римском земельном праве эпохи Империи 258

ВОИНЫ И ПОЛКОВОДЦЫ

- Телепень С.В.** Полководцы волей сената: наместники сенатских провинций в системе военного командования в период ранней Римской империи..... 267
- Парфенов В.Н.** Легат против императора: начало, ход и результаты мятежа Антония Сатурнина 279
- Меркулов И. В.** Поединок Гая Мария с кельтибером: новое прочтение 292

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАНИНА

- Соломатина Е.И.** Алкей – истинный гражданин Митилены..... 301
- Никишин В.О.** Плиний Младший: гражданин, землевладелец, интеллектуал..... 309

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

- Гвоздева Т.Б.** Гоплитодромос — категория древнегреческой атлетики..... 318
- Ненахова М.Н.** Мотив гонок колесниц в искусстве Ионии рубежа VI и V вв. до н.э..... 330
- Квашнин В.А.** Зачем римлянам была нужна Венера Эрүцина? 340
- Список сокращений**..... 347

CONTENTS

Man of Antiquity in public and private life

ECONOMICS AND LAW

- Bulycheva E.V.** The rights and obligations of leasers-farmers in Attica of the second half of the IV century BC. according to the lease agreements of sacred lands..... 249
- Gvozdeva I.A.** Conflicts in Roman Land Law in the Imperial Era 258

WARRIORS AND WARLORDS

- Telepen S.V.** Commanders by the Will of the Senate. Governors of the Senate Provinces in the Military Command System in the Period of the Early Roman Empire 267
- Parfyonov V.N.** Legate against the Emperor: the beginning, course and results of the revolt of Antonius Saturninus 279
- Merkulov I.V.** Duel of Gaius Marius with a Celtiberian: a new reading..... 292

RIGHTS AND DUTIES OF CITIZENS

- Solomatina E.I.** Alkaios – a true citizen of Mytilene 301
- Nikishin V.O.** Pliny the Younger: citizen, landowner, intellectual..... 309

RELIGION AND CULTURE

- Gvozdeva T.B.** Hoplitodromos — the category of ancient Greek athletics 318
- Nenakhova M.N.** The motif of chariot races in the Ionian art at the turn of the 6th and 5th centuries BC..... 330
- Kvashnin V.A.** Why did the Romans need Venus Erucina?..... 340
- List of abbreviations** 347

ЭКОНОМИКА И ПРАВО ECONOMICS AND LAW

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-3-249-257

EDN: SHTKNN

Научная статья / Research article

Права и обязанности арендаторов-земледельцев в Аттике второй половины IV в. до н. э. по данным договоров об аренде священных земель

Е.В. Булычева ✉

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, пл. Мусская, д. 6

✉ bulychevalena@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования — на основании эпиграфического материала реконструировать круг прав и обязанностей земледельцев-арендаторов священных земель (теменосов) в Аттике второй половины IV в. до н.э. В современной историографии отсутствуют специальные работы, посвященные данной проблеме. В то же время исследование правового статуса земледельца-арендатора имеет огромное значение для понимания характера земельных отношений в Аттике IV в. до н.э. Изучив договоры об аренде теменосов, автор охарактеризовала правовой статус арендаторов-земледельцев, подробно рассмотрев при этом их права и обязанности. Автор приходит к выводу, что земледельцы-арендаторы в соответствии с условиями арендного соглашения лично обрабатывали священные земли, тогда как их права и обязанности четко фиксировались в договорах о сдаче теменосов в аренду.

Ключевые слова: земледелец, аренда, эпиграфика, Аттика, священные земли, права, договор

История статьи: Поступила в редакцию: 20.02.2023. Принята к публикации: 12.04.2023.

Для цитирования: Булычева Е.В. Права и обязанности арендаторов-земледельцев в Аттике второй половины IV в. до н. э.: по данным договоров об аренде священных земель // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 3. С. 249–257. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-249-257>

© Булычева Е.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The rights and obligations of leasers-farmers in Attica of the second half of the IV century BC. according to the lease agreements of sacred lands

E.V. Bulycheva ✉

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya square, Moscow, Russian Federation, 125993

✉ bulychevalena@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to reconstruct the range of rights and obligations of farmers-tenants of sacred lands (*temenos*) in Attica in the second half of the 4th century BC on the basis of epigraphic material. In modern historiography, there are no special works devoted to this problem. At the same time, the study of the legal status of the tenant farmer is of great importance for understanding the nature of land relations in Attica in the 4th century BC. Having studied the *temenos* lease agreements, the author characterized the legal status of tenant farmers, considering in detail their rights and obligations. The author's conclusions: in accordance with the terms of the lease agreement, the tenant farmers personally cultivated the sacred lands, while their rights and obligations were clearly fixed in the *temenos* lease agreements.

Keywords: farmer, rent, epigraphica, Attica, sacred lands, rights, contract

Article history: Received: 20.02.2023. Accepted: 12.04.2023.

For citation: Bulycheva E.V. The rights and obligations of leasers-farmers in Attica of the second half of the IV century BC according to the lease agreements of sacred lands. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(3):249–257. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-249-257>

Введение

В Древней Греции земля имела особую ценность. Во-первых, многие территории древнегреческих полисов были неплодородны, поскольку представляли собой горные массивы, рвы и овраги. В связи с этим почвы, пригодные для обработки, были особенно важны. Во-вторых, отличительной особенностью гражданина полиса являлось владение земельным участком [1. С. 43]. Кроме того, военные действия, которые периодически разворачивались на территории Древней Греции, приводили к истощению земельных ресурсов, что также способствовало увеличению их ценности.

В афинском полисе земля находилась в распоряжении различных владельцев. Среди граждан, распоряжавшихся земельными участками, были люди, имеющие разный социальный статус [2. С. 264–265].

Выделяя различные категории землевладельцев, исследователи отмечают, что среди них было немного земледельцев, граждан, которые

непосредственно принимали участие в обработке земли [3. С. 99]. Кроме частных владений, существовало большое количество земельных участков, находящихся в распоряжении территориально-административных подразделений полиса, а также религиозных сообществ [1. С. 7]. Среди них особое место занимали священные земли — теменосы, которые были на территории храмов различных богов и героев. Эти земельные участки пользовались почитанием среди гражданского населения, поскольку считалось, что они находятся под контролем самих небожителей и заботиться о них людям следует весьма усердно, чтобы не навлечь на себя божественную кару [4. С. 278]. Во второй половине IV в. до н. э. афинский полис переживал кризисные явления в разных сферах жизни общества, что было вызвано поражением от Спарты в ходе Пелопоннесской войны [5. С. 64].

Судя по сведениям античных авторов, в результате этой войны был нанесен существенный урон сельскому хозяйству Афин и особенно землям Аттики (области Афин). Так, Фукидид в своей «Истории» отмечает, что от вторжения неприятеля пострадали разные районы Аттики, землевладельцы лишились домов и земельных участков (Thuc. II. 65. 2).

От военных действий страдали не только частновладельческие земельные участки, но также и священные земли, поскольку в эпитафическом материале можно встретить сведения о необходимости заботиться о теменосах, пострадавших от войны [1. С. 76]. В связи с этим коллективы, которые распоряжались священными участками, старались восстанавливать сельскохозяйственную деятельность на этих землях, используя различные способы, прежде всего передавая их гражданам в аренду. Арендаторам в процессе сделки предполагалось выполнить ряд условий, способствовавших восстановлению и процветанию теменосов [1. С. 62–77]. Основные сведения об аренде священных земель содержатся в надписях, которые весьма хорошо сохранились до нашего времени и представлены в сборниках эпитафических материалов¹. В качестве основных участников сделки выступают арендаторы (частные лица) и арендодатели (территориально-административные подразделения полиса и религиозные сообщества). При этом весьма непросто определить, кто являлся основным работником на земле. В современной историографии этот вопрос практически не рассматривается [6. Р. 302–303]. В исследовательской литературе также отмечается, что существовали различия между арендаторами, которые непосредственно не участвовали в сельскохозяйственных работах, и теми, кто выступал в качестве арендаторов-земледельцев [7. Р. 176–177]. В связи

¹ В настоящей статье будет использован эпитафический материал, содержащейся в сборнике *Inscriptiones Graecae. Consilio et auctoritate academiae litterarum Borussiae. Vol. II–III. Berlin: Berolini, 1924.* В научной литературе общепринято сокращение — IG. II², которое будет использовано в нашей статье.

с этим цель настоящей статьи заключается в том, чтобы на основании эпиграфического материала представить труд арендатора-земледельца на священных землях Аттики во второй половине IV в. до н. э., выявить его права и обязанности.

Категории работников теменосов, сданных в аренду в Аттике (вторая половина IV в. до н. э.)

До нашего времени сохранились договоры, посвященные сдаче в аренду священных земель (теменосов), находящихся на территории Аттики во второй половине IV в. до н. э. Опираясь на сведения эпиграфики, можно заключить, что, как правило, теменосы представляли собой земельные участки, посвященные богам или героям (IG. II². 2492;2494;2494;; 2498; 2499). В ряде случаев на их территории также находились различные хозяйственные постройки (IG. II². 2496. 15–20; 2499. 5–10). Судя по сведениям надписей, священные земельные участки нуждались в постоянном уходе, на них следовало выполнять различные сельскохозяйственные работы [4. С. 279–280]. При этом весьма сложно установить статус работников на этих землях.

Опираясь на эпиграфический материал, можно заключить, что субаренда священных земель была запрещена (IG. II². 2492. 15–16). В случае, когда арендаторы являлись состоятельными гражданами полиса, а их участие в сделке было своеобразной литургией, направленной на поддержание священного землевладения, земледельцами, скорее всего, выступали обедневшие крестьяне, которых можно было привлечь к сельскохозяйственным работам. Р. Осборн справедливо отмечает, что вряд ли в качестве основных работников на этих земельных участках могли быть рабы, поскольку сам статус теменосов не предполагал использование рабской силы, труд на этих территориях был привилегией свободных граждан [6. Р. 302–303].

В ряде случаев арендаторы сами выступали в качестве земледельцев, выполняя необходимые работы на священных землях. По-видимому, это происходило в следующих ситуациях. Если участок передавали в аренду за небольшую плату, которую могли уплатить малоимущие граждане. Как правило, это были небольшие по площади территории с малопродуктивными землями. Такая аренда представлена в договоре о сдаче в аренду теменоса Аполлона Ликейского (IG. II². 2494). Подтверждением того, что арендатор этого участка не является зажиточным гражданином и сам обрабатывает землю, является также то, что в начале договора речь идет о внесении залога со стороны земледельца, взявшего теменос в аренду (IG. II². 2494. 4–5; 2497. 15–18). Кроме того, арендаторы-земледельцы участвуют в аренде теменосов, находящихся на территории прибрежного,

густонаселенного района Пирея [IG. II². 2498]. По-видимому, это связано с тем, что в центральных районах были расположены известные святилища и арендодатели стремились передать их земли в аренду известным гражданам, поднимая таким образом престиж сдаваемых в аренду земель [1. С. 103–104]. Территории, находящиеся на окраине, не принадлежали крупным, известным святилищам и могли быть переданы мелким арендаторам.

Таким образом, эти арендаторы, не имея средств для оплаты труда других работников, сами становились земледельцами. Они выполняли определенные сельскохозяйственные работы, предусмотренные в соответствии с условиями арендного соглашения. В качестве основных можно назвать выращивание зерновых и злаковых культур, а также плодовых деревьев (IG. II². 2494. 5–10; 2498. 10–15). Кроме того, в некоторых случаях предусматривался уход за пастбищами (IG. II². 2498. 10–15). М. Финли отмечает, что арендаторов-земледельцев, работающих на частных землях, можно называть издольщиками, поскольку они вносили большую часть своей арендной платы урожаем [7. С. 56]. В отношении арендаторов-земледельцев, работающих на священных землях, в некоторых случаях также можно сделать предположение, что они выступали в качестве издольщиков [8. С. 187]. Однако в большинстве случаев арендаторы теменосов вносят плату денежными средствами, что вряд ли позволяет отнести их к издольщикам [1. С. 72]. Судя по сведениям эпиграфического материала, можно с определенной точностью говорить о том, что арендаторы-земледельцы имеют правовой статус, в соответствии с условиями арендного договора они наделены правами и обязанностями.

Обязанности арендаторов-земледельцев теменосов в Аттике второй половины IV в. до н. э.

Согласно условиям договоров об аренде священных земель в Аттике второй половины IV в. до н. э. одной из основных обязанностей арендаторов-земледельцев являлось выполнение сельскохозяйственных работ. Прежде всего, на протяжении всего периода аренды, который мог длиться от пяти до 20 и 40 лет, они должны были ухаживать за растениями, посаженными на земле до начала срока аренды, а также выращивать новые деревья. В частности, в договоре о сдаче в аренду теменоса Аполлона Ликейского сказано, что арендатору следует вырастить «густые оливы и другие плодовые деревья» (IG. II². 2494. 10–15). При этом характерно, что арендатору-земледельцу предписано посадить новые деревья, но использовать отростки от старых (IG. II². 2494. 10–15). Такое предписание можно постараться объяснить следующим образом. Скорее всего, старые деревья приносили хороший урожай и арендодатели стремились сохранить

лучшие виды растений. Древние греки умели разбираться в сортах плодовых культур. Знаменитый мыслитель и экономист Ксенофонт в своем труде «Домострой» отмечает, что побеги от старых деревьев следует использовать для посадки новых, чтобы быстрее получить урожай (19. 32). В отношении земледельческих работ от арендаторов требуется выполнение ряда обязательств в зависимости от географического расположения земельного участка и характера почвы. В договоре о сдаче в аренду темноса Аполлона Ликейского сказано, что арендатору не следует удобрять землю (IG. II². 15–16). По-видимому, такое предписание можно объяснить тем, что сам состав почвы был таким, что внесение удобрений могло нанести вред выращиваемым культурам.

Судя по рассуждениям знаменитого мыслителя и ботаника Феофраста, греки были хорошо осведомлены по таким вопросам [1. С. 65]. В надписи, посвященной аренде священных участков Паралии, Галмириды и Тесея, арендатору-земледельцу предписано на протяжении девяти лет проводить работы по его собственному усмотрению, а на десятый год вспахивать только половину участка (IG. II². 2498. 15–19). Возможно, что такое обязательство арендатора можно объяснить следующим образом. Во-первых, это могло быть связано с десятилетним сроком аренды, когда в течение основного периода земледелец сам решает, какие работы следует производить, а в последний год решение принимают арендодатели в соответствии с тем, кто будет новым работником на их земле. Во-вторых, это может быть объяснено графиком сельскохозяйственных работ, когда, судя по сведениям эпиграфического материала, одна часть земель обрабатывалась, а другая оставалась под паром (IG. II². 2492. 12–15).

Кроме выполнения определенных сельскохозяйственных работ арендатору предписывалась обязанность в виде своевременного внесения арендной платы. При этом сроки внесения оплаты могли различаться. По-видимому, во многом это зависело от характера урожая, который собирали арендаторы с участка в процессе аренды [9. С. 253]. Как правило, эта выплата должна проводиться в один срок, в месяце гекатомбеон (IG. II². 2492. 3) или в гамелионе (IG. II². 2493. 20). При этом в Пирее арендаторы уплачивают в два срока — в месяце гекатомбеон и посеидеон (IG. II². 2498). По-видимому, это происходит по той причине, что в их ведении находятся не только земельные участки, но и пастбища.

Два срока платежа могли быть связаны с тем, что в ходе аренды они получали урожай, а также приплод скота. Подобную картину можно наблюдать в других областях греческого мира [9. С. 253]. При этом в некоторых случаях, если арендатор задолжал какую-то часть арендной платы, ему предписывалось «не покидать земельный участок, пока не будет внесена вся сумма» (IG. II². 2497. 18–20).

Права арендаторов, занимающихся земледелием на теменосах Аттики во второй половине IV в. до н. э.

Арендаторы, занимающиеся земледелием на территории теменосов, не только выполняли различные обязанности, но также были наделены определенными правами. Прежде всего, им предоставлялась возможность на протяжении некоторого времени самим определять порядок проведения земледельческих работ. В частности, в надписи о сдаче в аренду священных земель в Пирее сказано, что в течение девяти лет арендатор может самостоятельно определять, в каком порядке проводить соответствующие работы (IG. II². 2498. 16–20). По-видимому, предоставление такого права связано с тем, что арендодатель полностью доверяет гражданам, арендующим земли, зная об их умении правильно ухаживать за вверенным им участком.

Судя по сведениям договора о сдаче в аренду теменоса в деме Прасий, арендатор получает право быть свободным от уплаты различных налогов, в том числе чрезвычайного налога (эйсфоры), до тех пор, пока не внесет всю необходимую арендную плату (IG. II². 2497. 5–8). По-видимому, для арендатора это было весьма льготным условием заключения сделки. В IV в. до н. э. власти афинского полиса постоянно облагали граждан различными видами налоговых платежей, что вызывало возмущение гражданского коллектива [1. С. 89]. Можно предположить, что финансовые затраты в виде одновременного внесения арендной платы и каких-либо налогов были для многих граждан невыполнимыми. В связи с этим демы в качестве арендодателей предоставляют земледельцам определенные льготы, освобождая их от уплаты налоговых платежей на период аренды. В таких ситуациях в качестве налогоплательщиков выступают сами демы (IG. II². 2492. 20–25; 2499. 26). Предоставление такой льготы арендаторам-земледельцам со стороны арендодателя, скорее всего, свидетельствует о том, что демы были заинтересованы в выполнении качественных работ на теменосах и не желали терять работников из-за их финансовых трудностей.

Заключение

На основании всего вышесказанного можно сделать некоторые выводы. Арендаторами священных земель в Аттике IV в. до н. э. были граждане, имеющие разный социальный статус. Одними из них являлись арендаторы-земледельцы, которые были выходцами из густонаселенных районов Аттики. Они сами занимались сельскохозяйственными работами на священных земельных участках. При этом их вряд ли можно назвать издольщиками, поскольку в качестве арендной платы они вносили определенную денежную сумму, а не половину урожая. В соответствии с условиями договоров

об аренде священных земель у арендаторов-земледельцев был правовой статус, они имели права и обязанности. При этом количество обязанностей явно превышает права, что позволяет судить об их невысоком социальном статусе. В целом можно отметить, что участники аренды священных земель вступали в определенные правоотношения, обладали дееспособностью. Арендаторы-земледельцы, участвующие в аренде теменосов, не были бесправными, несмотря на свой невысокий социальный статус. Возможно, это было также связано с тем, что в аренду они брали теменосы, которые имели особое значение для греческого полиса, поскольку считались собственностью самих богов, а любое беззаконие на священной земле могло быть осуждено свыше.

Библиографический список

1. Бulyчева Е.В. Древняя Аттика в конце V–IV вв. до н. э. Распоряжение общественной землей в полисе. М.: РГГУ, 2018.
2. Андреев В.Н. Аграрные отношения в Аттике V–IV вв. до н. э. // Античная Греция. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 247–327.
3. Глускина Л.М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л.: Наука, 1975.
4. Бulyчева Е.В. Сельскохозяйственные работы на священных землях Аттики IV в. до н. э. по данным эпиграфики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 277–286. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-3-277-285>
5. Jones A.H. Athenian Democracy. Oxford: Oxford University Press, 1964.
6. Osborne R. Social and economic implications of the leasing of land and property in classical and hellenistic Greece // Chiron. 1988. Vol. 18. P. 279–323.
7. Finley M.I. Studies in land and credit in ancient Athens 500–200 B.C. New Brunswick: New Jersey, 1952.
8. Walbank M.V. Leases of sacred properties in Attica // Hesperia. 1983. Vol. 52. P. 161–201.
9. Бulyчева Е.В. Обязанности арендаторов священной земли в Аттике (IV в. до н. э.) // Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти В.И. Кузицина. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2021. С. 251–257.

References

1. Bulycheva E.V. *Drevnjaja Attika v kontse V–IV vv. do n. e. Rasporjazhenie obchestvennoj zemlyei v polise* [Ancient Attica at the end of V–IV centuries BC. the Disposal of public land in the policy]. Moscow: RGGU Publishing House, 2018. (In Russ.).
2. Andreev V.N. *Agrarnye otnoshenija v Attike V–IV vv. do n. e.* [Agrarian relations in Attica V–IV centuries BC.], *Antichnaya Gretsija*. Moscow: Nauka Publishing House. 1983; (1):247–327. (In Russ.).
3. Gluskina L.M. *Problemy social'no-ekonomicheskoi istorii Afin IV v do n. e.* [Problems of the socio-economic history of Athens in the IV century BC.]. Leningrad: Nauka Publishing House, 1975. (In Russ.).
4. Bulycheva E.V. Agricultural work on the sacred lands of Attica IV century BC. according to epigraphica. *RUDN Journal of World History*. 2021;13 (3): 277–286. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-3-277-285>

5. Jones AH. *Athenian Democracy*. Oxford: Oxford University Press, 1964.
6. Osborne R. Social and economic implications of the leasing of land and property in classical and hellenistic Greece. *Chiron*. 1988; (18):279–323.
7. Finley MI. *Studies in land and credit in ancient Athens 500–200 BC*. New Brunswick: New Jersey, 1952.
8. Walbank MB. Leases of sacred properties in Attica. *Hesperia*. 1983; (52):161–201.
9. Bulycheva EV. *Objazannosti arendatorov svjashennoi zemli v Attike (IV v. do n. e)* [Duties of tenants of sacred land in Attica (IV BC)]. *Jekonomika, pravo, vlast' v drevnem mire. Posvjashhaetsja pamjati V.I. Kuzishhina*. St. Petersburg; 2021, p. 251–257. (In Russ.).

Информация об авторе:

Булычева Елена Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский государственный гуманитарный университет, e-mail: bulychevalena@yandex.ru

Information about the author:

Bulycheva Elena Vladimirovna — PhD in History, associate professor department of world history, Russian State University for the Humanities, e-mail: bulychevalena@yandex.ru.

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-3-258-266

EDN: TDWTMS

Научная статья / Research article

Конфликты в римском земельном праве эпохи Империи

И.А. Гвоздева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский пр., 27–4

 innagvozdeva@mail.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении сельского хозяйства Древнего Рима эпохи Империи с точки зрения развития судопроизводства. В период перехода от Республики к Империи в Риме оформилось несколько систем межевания. В системе центуриации наиболее рельефно обозначились категории собственности и владения. Задача исследования — показать, как в земельных спорах, или контроверсиях происходила смена архаического судопроизводства формулярным, которое было характерно для предклассического периода. Проанализировав контроверсии, автор пришла к неоспоримому выводу: архаические черты в данном сегменте римского судопроизводства сохранились вплоть до классического периода *ius civile*. Решив поставленную задачу, автор сформулировала важный тезис: такие контроверсии, как *de loco*, *de fine* и *de proprietate*, на протяжении веков проводились с использованием архаического глагола *litigo*, между тем в предклассическом судопроизводстве в процесс внедряется глагол *ago*. По мнению автора, сочетание черт архаического и формулярного процессов, хотя и осложняло судопроизводство по земельным спорам, тем не менее даже в классический период *ius civile* сохраняло все характерные черты древнего земельного права.

Ключевые слова: архаический процесс, формулярный процесс, судопроизводство, собственность, владение, центуриация, кадастр

Для цитирования: Гвоздева И.А. Конфликты в римском земельном праве эпохи Империи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 3. С. 258–266. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-258-266>

© Гвоздева И.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Conflicts in Roman Land Law in the Era of the Empire

I.A. Gvozdeva

Lomonosov Moscow State University,
27–4 Lomonosovsky Ave., Moscow, Russian Federation, 119991, GSP–1

 innagvozdeva@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to examine agriculture of the Ancient Rome from the point of view of the development of judicial proceedings in this branch. During the period of transition from the Republic to the Empire several systems of land surveying were formed in Rome, which contributed to the improvement of land management. In the centuriation system the categories of land ownership and possession were most clearly defined. The task of this study is to show how in land disputes (controversies) there was a change of the archaic legal procedure to the formulary one, characteristic of the preclassical period. However, it is the analysis of controversies that reveals the peculiarity of Roman agriculture, in which the archaic features in legal proceedings not only persist for a long time but also linger until the classical period of *Ius Civile*. Such controversies as “*de loco*”, “*de fine*”, “*de proprietate*” were conducted using the archaic verb *litigo* (including the classical period). But at the same time, in the pre-classical legal proceedings the verb “*ago*” was introduced into the process. Though the combination of features of the archaic and formulary processes complicated the judicial process in land disputes, nevertheless, it retained all the characteristics of the ancient land law which was also important in the classical period of *Ius Civile*.

Keywords: archaic process, formulary process, legal proceedings, property, possession, centuriation, cadastre

For citation: Gvozdeva IA. Conflicts in Roman Land Law in the Era of the Empire. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(3):258–266. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-258-266>

Введение

После создания Августом римского кадастра предполагалось, что все предпосылки для архаических контрoверсий должны исчезнуть. Поскольку теперь технической основой всего *divisio* земель стал *modus*. Именно этот параметр и должен был превратиться в основной объект противостояния в спорах. Действительно, иск «*de modo*» («о размере участка») в период империи в первую очередь был связан с актом продажи участка земли, являясь вещным иском (*In rem*) по *Ius Civile*. Да и в самом учении о вещах *modus* обозначал обязанность, наложенную на субъект права [1. С. 114–117]. В период Империи *modus* заменил категорию «неопределенного» *locus* («место участка») и стал рассматриваться как *ager* с указанными границами и площадью [2. С. 3–16]. В *Corpus Agrimensorum Romanorum* (CAR) содержатся сведения, как в земельном праве Империи именно *modus* сохранял характерные особенности *ager*, позволявшие высказывать претензии по переплате за площадь [3. С. 28].

Это показывает, что и в архаический, и в предклассический периоды *modus* все же играл скорее лишь подсобную роль в *divisio*, а не был решающим аргументом в судопроизводстве (D. 10. 1, 7).

Совершенствование судебного процесса по земельным спорам

Фронтин полагал, что в классический период *modus*, наконец то, становится главным свидетельством в ассигнации участков земли; ведь на *agri divisi* могли обнаружиться некоторые просчеты. И в этом случае «*de modo controversia est in agro adsignato*» (CAR. S. 5). Собственно, при ассигнации в *civitas* реализовался принцип равенства, а межевание было построено на *modus-princip* [4. P. 88–93]. Гигин Старший разъяснял, что на полях *divisi et assignati* каждая единица площади имеет свой точный *modus* (CAR. S. 80). А Гигин Громатик добавлял, что внутри таких единиц площади (центурий) каждый участок — «*ad modum acceptum*» (CAR. S. 162).

Примечательно, что в спорах «*de modo*» сохраняется тот же титул, что и в тяжбах «*de loco*» — *controversia*. Фронтин считал, что подобный спор возникает, если «*de modo controversia quotiens [re] promissioni modus non quadrat*» (CAR. S. 6). Это явный намек на ошибку в расчете межевой сетки ассигнации. М. Казер полагал, что Фронтин в данном случае заботился именно о проверке *modus* [5. S. 8–12]. Комментатор же Агенний Урбик просто требовал провести проверку размера участка для «*modus ristituere*» (CAR. S. 35).

Имперские землемеры анализируют спор «*de modo*» в двух вариантах: первый — по возможной ошибке в расчетах, второй — при проверке и защите прав древнего квинритского посессиона. Агрименсоры рассматривают «*de modo*» в формулярном процессе, поэтому, ход расследования ведется на глаголе *ago*, хотя самое начало противостояния определяется глаголом *passor*. Ясно, что перед нами иск *actio* классического периода, в котором остаются черты архаической контроверсии. Более того, Гигин Старший утверждает, что «*de modo*» включает даже больше пограничных элементов, чем вещных (CAR. S. 94). Хотя у Павла мы встречаем утверждение, что «*de modo*» возникает из несоответствия размеру (Paul. Sent. II. 17. 14). Возможно, имеется в виду ошибка при разметке архаических посессионов.

Вполне можно согласиться с Ф. Хинриком о том, что «*de modo*» включает элементы разных исков [6. S. 195]. Тем более, что тезис Гигина Старшего о том, что *modus* тесно связан с границей *finis*, соответствует как первому, так и второму варианту (CAR. S. 84). Но Фронтин рассуждает о применении «*de modo*» на землях, не подвергавшихся межеванию (CAR. S. 5–6). У комментатора такие поля — это неизмеренные *loci* (CAR. S. 35). Следовательно, в данном случае речь идет о посессионах, созданных через *occipatio*. Вот именно эти поля в период Империи нуждались в проверке на *vestigal*, что сближает

контroversии «de modo» и «de loco». Важно отметить, что «controversia de loco» как архаическая тяжба происходила с опорой на *fides*. Древнее производство шло по *legis actio* с использованием глагола *litigo*, а момент истины наступал в *litis contestatio* при соблюдении взаимных обязательств. Но анализ «de modo» показал, что судопроизводство в земельном праве и в классический период могло продолжаться в формулярном процессе. По сути, отступление от классического иска раскрывалось только в уточнении площади квинритского *possessio* на *modus* с соблюдением норм *Ius Ordinarium*.

Примечательно, что в период Империи «controversia de loco» сохраняла свои позиции в земельном праве. Архаический иск «de loco» демонстрировал тесную связь категории *finis* с *locus* и знаком границы — *terminus*. Весь ход процесса в иске «de loco» разворачивался в сторону принятия компромиссного решения. Землеустройство в период архаики строилось на том, что правильное проведение контroversий поддерживает мировой порядок, границы же показывают собственность на землю [7. С. 168]. Неопределенный по размеру *locus* оставался в указанных природных границах. Для О. Берендса такие поля являются *loci soluti* [8. S. 224]. В римской агрименсуре такой *locus* получил определение *arcifinius*. Подобный *arcifinius* мог входить и в состав *fundus* (CIL. X. 4842; CAR. S. 40). По мнению А. Бурдеше, в римском земельном праве *locus* всегда сохранял за собой известные природные обозначения [9. С. 19]. Следовательно, именно *finis* стала играть решающую роль в уточнении *locus* как *arcifinius*. А по мнению Павла — это основание для вещного иска (D. 10, 1, 4, 5/6). А. Рудорфф видел здесь вещный иск, хотя оспаривания площади и не проводилось (SRF. II. S. 252). Архаичность «de loco» подтверждает глагол *litigo*, хотя иск о «месте участка» может начинаться и с глагола *pertineo*. Тем не менее, О. Берендс считает «de loco» только вещным иском [8. S. 245]. Надо сказать, что для Цицерона подобный вопрос не был однозначен. Он видел в «de loco» основание для развития *possessor*ского права (Cic. de re publ. 81). Известно, что и Гай определял здесь критерии для права на участки (Gai. IV. 42).

Наш основной источник CAR не всегда определяет суть контroversий. Так, начиная анализ *possessiones*, авторы переходят с объекта тяжбы *locus* на границу *finis* (CAR. S. 34). Но это лишь подчеркивает архаизм контroversий. И даже такой автор, как О. Берендс, не всегда точно понимает архаическое оформление *locus*. Он, настаивая на вещности «de loco», все же игнорирует упоминание Фронтином ширины (*latitudo*) вместо площади поля применительно к *arcifinius* (CAR. S. 2) [8. S. 250–252].

Важно, что в классический период понятие *locus* в кадастре обозначало такие важные его части, как *silva et pascua*, а также и *compascuus*. Представляя собой основание для *possessio minus*, *locus* оставался важной категорией во всей римской жизни (Cic. de off. 1, 7; Cic. de leg. Agr. 1. 1, 3; 3, 3, 12). О. Берендс справедливо замечает, что именно через такой *possessio*

minus претор с помощью usucario мог вмешиваться в гентильную природу собственности [8. S. 249–269]. Кстати, на это указывает и комментатор Фронтин Агенний Урбик (CAR. S. 30–34). Гигин Старший прямо связывает locus с древним посессионом (CAR. S. 93). Надо упомянуть, что такие loci не имели планов, что лишний раз подчеркивает архаичность этой категории. Обычно, на природных границах loci часто сохранялись древние зарубки на стволах пограничных деревьев (CAR. S. 108–109). Интересно, что Агенний Урбик в этом видел элементы еще Ius Quiritium (CAR. S. 30–34). По мнению Гигина Старшего, контрверсия «de loco» чаще возникала на реликтовых землях. Фронтин считал, что такой спор традиционно проводился по legis actio (CAR. S. 5). Его комментатор добавил, что характер тяжбы был in rem, но с пограничными составляющими (CAR. S. 41).

Традиции архаического судопроизводства в земельном праве Древнего Рима

Все землемеры считали, что самый древний спор о границе «de fine» происходил и в имперский период. Роль границы была важна не только в выделении участка, но и в обеспечении проезда к месту работы земледельца (Verg. Georg. I. 125; Ovid. Met. I. 135; Ovid. Amor. III. 8. 42–43; Cic. de leg. I. 25, 55; CAR. S. 27–28). Суть древнего пограничного спора раскрывалась именно в «de fine» (D. 10. 1, 2, 4, 10). Сама природная finis занимала в земельном праве особое положение [10. P. 9–25]. Обозначаясь по рельефу, finis не имела собственной линии границы. Пограничная линия связана в римской агрименсуре с другой древней границей — ригором (rigor) (CAR. S. 4–5, 31). По мнению А. Шультена и Ф. Кастаньоли, именно это обстоятельство превратило ригор в важнейший элемент римского землеустройства [11. S. 110; 12. С. 21–28]. Именно ригор в системе землеустройства стригации-скамнации и стал выделять участок земли заметной линией границы (CAR. S. 54; fig. 25–27) [13. С. 76].

Природная finis и в имперский период продолжала обозначать древний квинтитский посессион. Именно поэтому один из землемеров, Сикул Флакк, составил ее подобное описание (CAR. S. 107–108). Важнейшей характеристикой finis была ширина, сохранность которой даже агрименсорам трудно было обнаружить среди природных реперов. Кроме того, со временем и рельеф, обозначавший finis, хоть и медленно, но все же мог меняться. Ригор же, представлявший линию границы, был чаще всего обсажен терновником. Если такой ригор был поврежден или разрушен, то объектом тяжбы мог стать угол его поворота (CAR. S. 4–5; 30–31). В архаический период в ходе процесса legis actio суть тяжбы часто заменялась ритуалом [6. S. 184]. В предклассический период контрверсии «de fine» и «de rigore» готовил к процессу претор, стремившийся найти компромиссное решение для участников спора (CAR. S. 33). Поскольку

эти сведения сохранялись в *CAR*, следовательно, в суде процесс по границам шел по архаическому образцу даже и в имперский период. И хотя сам процесс не был *legis actio sacramento*, но решение принималось еще в ходе формулярного, а не классического судопроизводства (*CAR*. S. 80). Пограничный конфликт осложнялся тем, что на практике природную *finis* невозможно было отделить от *locus*. Именно поэтому, уже в ходе формулярного процесса применялось понятие «присуждение» одной из сторон — *adjudicatio*. Тем не менее, важное положение *finis* как основы всего земельного права поддержал своими распоряжениями Август (*CAR*. S. 7, 65). То, что Август усилил значение *finis*, не имевшую в архаике даже линии границы, показало его глубокое понимание структуры всего римского землеустройства (*CAR*. S. 120, 160, 164).

Вторая граница-дорога *rigor* со своей более определенной линией выделила заметно участок земли (*Plin. NH*. II. 137, 148). Это не умаляло значение *finis* (*Fest*. 358L) [14. P. 15–16]. Практическое закрепление границы *finis* осуществлялось постановкой знака — *terminus* (*Dionys*. II. 75; *Plin. NH*. XVIII. 8; *Plut. Num*. 14; *CAR*. S. 105). На ригоре же такой знак ставился чаще в углу поворота в виде каменного креста (*CAR*. S. 75, 137; fig. 81).

Если на архаической *finis* не сохранились межевые камни, то ее восстановление шло по признакам рельефа, согласно обычаю местности. Фронтин сводил суть спора о *finis* к реконструкции категории поля *arcifinius* (обозначенное, но неизмеренное пространство) (*CAR*. S. 5) [9. С. 193]. На ригоре же, даже при потере *terminus*, следы угла поворота можно было восстановить. Ведь ширина ригора в углу увеличилась до 15 футов (*Fest. Ambitus*). Причем такая особенность угла ригора не влияла на точность *modus* единицы площади и частного участка. А поскольку оба хозяева соседних участков и по финис и по ригору имели равные права, важно, чтобы эти соседские права соблюдались полностью (*CAR*. S. 58–59). Права по соседству основывались на *fides*, гарантировавшей ход архаического судебного процесса. Но в предклассический период этого было уже недостаточно. Теперь заметно возросла роль межевого знака Термина. На нем помещались записи об участке, сменившие архаические зарубки на пограничных деревьях (*CAR*. S. 80) [9. С. 32]. Поскольку Термином обозначался *fundus* гражданина, то его граница отмечалась с большей точностью, чем на неопределенных *loci* (*Plin. NH*. XIX. 4, 50; *CAR*. S. 78, 102). В классический период *Ius Civile* как финис, так и ригор стали выделять *dominium* на полях, подвергшихся лимитации (*CAR*. S. 157–159). *Finis* превратилась в прямую границу-дорогу ассигнованного участка после проведения пересчета на *modus* всего размежеванного массива (*CAR*. S. 5, 73, 122) [15. P. 99–100; 16. С. 79–99].

Необходимо отметить, что в IV в. н.э. Агенний Урбик связывал рассмотрение контрверсии «*de fine*» с контрверсией «*de positione terminorum*» (*CAR*. S. 58–62). Для этого периода можно говорить даже и о судейских функциях агрименсоров. Считается, что специалисты высшей квалификации

по межеванию и решали вопрос, в какой степени смысл спора о «расположении терминов» воплощает в себе тяжба «*moti termini*». Ведь известно, что в классический период сдвиг термина уже не рассматривался святотатством, как в архаику, а считался уголовным преступлением (D. 10, 1, 4, 4). Но влияние «*moti termini*» на «*de positione terminorum*» все же сводит спор к углу поворота. Причем Агенний Урбик подчеркнул, что в этом случае в споре могут принимать участие не более двух соседей (CAR. S. 58). Но он не прояснил, сохраняется ли в судопроизводстве архаический глагол *litigo*. Для комментатора сам *terminus* является активным элементом в спорах и «*de loco*» и «*de modo*» именно через «*de positione terminorum*» (CAR. S. 59). Вполне справедливо мнение К. Моатти, что *terminatio* для классического периода превратилась в важнейший технический элемент всего акта *divisio* [15. С. 83]. Ф. Хинрикс считает, что все агрименсоры все же стремятся более четко отделить контроверсию «*de fine*» от сути «*de loco*» [6. S. 177].

В отличие от финис граница ригор точно демонстрировала на земле состояние *privatus* в виде *fundus* (CAR. S. 106, 113–115; fig. 1–2). Работа на ригоре сводилась к его «восстановлению» [6. S. 39–49]. Ход же судебного процесса «*de rignore*» в предклассический период определялся формулой претора (Gai, IV. 42). Если в производстве «*controversia de fine*» сохранялся архаический глагол *litigo*, то с него только начиналась тяжба по ригору, а дальнейший ее ход шел по глаголу *facio*. Следовательно, спор о ригоре по сути являлся *actio*, сохранявший древний титул *controversia*. Пограничные споры все чаще стали включать в разбирательство часть формулы *adjudicatio* превратившуюся в технический элемент земельного права [6. S. 181, 247].

Одним из важнейших типов споров был «*de proprietate*» — об исключительном праве выпаса скота на землях *silva et pascua* (CAR. S. 6). Согласно Фронтину эта контроверсия совершалась на глаголе *litigo*, но его комментатор Агенний Урбик в данном случае употреблял не юридический глагол — *discuto* в значении *ago* (CAR. S. 39). Здесь прослеживается эволюция судебного процесса в постклассический период. В CAR для этого периода сохранились даже сведения о следах коллективного пользования земель в Италии, находившихся в собственности всего гражданского коллектива. В провинциях же эти категории земель находились уже — *pro indiviso*, что отразило развитие частной собственности на все категории земель империи. Сохранность элементов архаического судопроизводства в Италии обнаруживается и на продолжении использования экспертизы менсоров в местных традициях землепользования. В провинциях же в случае разбирательств и споров по *silva et pascua* предпочитали обращаться к документу — плану межевания (CAR. S. 39–40).

Фронтин считал, что еще один важный спор «*de possessione*» — о владении на земле, должен был проходить именно по архаическому глаголу *litigo* (CAR. S. 6). Однако это же автор утверждает, что юридическую основу спора составляет *interdictum* претора. Фронтин дает понять, что в том случае, когда

речь идет о квинритском possessiоne, то вводится инструмент *Ius Honorarium* (*interdictum*), хотя разбирательство идет о древних владениях. Согласно Фронтину, для подобных случаев разбирательство проходит по формулярному процессу, но все участники процесса должны хорошо себе представлять, что обсуждается архаический материал. И Фронтин, и его комментатор понимали, что следствие, проводимое по преторской формуле, осуществляется с использованием глагола *ago*.

В *CAR* этот тип спора остается без комментариев для классического периода *Ius Civile*. Древние possessiоны — это крупные земельные массивы *Ager Publicus*, создание которых демонстрировало публичность акции в римской *civitas*. Это, по мнению В. Зимшауцера, было социальной потребностью [17. S. 223]. Позднее такие possessiоны уже нуждались в защите. Она появляется в преторском праве через *impetium* магистрата, т.е. это *interdictum*. Такая защита удостоверяет и ригор, и даже природную *finis* [8. С. 215]. Но само владение на землю даже в развитой римской агрименсуре могло выражаться через архаическое понятие *locus* в виде *arcifinius* (*CAR*. S. 5). Действительно, ведь в архаику «*de loco*» становился как бы проявлением власти всей *civitas* [8. С. 269]. Правда, сами агрименсоры все же настаивали, что possessiоны возникали на невозделанных полях (*CAR*. S. 93).

Гигин Старший считал, что такой *locus* на *Ager Colonicus* предоставлялся поселенцам самой администрацией колонии (*CAR*. S. 92), поэтому судопроизводство по possessiонам шло на *Ager Colonicus* по архаическому *legis actio*. Еще М. Казер видел в формуле *uti possidetis* выражение ранней формы защиты владения [18. S. 30]. Ведь факт *occupatio* выражался через *arcifinius*, поэтому в тексте Фронтин *litigo* как бы усилено *interdictum* (*CAR*. S. 6). Этот автор отделил спор «*de loco*» от другой тяжбы «*de possessione*». Однако употребление *litigo* подчеркивает, что в том и другом случае главное внимание уделяется месту участка (*CAR*. S. 6, 8). В контроверсии «*de possessione*» у Фронтин присутствуют два аспекта: вещный аспект в землеустроении, а пограничный в праве. Но все же если у Фронтин и употребляется экспертиза менсоров, то Агенний Урбик ограничивается проверкой по документам кадастра.

Заключение

Все контроверсии в *CAR* в имперский период сохраняли архаические черты. Это прослеживается в ходе производства по таким контроверсиям как: «*de loco*», «*de fine*», «*de proprietate*». Но уже в контроверсии «*de modo*» более рельефно выступают элементы оформления участка *privatus*, как *dominium* на землю. Однако весь ход судопроизводства по земельному праву показывает — насколько медленно шел процесс выделения частнособственнических прав на землю из укоренившихся общественных начал.

Библиографический список

1. *Гримм Д.Д.* Лекции по догмам римского права. Пг., 1916.
2. *Гвоздева И.А.* Аграрный спор de loco в сочинениях римских землемеров // Вестник Моск. Ун-та. Серия 8. История. 2001. № 2. С. 3–16.
3. *Бартошек М.* Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989.
4. *Frayn J.M.* Subsistence Farming in Roman Italy. L., 1979.
5. *Kaser M.* Restituere als Prozessgegenstand. Die Wirkungen der litis contestatio auf den Leistungsgegenstand im römischen Recht. München, 1968.
6. *Hinrichs F.T.* Die Geschichte der gromatischen Institutionen. Wiesbaden, 1974.
7. *Grelle F.* L'appartenenza del suolo provinciale // Index. Napoli. № 18. P. 168.
8. *Behrends O.* Bodenhoheit und privates Bodeneigentum im Grenzwesen Roms // Die Römische Feldmeßkunst. Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms. Göttingen, 1992. S. 192–280.
9. *Burdese A.* Studi sull'Ager Publicus. Torino, 1974.
10. *Capogrossi Colognesi L.* I gromatici nella storiografia dell'Ottocento // Die Römische Feldmesskunst. Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms. Göttingen, 1992. S. 9–25.
11. *Schulten A.* Die Römische Flurteilung und ihre Reste. Berlin: Weidmann., 1898.
12. *Castagnoli F.* Le ricerche sui resti della Centuriazione. Roma: Ed. di Storia e Letteratura, 1958. Pp. 48.
13. *Гвоздева И.А.* «Finis» и «rigor» в аграрном праве древнего Рима // ДВАМ. 1999. Вып. 2. С. 72–79.
14. *Rose H.J.* Ancient Roman religion. L. (a. o.), pref., 1948.
15. *Moatti C.* Archives et partage de la terre dans le monde romain. (Ile siècle avant — Ier siècle après J.–C.) Roma, 1993.
16. *Campbell B.* Shaping the rural environment surveyors in ancient Rome // JRS. 1996 Vol. LXXXVI. P. 74–99.
17. *Simshäuser W.* Iuridici und Munizipalgerichtsbarkeit in Italien. München, 1973.
18. *Kaser M.* Zum Ediktsstil // Festschrift Schulz. Weimar, 1951. Bd. 2. S. 21–70.

Информация об авторе:

Гвоздева Инна Андреевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, e-mail: innagvozdeva@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6075-9033

ВОИНЫ И ПОЛКОВОДЦЫ WARRIORS AND WARLORDS

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-3-267-278

EDN: TJGEXP

Научная статья / Research article

Полководцы волей сената: наместники сенатских провинций в системе военного командования в период ранней Римской империи

С.В. Телепень

Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина,
247760, Белоруссия, Мозырь, ул. Студенческая, 28

 telepen_serg@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной изученностью роли наместников сенатских провинций в системе военного командования ранней Римской империи. Восполнение этого знания необходимо как для изучения военной организации Рима, так и для раскрытия сути римской государственно-политической системы. Цель исследования — найти правовые и идеологические основания полководческого статуса наместников сенатских провинций, что, по мнению автора, должно быть решено прежде всего в контексте рассмотрения вопроса об *imperium militiae* таких наместников. При отсутствии в источниках прямых указаний на этот счет методом реконструкции послужил анализ конкретного материала (включая просопографический), отражающий полководческие функции наместников, назначавшихся сенатом. Автором предпринята попытка выяснить полководческий статус наместников посредством обнаружения у них полноценного *imperium militiae*. Вывод автора: на протяжении всего периода ранней Империи наместники сенатских провинций сохраняли свой *imperium militiae*, продолжая осуществлять функции военачальника, хотя и в существенно меньшем объеме, чем в начале периода. Такие наместники оставались важным элементом в системе военного командования, особенно в критических ситуациях, регулярно возникавших даже в «замирренных» провинциях.

Ключевые слова: Римская империя, сенат, наместники провинций, проконсулы, римская армия, *imperium militiae*

История статьи: Поступила в редакцию: 02.03.2023. Принята к публикации: 27.04.2023.

© Телепень С.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Телень С.В. Полководцы волей сената: наместники сенатских провинций в системе военного командования в период ранней Римской империи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 3. С. 267–278. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-267-278>

Commanders by the Will of the Senate: Governors of the Senate Provinces in the Military Command System during the Period of the Early Roman Empire

S.V. Telepen

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
28 Student St, Mozyr, Byelorussia, 247760

 telepen_ser@mail.ru

Abstract. The relevance of the research topic is due to the insufficient study of the role of the governors of the Senate provinces in the military command system of the early Roman Empire. Completion of this knowledge is necessary both for studying the military organization of Rome, and for revealing the essence of the Roman state-political system. The purpose of the study is to find the legal and ideological grounds for the military status of the governors of the senatorial provinces, which, in the author's opinion, should be resolved primarily in the context of considering the issue of imperium militiae of such governors. In the absence of direct indications in this regard in the sources, the method of reconstruction was the analysis of specific material (including prosopographic), reflecting the military functions of the governors appointed by the Senate. The author made an attempt to find out the commander's status of the governors by finding a full-fledged imperium militiae in them. The author's conclusion: throughout the entire period of the early Empire, the governors of the senatorial provinces retained their imperium militiae, continuing to carry out the functions of a military leader, although to a much lesser extent than at the beginning of the period. Such governors remained an important element in the system of military command, especially in critical situations that regularly arose even in the «pacified» provinces.

Keywords: Roman Empire, Roman army, senatorial provinces, principate, proconsul, imperial legate, imperium militiae

Article history: Received: 02.03.2023. Accepted: 27.04.2023.

For citation: Telepen SV. Commanders by the Will of the Senate: Governors of the Senate Provinces in the Military Command System in the Period of the Early Roman Empire. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(3):267–278. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-267-278>

Введение

Как известно, римское государство, которое при Августе фактически превратилось в наследственную монархию, официально оставалось *Res publica*. Такая особенность имела своим следствием то, что император был окружен в решении своих управленческих задач сановниками сенаторского

ранга. В эту категорию входили высшие магистраты — консулы и преторы, поочередно осуществлявшие по завершении своей каденции управление провинциями, в этом случае уже в статусе проконсулов либо пропреторов.

И тем не менее, в отличие от республиканского времени, в условиях принципата наместничество не во всех случаях становилось выражением традиционного сенаторского *cursus honorum*. Поворотным моментом здесь стала реформа 27 г. до н.э., в результате которой Август взял на себя управление группой пограничных/милитаризованных провинций (Испанией, Галлией, Сирией, Египтом и др.). Наместники императорских провинций — легаты пропреторского ранга и прокураторы — были при этом лишь уполномоченными принцепса. Сенату же было предоставлено право контролировать внутренние, замиренные провинции, направляя сюда наместников в проконсульском ранге и на основании процедуры жеребьевки. М.И. Ростовцев пишет о причинах возникновения данной системы: «О том, чтобы снова отдать войско сенату, не могло быть и речи. Такая попытка привела бы только к новой гражданской войне... У Августа не было иного выхода, как только оставить командование за собой, не допуская никого другого к разделению этого права» [1. С. 54].

На современном этапе развития науки актуальной остается проблема места наместников сенатских провинций в системе военного командования ранней Римской империи. Соответственно, требуется прояснить полководческий статус проконсулов. Данная проблема должна быть решена прежде всего через рассмотрение вопроса об *imperium militiae* таких наместников. При отсутствии в источниках прямых указаний на этот счет методом реконструкции может быть лишь анализ конкретного материала (включая просопографический), отражающего полководческие функции наместников сенатских провинций. В настоящей статье предпринята попытка выяснить их полководческий статус посредством обнаружения выводимых доказательств наличия у них полноценного *imperium militiae*.

Реформа провинциального управления 27 г. до н.э.

Писавший во времена Северов Дион Кассий указывает, что среди мер, принятых Августом в январе 27 г. до н.э., проконсул был лишен права носить меч (*gladius*) и военный плащ (*paludamentum*) (Dio Cass. LIII. 13. 3). Владения Рима, по утверждению автора, были отныне разделены, во-первых, на военные провинции, вверенные императору, и, во-вторых, на умиротворенные провинции, управлявшиеся проконсулами, которые якобы теперь не обладали военной властью (Dio Cass. LIII. 12. 2–3; 13.1; 13. 5–6; 16. 1). Дальнейший этап в развитии полномочий проконсула описан Дионом Кассием применительно к 23 г. до н.э. в связи с решением, которое он изображает как предоставление Августу *imperium*,

превосходящего *imperium* любого наместника и предназначенного для того, чтобы позволить принцепсу вмешиваться в дела всей державы, включая сенатские провинции (Dio Cass. LIII. 32. 5).

Рассказ Диона вызывает сомнения, так как здесь имеет место явный анахронизм. Хорошо известно, что легионы продолжали размещаться в ряде сенатских провинциях и после 20-х гг. до н.э. — в Македонии, Иллирии до изменения ее статуса в конце 10-х гг. н.э. и в Африке до конца II в. н.э. Очевидно, что демилитаризация сенатских провинций была более длительным процессом, чем предполагает Дион Кассий. Переход полководческих полномочий от проконсулов к императорским легатам не мог произойти в первые же годы после битвы при Акции и в контексте формального восстановления республиканских порядков. Однако и Страбон сообщает, что Август «себе оставил те области, где необходима для охраны военная сила». Страбон добавляет, что сенату принцепс «передал остальные земли, поскольку это были миролюбивые страны, которыми легко управлять без военной силы» (Strabo. XVII. 3. 25. Пер. Г.А. Стратановского). Светоний также пишет, об Августе: «Из провинций он взял на себя те, которые были значительнее и управлять которыми годичными наместниками было трудно и небезопасно; остальные он отдал проконсулам по жребию» (Suet. Aug. 47. 1. Пер. М.Л. Гаспарова).

Дион Кассий в части повествования, посвященной событиям 27 года, указывает, что Август «возвратил сенату менее значимые провинции, поскольку в них царил мир и им не угрожали враги, за собой же оставил более важные, так как положение там было ненадежно и опасно либо из-за находящихся у их границ врагов, либо потому что они сами по себе способны были на серьезные возмущения» (LIII. 12. 2. Пер. А.В. Махлаюка). О наместниках сенатских провинций он уточняет несколько далее, что Август «консульский ранг предоставил другим наместникам, ведавшим в основном мирными делами, присвоив им имя проконсулов» (LIII. 13. 5. Пер. А.В. Махлаюка). У этого автора определена и цель, которую преследовали меры января 27 г. до н.э.: «И чтобы только он (Август — *C.T.*) имел войско и содержал солдат» (LIII. 12. 3. Пер. А.В. Махлаюка).

Дион, однако, неверно трактует полномочия проконсула, когда исходит из мирного характера задач, стоявших перед наместником сенатской провинции. Прежде всего и в любом случае консулы последних десятилетий республиканской эры де-юре не утратили военный компонент своей власти до 27 г. н.э. [2. P. 34–47; 3. S. 90–109; 4. С. 196–197]. К тому же наместники сенатских провинций не могли не сохранять самосознание и традиции самопрезентации своих предшественников периода Республики [5. С. 68, 71]. Далее следует учитывать, что со времен принципата Августа эти провинции, в частности Македония, Иллирия, Африка и Киренаика, часто были театром военных действий [6. С. 165].

Основные сенатские провинции (Македония, Иллирия, Африка): командование легионами

В 27 г. до н.э. провинция Македония занимала такое стратегическое положение, что применительно к этому времени не может быть и речи о том, чтобы отнести ее к умиротворенным территориям. Римские войска должны были быть достаточно многочисленными, чтобы Марк Лициний Красс мог в качестве проконсула успешно руководить здесь многочисленными военными операциями, которые привели его в итоге в район Нижнего Дуная между 30 и 28 годами (Dio Cass. LI. 23–27; Liv. Per. CXXXIV. 3; Flor. II. 26). Под его командованием, как предполагается, было четыре или пять легионов [7. P. 142, 159, 205–211]. Среди них – IV-й Скифский и V Македонский (Tac. Ann. IV.5.3; CIL III, 1698=ILS 2281). К другим легионам, присутствовавшим в Македонии в течение 20-х годов до н. э., мы, безусловно, должны причислить VII-й (будущий *Claudia Pia Fidelis*) (CIL III, 7386), X-й Охраняющий пролив (*Fretensis*), чье присутствие засвидетельствовано для 16 г. до н.э. (AE 1936, 18), возможно также, что здесь находились XI-й (AE 1968, 466) и (или) XIII-й Сдвоенный (*Gemina*) (AE 1938, 55; CIL III, 14206). Правда, К. Крист полагает, что общее количество легионов, находившихся в сенатских провинциях, не превышало четырех, но, как можно видеть, эпиграфические данные противоречат этому мнению [8. С. 534].

До первого десятилетия нашей эры продолжались широкомасштабные кампании на северных окраинах Македонии, в частности во Фракии, в районе Нижнего Дуная [9. P. 231–232]. Значительное римское военное присутствие сохранялось в этой провинции на протяжении всего принципата Августа [10. S. 41]. Разумеется, проконсулы в конце концов передали командование основной массой римских войск в Македонии императорским легатам, но трудно сказать, когда это точно произошло; очевидно, тем не менее, что позже 23 г. до н.э. На это косвенно указывают злоключения Марка Прима, о котором известно, что в 24 или 23 г. он руководил кампанией против одрисов в восточной части Фракии (Dio Cass. LIV. 3. 2). Иск, предъявленный ему по возвращении в Рим за то, что он объявил войну союзникам, не окружив себя всеми необходимыми юридическими формальностями, имеет смысл лишь в том случае, если обвиняемый был наместником в ранге проконсула. Марк Прим нигде не указывается в источниках как подчиненный принцепса. К этому следует добавить, что если бы он был простым императорским легатом, то от него не требовалось бы публично заявлять о том, что он объявил войну с разрешения императора (Dio Cass. LIV. 3. 2).

Тем не менее после 22 г. до н.э., т.е. после суда над Марком Примом, и в прямой связи с возвратом под управление сенатских наместников Нарбонской Галлии и Кипра Август обменял эти две умиротворенные провинции на командование войсками, стоявшими до поры в Македонии, чтобы избежать повторения в будущем конфликтной ситуации, которая возникла

из-за расширенных полномочий Прима как проконсула [11. С. 138]. Лишь в 44 г. Македония была возвращена под управление сенатских наместников (Suet. *Claud.* 25. 9; Dio Cass. LX. 24. 1). Но теперь проконсул этой провинции не мог рассчитывать на командование каким-либо легионом, в то время как легат образованной к этому времени Мезии выступал в качестве командующего тремя легионами. Тем не менее преобразования 40-х гг. н.э. не означали, что наместник Македонии одновременно утратил военную составляющую своего *imperium*. Он продолжал командовать войсками, даже если последние были малочисленны и состояли лишь из вспомогательных когорт (*CIL* III, 7318; XVI, 67).

Расположенная к северо-западу от Македонии, Иллирия в начале принципата Августа принадлежала к числу приграничных сенатских провинций, которые также были далеки от умиротворения и где в связи с этим находились значительные римские силы. Первый проконсул Иллирии, достоверно засвидетельствованный источниками за период с 27 по середину 10 гг. до н.э., Публий Силий Нерва, известен своими многочисленными успехами, достигнутыми во время его наместничества. В 16 г. до н. э. он впервые нанес поражение альпийским племенам, затем с помощью своих легатов победил паннонцев и нориков, когда те вторглись в Истрию (Dio Cass. LIV. 20. 1–2). Нет никаких сомнений в том, что этот наместник действовал в качестве проконсула, если принять во внимание, что, по свидетельству Диона, у него были свои собственные легаты, и если вспомнить, что титул *proco (n) s (ul)* приписан ему надписью из Эноны (*CIL* III, 2973=*ILS* 899). Сказанное означает, что с 27 по 16 год проконсул Иллирии продолжал обеспечивать верховное командование войсками, дислоцированными в его провинции, в соответствии с практикой республиканской эпохи.

Трудно с уверенностью сказать о количестве войск, дислоцировавшихся в Иллирии в 20–10-х гг. до нашей эры, но нет никаких сомнений в том, что иллирийская армия тогда состояла из нескольких легионов. Известно, что в 14 г. н.э. в Паннонии, регионе, составлявшем северную часть Иллирии, находилось по крайней мере три легиона: VIII-й Августов, IX-й Испанский (*CIL* V, 911) и XV-й Аполлонов (Тас. *Ann.* I. 23. 5). Другие легионы, возможно, были в тот или иной момент включены в состав войск, располагавшихся в Иллирии: XI-й (*AE* 1920, 63; *CIL* III, 2832 = 9892; 2835; 2835; 641 = 9896; 14997 и 15000–15001), XIII-й Сдвоенный (*CIL* III, 8438; *ILS*, 2638), XIV-й Сдвоенный (*CIL* V, 8272) и XX-й (*CIL* V, 939; *ILS* 2270).

В 14 г. до н.э. военные действия на северо-западе Балкан, известные как *bellum Pannonicum*, начались с отправки в Иллирию войск под предводительством Марка Виниция. В той части повествования, которая посвящена событиям 11-го года, Дион Кассий уточняет, что «Далмация была передана под управление Августа как [область], требующая постоянного присутствия военных сил и сама по себе, и виду ее соседства с Паннонией» (Dio Cass. LIV.

34. 4. Пер. Е.В. Молева). Вполне вероятно, в таком случае, что Виниций был последним проконсулом Иллирии.

В январе 27 г. до н. э. Африка вошла в число провинций, переданных сенату, но проконсул этой провинции не был лишен в этом случае ни своего *imperium militiae*, ни возможности им воспользоваться. Доказательством этого являются военные кампании, которые проводились в конце 20-х гг. до н.э. последовательно двумя проконсулами Африки, а также итоги этих кампаний. Первый из наместников, Луций Семпроний Атратин, был проконсулом Африки в 22/21 г. Его действия были успешными и также принесли ему триумф в октябре 21 г. до н.э. [12. С. 48]. Второй — Луций Корнелий Бальб, проконсул Африки 21/20 года. Он возглавил военную экспедицию, которая привела его в Нумидию. По возвращении в Рим он также удостоился триумфа — в марте 19 г. до н.э. (Plin. *Nat. Hist.* V. 36–37).

Кампании, проводившиеся в конце 20-х годов, выглядят скорее как полицейские операции по подавлению эпизодических восстаний или разведывательные экспедиции, чем как настоящие завоевания, но важно, что они были признаны достойными триумфа. Голосование в сенате (о назначении триумфа), проведенное, несомненно, с одобрения Августа, означает, что Луций Семпроний Атратин и Луций Корнелий Бальб были наделены теми же полномочиями, что и Тит Стацилий Тавр, Луций Корнифиций и Луций Автроний Пет, которые также одержали победу незадолго до 27 г. до н.э. в качестве наместников Африки. Отсюда следует заключить, что реформа 27 г. никоим образом не повлияла на военный компонент *imperium* проконсулов этой провинции до конца 20-х гг. Правда, здесь следует сказать, что хорошо известный феномен массовой демобилизации римских войск в конце гражданской войны привел к тому, что римское военное присутствие в Африке было ограничено одним легионом — III-м Августовым [13. Р. 335–337]. Лишь через несколько десятилетий сюда на время был переведен IX-й Испанский, но это было связано с подавлением в 17–24 гг. н.э. восстания Такфарината (Tac. *Ann.* III. 9. 1; IV. 23. 2).

В первые годы нашей эры, т.е. еще до указанного, военные действия в зоне ответственности сенатского наместника Африки возобновились. В это время здесь последовательно командуют три проконсула. Первый из них Луций Пассиан Руф, получивший позже триумфальные украшения и провозглашенный *imperator*’ом, разумеется, в республиканском смысле этого звания (Vell. II. 116. 2; *CIL* VIII, 16456=*ILS* 120). Другой — Косс Корнелий Лентул, который разбил коалицию племен мусуламов и гетулов между 6 и 8 гг. н. э. (Vell. II. 116. 2; Flor. II. 31; Oros. VI. 21. 18). Вероятно, к этому следует добавить Луция Корнелия Лентула, смерть которого в Африке, как правило, связана с засадой, устроенной насамонами в год его проконсульства в начале первого десятилетия нашей эры [14. Р. 198–199]. Даже если оставить в стороне случай с Коссом Корнелием Лентулом, который приравнивается к императорскому

легату по причине его назначения *extra sortem*, то пример Луция Пассиена Руфа и, несомненно, также случай Луция Корнелия Лентула показывают, что проконсул Африки, назначенный в соответствии с традиционной процедурой *sortitio*, продолжал действовать в качестве командующего римскими войсками в Африке спустя годы после реформы 27 г. до н.э. Также в этом качестве известны имена двух других проконсулов последних лет правления Августа — Авла Цецины Севера и Луция Нония Аспрената. Их имена появляются на милевых столбах в связи со строительством дорог солдатами III-го Августова легиона (*AE* 1987, 992).

При Тиберии проконсулы Африки столкнулись с уже упомянутым восстанием Такфарината. С 17 по 24 г., как можно заключить из рассказа Тацита, четыре наместника последовательно командовали римской армией в Африке (*Ann.* II. 52. 3–4; III. 21. 4; 74. 1–3; IV. 24–25). Если последние двое, Квинт Юний Блез и Публий Корнелий Долабелла, были назначены проконсулами в результате процедуры *extra sortem*, т.е. без того, чтобы тянуть жребий, то нет особых оснований сомневаться в том, что первые двое, Марк Фурий Камилл и Луций Апроний, были назначены сенатом на основании жеребьевки (*Tac. Ann.* II. 52. 5). В нескольких пассажах Тацитом подчеркивается широта командирских полномочий, которыми эти наместники пользовались — вручение наград солдатам (*Ann.* III. 21. 3), назначение легатов (*Ann.* IV. 24. 3) и даже децимация (*Ann.* III. 21. 1).

Принципат Калигулы стал важной вехой в процессе поэтапного ограничения командирских полномочий наместников сенатской провинции Африка. Тацит пишет: «Вскоре Гай Цезарь, который всегда всех в чем-то подзревал и опасался правившего Африкой Марка Силана, отнял у проконсулов право командовать легионом и стал для того назначать легата» (*Hist.* IV. 48. Пер. Г.С. Кнабе). Что касается Диона, то в части повествования, посвященной 39 году, он сообщает, что «когда Луцию Пизону, сыну Планцины и Гнея Пизона, выпал жребий управлять Африкой, Гай (Калигула — *C.T.*) испугался, как бы тот, будучи человеком самонадеянным, не замыслил какого-нибудь мятежа, тем более что ему предстояло располагать крупными военными силами, как из граждан, так и вспомогательными». Дион добавляет также, что император «разделил провинцию надвое, передав войска вместе с соседними нумидийцами в подчинение другому наместнику» (LIX. 20. 7. Пер. А.В. Махлаюка).

Говоря о причинах решения Калигулы относительно командования III-м легионом Августа, Тацит и Дион Кассий объясняют их психическим расстройством принцепса или его навязчивым страхом, но глубинные предпосылки этой административной меры следует искать в другом. Передача III-го легиона Августа в сферу компетенции принцепса представляется логическим завершением процесса, который в итоге обеспечил императорской власти контроль над всеми легионами.

Тем не менее административные новшества, введенные Калигулой, не означали, что проконсул Африки был окончательно устранен от какой-либо военной деятельности. Пример Гальбы, назначенного проконсулом Африки в 44 г. с миссией положить конец беспорядкам в этой провинции (Suet. *Galba* 7. 1), показывает, что при Клавдии данный проконсул использовал те же полномочия, которыми обладали его предшественники при Клавдии, Августе и Тиберии. Это показывает, что реорганизация 39 года не означала лишение проконсула его *imperium militiae*. К этому добавим, что, хотя проконсул Африки с 39 года больше не был командующим настоящей армией, он, тем не менее, оставался во главе сравнительно крупного отряда, состоящего из солдат его *officium*, а также различных вспомогательных подразделений, присутствие которых засвидетельствовано в регионе. Среди последних — одна когорта из состава III-го Августова легиона, прикомандированная к ставке проконсула (CIL VIII, 2532+18042=ILS 2487; Tac. *Hist.* IV. 48. 2). И даже намного позже, в эпоху Антонинов, проконсул Африки продолжал возглавлять вооруженные силы, которые должны были насчитывать более тысячи человек. Во всяком случае так было в 128 году, когда император Адриан посетил Ламбезис [11. С. 154].

Прочие сенатские провинции: командование вспомогательными войсками

В целом известно, что вспомогательные войска присутствовали в большинстве сенатских провинций. При этом важным является решение вопроса о статусе командующего, возглавлявшего вспомогательные войска, дислоцированные в сенатских провинциях. Содержание диплома ауксилария, солдата I-й Ретийской когорты (*cohors I Raetorum*), дислоцировавшейся в провинции Азия, показывает, что в 148 г. шефом этой когорты был проконсул Азии Квинт Флавий Тертулл (AE 1981, 845a). Также имеется свидетельство в виде еще одного диплома, в котором уточняется, что солдаты I-й Флавиевой конной когорты нумидийцев (*cohors equitata I Flavia Numidarum*) служили во время совместного правления Марка Аврелия и Луция Вера (165–166 гг.) под командованием проконсула Ликии и Памфилии Юлия Модеста (AE 1999, 1357). Отсюда можно предположить, что Октавий Антонин, который упоминается в военном дипломе, датированном 120 годом, как командир I-й Флавиевой когорты бессов (*cohors I Flavia Bessorum*), дислоцировавшейся в Македонии и чей статус в этом эпиграфическом источнике не указан, вероятно, также был проконсулом этой сенатской провинции (CILXVI, 67=ILS, 9055). Данные параллели почти не оставляют сомнений в статусе командующего, который указан еще в одном дипломе как командующий вспомогательным подразделением,

дислоцированным в Ликии и Памфилии между 161 и 168 годами и чье имя неизвестно (читаются только первые три буквы: SAL [---]). Он, по всей вероятности, должен был быть проконсулом в том же качестве, что и Квинт Флавий Тертулл, Юлий Модест и Октавий Антонин [15. S. 81–82]. Также известен наместник Азии Флавий Тертулл, имевший в своем распоряжении в 148–149 гг. I-ю Ретийскую когорту [16. S. 197]. Несомненно, императоры понимали взаимосвязь между административными и командирскими навыками наместников [17. С. 328–329]. Соответственно, можно со значительной долей уверенности предположить, что на протяжении всей эпохи ранней Империи проконсулы имели в своем подчинении контингенты вспомогательных войск, дислоцированных в их провинциях. Основная задача таких контингентов заключалась в поддержании внутреннего порядка (Paul. Dig. I. 18. 3; Marc. Dig. LVII. 16. 1; XLVIII. 13. 4. 2). Проконсулы, опираясь на эти отряды, по мнению Миллара, в целом справлялись хорошо [18. P. 320–321]. Они также могли при необходимости составлять существенную часть вооруженных сил в случае масштабных военных действий. Например, весьма вероятно, что с помощью одних лишь вспомогательных отрядов и именно в качестве наместника сенатской провинции Крита и Киренаики Публий Сульпиций Квирий успешно вел войну против мармаринов и гарамантов, предположительно в 20–15 гг. до н. э. (Flor. II. 31. 41). Данная военная активность проконсулов, даже не имевших под своим командованием легионов, подтверждает мысль о том, что аристократический статус у римлян сохранял свой меритократический характер и в эпоху Империи [19. С. 55–60].

Заключение

Таким образом, свидетельство Диона Кассия о реформе 27 г. до н.э. не следует понимать буквально. Историк допускает анахронизм, когда сообщает о запрете проконсулам носить *paludamentum*. Возникший в результате императорского решения запрет должен был иметь место много позже и, несомненно, не применялся, возможно, до времен Септимия Севера, если учитывать, что именно этот император решительно прекратил прежнюю традицию сенаторского участия в военных делах. Во всяком случае, очевидно, что на протяжении всего предшествующего периода ранней Империи наместники сенатских провинций сохраняли свой *imperium militiae*, продолжая осуществлять командирские функции, хотя и в существенно меньших масштабах, чем в начале эпохи принципата. В этом отношении такие наместники оставались важным элементом в системе военного командования ранней Римской империи, особенно в критических ситуациях, требовавших наведения порядка вооруженной рукой — в связи с восстаниями местного населения, а также не слишком масштабными набегами соседних племен.

Библиографический список

1. *Rostovtzeff M.I.* Общество и хозяйство в Римской империи. Т. 1. / Пер. с нем. СПб.: Наука, 2000.
2. *Giovannini A.* *Consulare imperium* (Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft XVI). Basel: Friedrich Reinhardt Verlag, 1983.
3. *Girardet K.M.* Die Entmachtung des Konsulatesim Übergang von der Republik zur Monarchie und die Rechtsgrundlagen des augusteischen Prinzipats // *Pratum Saraviense: Festgabefür Peter Steinmetz* / Hrsg. W. Görler und S. Koster. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. S. 89–126.
4. *Roddaz J.-M.* Imperium : nature et compétences à la fin de la République et au début de l'Empire // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 1992. Vol. 3. P. 189–211.
5. *Смышляев А.Л.* Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата // *JVS ANTIQVVM. Древнее право*. 2006. № 17. С. 65–72.
6. *John M. Carter J.M.* *Suetonius: Divus Augustus*. Edited with Introduction and Commentary. Bristol: Bristol Classical Press, 1982.
7. *Keppie L.* *The Making of the Roman Army: from Republic to Empire* (Batsford studies in archaeology). London: Batsford, 1984.
8. *Крифт К.* История времен римских императоров от Августа до Константина. Т. 1. / Пер. с нем. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
9. *Papazoglou F.* Gouverneurs de Macédoine. A propos du second volume des *Fasti*, par Th. Sarikakis // *Živa antika*. 1979. Vol. 29. 2. P. 227–249.
10. *Schmitthenner W.* Augustus' spanischer Feldzug und der Kampf um den Prinzipat // *Historia*. 1962. Bd. 11. H. 1. S. 29–85.
11. *Hurlet F.* *Le proconsul et le prince d'Auguste à Dioclétien*. Paris: Boccard, 2006.
12. *Coltelloni-Trannoy M.* *Le royaume de Maurétanie sous Juba II et Ptolémée*. Paris: CNRS Éditions, 1997.
13. *Le Bohec Y.* *La Troisième legion Auguste* (Études d'antiquités africaines). Paris: CNRS Éditions, 1989.
14. *Desanges J.* Un drame africain sous Auguste. Le meurtre du proconsul L. Cornelius Lentulus par les Nasamons // *Hommages à Marcel Renard* / éd. J. Bibauw. (Collection Latomus, CI–CIII). Vol. 2. Brussels: Latomus, 1969. P. 197–213.
15. *Weiß P.* Ein neuer Prokonsul von Lycia-Pamphylia auf einem Militärdiplom (165/166n. Chr.), *Epigraphica Anatolica*. 1999. Vol. 31. S. 77–82.
16. *Eck W.* Die Verwaltung des Römischen Reiches in der Hohen Kaiserzeit. Ausgewählte und erweiterte Beiträge. Bd. 2. Basel: Reinhardt Verlag, 1998.
17. *Парфенов В.Н.* Домициан и его «генералилет» // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова / под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. С. 327–336.
18. *Millar F.* *Rome, the Greek World, and the East*. Vol. 2. Government, Society, and Culture in the Roman Empire. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2004.
19. *Деметьева В.В.* Современное антиковедение: концепция «римской меритократии» // Вестник ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Серия «История». 2007. № 1. С. 55–60.

References

1. *Rostovtzeff M.I.* *Obshchestvo i hozyajstvo v Rimskoj imperii* [*Society and Economy in the Roman Empire*]. Transl. from Germ. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka; 2000. (In Russ.).
2. *Giovannini A.* *Consulare imperium* (Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft XVI). Basel: Friedrich Reinhardt Verlag; 1983.
3. *Girardet K.M.* Die Entmachtung des Konsulatesim Übergang von der Republik zur Monarchie und die Rechtsgrundlagen des augusteischen Prinzipats. In: *Pratum Saraviense: Festgabefür Peter Steinmetz*. W. Görler, S. Koster (eds.). Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 1990, p. 89–126.

4. Roddaz J.-M. Imperium: nature et compétences à la fin de la République et au début de l'Empire. *Cahiers du Centre Gustave Glotz*.1992; (3):189–211.
5. Smyshlyaev A.L. Rimskij namestnik v provincial'nom gorode: stil' upravleniya v epohu principata [Roman Governor in a Provincial City.Management Style in the Era of the Principate]. In: *JVS ANTIQVVM. Ancient Law*. 2006; (17): 65–72. (In Russ.).
6. John M. Carter *J.M. Suetonius: Divus Augustus. Edited with Introduction and Commentary*. Bristol: Bristol Classical Press; 1982.
7. Keppie L. *The Making of the Roman Army: from Republic to Empire (Batsford studies in archaeology)*. London: Batsford; 1984.
8. Christ K. *Istoriya vremen rimskih imperatorov ot Avgusta do Konstantina [History of the times of the Roman emperors from Augustus to Constantine]*. Transl. from Germ.Vol. 1. Rostov-on-Don: Phoenix; 1997. (In Russ.).
9. Papazoglou F. Gouverneurs de Macédoine. A propos du second volume des *Fasti*, par Th. Sarikakis. *Živa antika*. 1979; 29 (2):227–249.
10. Schmitthenner W. Augustus' spanischer Feldzug und der Kampf um den Prinzipat. *Historia*. 1962;11 (1): 29–85.
11. Hurllet F. *Le proconsul et le prince d'Auguste à Dioclétien*. Paris: Boccard; 2006.
12. Coltelloni-Trannoy M. *Le royaume de Maurétanie sous Juba II et Ptolémée*. Paris: CNRS Éditions; 1997.
13. Le Bohec Y. *La Troisième legion Auguste (Études d'antiquités africaines)*. Paris: CNRS Éditions; 1989.
14. Desanges J. Un drame africain sous Auguste. Le meurtre du proconsul L. Cornelius Lentulus par les Nasamons. In: *Hommages à Marcel Renard*. J. Bibauw (ed.). (Collection Latomus, CI–CIII).Vol. 2. Brussels: Latomus, 1969, 197–213.
15. Weiß P. Ein neuer Prokonsul von Lycia-Pamphylia auf einem Militärdiplom (165/166n. Chr.). *Epigraphica Anatolica*. 1999; (31):77–82.
16. Eck W. *Die Verwaltung des Römischen Reiches in der Hohenkaiserzeit*. Ausgewählte und erweiterte Beiträge. Bd.2. Basel: Reinhardt Verlag; 1998.
17. Parfenov V.N. Domician i ego “generalilet” [Domitian and his “Generals”]. In: *History: the world of the past in modern illumination. Collection of scientific articles dedicated to the 75th anniversary of the birth of Professor E.D. Frolov*. A.Y. Dvornichenko (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2008, p. 327–336. (In Russ.).
18. Millar F. *Rome, the Greek World, and the East. Vol. 2. Government, Society, and Culture in the Roman Empire*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press; 2004.
19. Dement'eva V.V. Sovremennoe antikovedenie: koncepciya “rimskoj meritokratii” [Contemporary Classical Studies. The Concept of “Roman Meritocracy”]. *Bulletin of the P.G. Demidov Yaroslavl State University. Series “History”*. 2007; (1):55–60. (In Russ.).

Информация об авторе:

Телепень Сергей Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики преподавания истории, Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина, e-mail: telepen_serg@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5560-8599. Autor ID: 449372

Information about the author:

Telepen Sergey Valer'evich — PhD in History; Professor, Associate Professor of the Department of History and Humanities, Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin; e-mail: telepen_serg@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5560-8599. Autor ID: 449372

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-3-279-291

EDN: TXXBZL

Научная статья / Research article

Легат против императора: начало, ход и результаты мятежа Антония Сатурнина*

В.Н. Парфенов

Саратовская православная духовная семинария,
410028, Россия, Саратов, ул. Мичурина, 92

 vparfenov@list.ru

Аннотация. Цель работы — анализ причин, хода и последствий мятежа Антония Сатурнина, направленного против императора Домициана (89 г.). Проанализировав стратегическую ситуацию в западных провинциях и ход событий, автор доказывает, что выступление было плохо подготовлено, носило спонтанный характер и с самого начала было обречено на поражение. Тщательный анализ источников позволяет предположить, что инициатива мятежа Сатурнина принадлежала солдатской массе, тогда как для самого Сатурнина императорская аккламация, скорее всего, явилась полной неожиданностью. В 97 г. высший командный состав римской армии, памятуя обстоятельства поражения и гибели Сатурнина, сумел предотвратить гражданскую войну, гарантировав переход власти от императора Нервы к ставленнику военных, Марку Ульпию Траяну.

Ключевые слова: Домициан, Нерва, Траян, Лапший Максим, донатив, варварский хинтерланд, Могонциак

История статьи: Поступила в редакцию: 12.02.2023. Принята к публикации: 10.04.2023.

Для цитирования: Парфенов В.Н. Легат против императора: начало, ход и результаты мятежа Антония Сатурнина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 3. С. 279–291. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-279-291>

Благодарности: автор выражает искреннюю признательность Ю.Н. Кузьмину (Самара) и Я.Ю. Межеричкому (Кёльн) за помощь в подборе литературы.

* Вероятные причины мятежа и основные источники по этой проблеме анализируются в уже опубликованной работе автора [1. С. 845–857]. Настоящая статья представляет собой доработанный вариант доклада, прочитанного на XXII Сергеевских чтениях 2023 г., и завершает рассмотрение данной темы.

© Парфенов В.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Legate against the Emperor: the beginning, course and results of the revolt of Antonius Saturninus

V.N. Parfyonov ✉

Saratov Orthodox Theological Seminary,
92, Michurina str., Saratov, Russian Federation, 410028

✉ vparfenov@list.ru

Abstract. The purpose of the work is to analyze the causes, course and consequences of the rebellion of Anthony Saturninus, directed against the emperor Domitian (89 AD). After analyzing the strategic situation in the western provinces and the course of events, the author proves that the performance was poorly prepared, was of a spontaneous nature and was doomed to failure from the very beginning. The author's conclusions: a thorough analysis of the sources suggests that the initiative of the rebellion of Saturninus belonged to the mass of soldiers, while for Saturninus himself, the imperial acclamation, most likely, was a complete surprise. In 97 AD, the highest commanding staff of the Roman army, mindful of the circumstances of the defeat and death of Saturninus, managed to prevent a civil war by guaranteeing the transfer of power from Emperor Nerva to the protege of the military, Mark Ulpius Trajan.

Keywords: Domitian, Nerva, Trajan, Lappius Maximus, donative, barbarian hinterland, Mogontiacum

Article history: Received: 12.02.2023. Accepted: 10.04.2023.

For citation: Parfyonov VN. Legate against the Emperor: the beginning, course and results of the revolt of Antonius Saturninus. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(3):279–291. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-279-291>

Acknowledgements: the author expresses sincere gratitude to Yu.N. Kuzmin (Samara) and Ya.Yu. Mezheritsky (Cologne) for their help in the selection of literature.

Введение

Особенность единственного военного мятежа за все 15 лет правления Домициана заключается в том, что, на первый взгляд, у него не было видимых причин. Последний Флавий постоянно подчеркивал свою заботу о вооруженных силах Империи, и это были не пустые слова. Домициан не только проводил в войсках больше времени, чем любой его предшественник после полузабытого уже Второго триумvirата – именно он положил начало устойчивой традиции личного участия императора в военных кампаниях [2. С. 57; 3. Р. 126 f.]. Вскоре после своего прихода к власти он же впервые после Августа нашел возможность существенно повысить жалование всем военнослужащим, от преторианской гвардии до флота включительно [4. С. 131–161].

Возможность вооруженного выступления против Домициана выглядела нереальной и потому, что император проводил тщательную селекцию высшего командного состава, на пост наместников вооруженных провинций назначались только проверенные люди. Исключения, казалось, не составлял и мятежный военачальник Луций Антоний Сатурнин, типичный «выдвиженец» времени Флавиев, который, в конечном счете, был назначен на весьма престижную в имперской военной иерархии должность – *legatus Augusti provinciae Germaniae Superioris* [5. P. 1070–1075, 1081]. Именно она оказалась последней в его успешной карьере.

Личность лидера мятежа

Сама личность претендента на императорскую власть вызывает сомнения – он был *homo novus*. Само по себе это еще не было критично: незнатного происхождения был Веспасиан, что не помешало ему победить в гражданской войне; *homo novus* был и Вергиний Руф, которому, несмотря на это, легионы дважды предлагали верховную власть, и он дважды от нее отказывался, что, по словам Г.С. Кнабе, еще при жизни сделало его личностью почти легендарной [6. С. 71].

По сравнению с ними мятежный легат Верхней Германии выглядит достаточно бесцветно. Антоний Сатурнин, родившийся около 42 г., по-видимому, был уроженцем одной из западных провинций, возможно, *Hispania Tarraconensis* [7. S. 40; 8. S. 119]. Ни с мятежным народным трибуном времени Поздней республики, ни с триумвиром Марком Антонием у него не было ничего общего, кроме имени. Не отличился он, насколько можно судить, ни выдающимися военными достижениями, ни сколько-нибудь заметными действиями на политической арене. Если бы не возглавленный им мятеж, то после своего наместничества он, скорее всего, провел бы остаток жизни «в комфортном забвении». [9. С. 101]. Пост легата Верхней Германии, стоявшего во главе мощной войсковой группировки, Сатурнин получил, скорее всего, потому, что не блистал сколько-нибудь опасными для центральной власти талантами и не мог располагать какой-либо поддержкой в кругах римской аристократии [5. С. 1083; 10. P. 253; 11. S. 205].

С другой стороны, поведение возглавленных им мятежных легионов показывает, что этот военачальник сумел завоевать среди них достаточный авторитет, коль скоро они пошли за ним, причем с минимальными шансами на успех. Таким образом, приходится согласиться с осторожной оценкой Брайана Джонса: «Он вполне мог быть компетентным офицером, но едва ли *sarax imperii*» [3. С. 147]. Впрочем, если инициаторами мятежа были сами солдаты и офицеры, то иного выхода, как и времени на поиск более подходящей кандидатуры, у них все равно не было.

При этом надо учитывать, что после предпринятой Антонием Сатурнином попытки узурпации императорской власти и гибели узурпатора его память подверглась целенаправленной диффамации. Это относится, в частности, к отраженному в позднеантичной историографии стремлению свести причины выступления Сатурнина к сугубо личному мотиву – стремлению легата отомстить за оскорбление, которое нанес ему император. Если это хотя бы в какой-то степени и справедливо, то едва ли данный мотив играл первостепенную роль. У солдат и офицеров, находившихся в зимнем лагере Могонциака (Майнца) двух легионов, *XIV Gemina Martia Victrix* и *XXI Rapax*, явно были более серьезные причины для выступления против Домициана.

Стратегическая ситуация в западных провинциях

Представляется, что правы те исследователи, которые полагают, что мятеж возник спонтанно, его главными причинами были недовольство солдат и офицеров прекращением активных боевых действий на правобережье Рейна и начало разукрупнения Рейнской армии Рима, крупнейшей войсковой группировки Империи, в пользу театра военных действий на Среднем и Нижнем Дунае. Возможно, определенную роль в возникновении солдатского бунта сыграл и «латентный страх» воинов перед откомандированием на Дунай для войны против грозного врага, о котором могли ходить самые страшные слухи [11. S. 206]. Правда, Эгон Флайг полагает, что это мнение ошибочно; напротив, для легионеров это была бы желанная возможность отличиться, которой до того они были лишены из-за радикального изменения Домицианом римской политики в отношении германских племен [12. S. 425].

Такое соображение не лишено интереса и было бы справедливо в том случае, если бы войска гарнизона Верхней Германии к моменту начала мятежа отличались высокими боевыми качествами и горели желанием проявить себя в большой войне против любого врага. Однако определить это затруднительно. Во всяком случае легионы, поднявшие мятеж, сражение против правительственных войск проиграли. Один из них, *XXI Rapax*, вскоре после мятежа был переведен на Дунай. Как полагают исследователи [13. P. 44 f.; 14. S. 129; 15. S. 160], именно он погиб в 92 г., будучи (нечастый случай в римской военной практике) уничтожен сарматами вместе с командиром (*legione cum legato simul caesa* – Suet. *Dom.* 6)

Возможно, недочеты в их боевой подготовке объяснялись тем, что активные военные действия в этом регионе завершились достаточно давно, легионы были заняты главным образом тяжелым трудом по сооружению верхнегерманского лимеса. Исходя из всего этого можно предположить, что «латентный страх» солдатских масс перед переводом легионов на Дунай, где

ситуация резко отличалась от достаточно спокойной обстановки на Рейне, имел основания, и отказывать мнению Карла Штробеля в праве на существование не следует¹.

Еще одна странность — момент, выбранный для начала мятежа — начало января 89 года². С одной стороны, это объяснимо: в январские календы каждого нового календарного года войска подтверждали свою присягу на верность императору (Тас. *Hist.* I.55.1; Plin. *Epist.* X.52) [16. S. 1200]. Кроме того, именно 1 января 69 года в том же Могонтиаке верхнегерманские легионы провозгласили императором своего командующего Вителлия, двинулись на Рим, одержали в Северной Италии победу над Отоном и заняли столицу. При определенных условиях мог возникнуть соблазн повторить этот удачный опыт.

Однако предшествующий эксперимент увенчался успехом в условиях гражданской войны, то есть длительного политического кризиса, который в таких случаях был если и не обязателен, то весьма желателен для инициаторов мятежа [17. С. 290]. Но власть Домициана, как и его популярность в армии, была достаточно прочной, ни о каком политическом кризисе не могло быть и речи. Более того, престиж императора в армии должен был еще более возрасти: к началу 89 г. длительная и тяжелая Дакийская война обещала увенчаться полным успехом: враг уже был разгромлен в генеральном сражении при Тапах (88 г.), оставалось нанести ему последний, нокаутирующий удар, который так и не состоялся именно из-за мятежа в Германии. Таким образом, в отличие от ситуации двадцатилетней давности, момент для начала мятежа был совершенно неподходящий [11. S. 205].

Подавляющее большинство наместников вооруженных провинций сохраняло тогда верность Домициану. От изображенной Р. Саймом драматической картины разветвленного заговора против императора позднее отказался сам исследователь [19. С. 173; 10. Р. 253]. Физическое устранение наместника Британии Саллюстия Лукулла, предполагаемого соучастника Сатурнина [20. С. 69; 21. Р. 221; 22. Р. 142], в действительности могло быть вызвано совсем иными причинами³.

¹ Подобный прецедент уже имел место: войска, направляемые в 43 г. на завоевание Британии, отказывались грузиться на суда, и уговорить их удалось не без труда (Cass. Dio LX. 19.2–3).

² Дата является дискуссионной [18. Р. 42. Note 33], но может быть принята как наиболее вероятная.

³ Британский легат и его штаб были недовольны прекращением активных боевых действий на территории современной Шотландии и отводом римских войск с севера острова. Это недовольство усугубилось приказом Домициана отправить II легион на материк, уменьшив тем самым на четверть британскую войсковую группировку. Готовый вспыхнуть мятеж был претворен решительными действиями верных присяге офицеров. Источники дают основания отнести эти события к 87 г., следовательно, к мятежу Сатурнина они отношения не имеют [23. С. 125–144].

Ход событий

Что же касается самого мятежа, то он начался в лагере обоих легионов, четырнадцатого и двадцать первого, когда первого января 89 года вместо традиционного возобновления присяги на верность Домициану состоялась императорская аккламация Луция Антония Сатурнина. С этого момента дороги назад не было: участникам узурпации, начиная с новоявленного императора, оставалось либо победить, либо умереть.

Нельзя не признать, что выступление Сатурнина было подготовлено из рук вон плохо, что опять-таки свидетельствует о его спонтанном характере и о том, что легату Верхней Германии, похоже, пришлось играть роль «узурпатора поневоле», даже если до этого его сторонники из числа офицеров этих двух легионов и подстрекали солдат к мятежу. Достаточно быстро выяснилось, что наместники соседних провинций не только не поддерживают своего коллегу, но и деятельно готовятся к отпору ему. Особую роль в этих событиях сыграл коллега Сатурнина Авл Буций Лаппий Максим, наместник соседней провинции, Нижней Германии, который привел свои войска к присяге и стал готовить их к боевым действиям против узурпатора. Из далекой Испании на помощь Домициану форсированным маршем во главе своего легиона (VII *Gemina*) двинулся будущий император Марк Ульпий Траян-младший. Спустя считанные дни после получения известий о происшедшем в Могонтиаке из Рима выступил во главе преторианской гвардии и сам Домициан.

Сатурнин сразу же оказался в критическом положении. Его не поддержала даже половина подчиненных ему войск: два оставшихся легиона, XI *Claudia* в Виндониссе и VIII *Augusta* в Аргенторате [21. С. 221; 9. P. 101 f.]. Участия в подавлении мятежа они не приняли, но по косвенным данным можно судить, что они не выступили и на стороне претендента на трон, так как сохранили свои почетные наименования, которые утратили бы в противном случае⁴.

Согласно господствующему в науке мнению, любые передвижения войск без приказа главнокомандующего, то есть императора, исключались⁵. Однако сама хронология событий свидетельствует о том, что от этой точки зрения придется отказаться и согласиться с тем, что наместники вооруженных провинций должны были иметь инструкцию на случай чрезвычайной ситуации, чтобы действовать, не дожидаясь приказа сверху [35. S. 123. Anm. 29].

⁴ Полное наименование XI легиона (*Claudia pia fidelis*) к выступлению Сатурнина отношения не имеет, так как было присвоено ему в 42 г. за подавление мятежа Камилла Скрибониана против императора Клавдия [12. S. 423. Anm. 43]. Возможные варианты поведения этих легионов анализирует К. Штробель [11. S. 207–209]. Во всяком случае, активного участия в мятеже они не приняли, в противном случае события могли пойти по другому руслу.

⁵ [24. С. 32; 25. Sp. 1037; 21. P. 221; 26. S. 165; 27. S. 454; 9. P. 101; 28. S. 169; 29. S. 73; 30. P. 494; 31. S. 12; 32. S. 102; 33. С. 31 сл.; 34. С. 323 сл.].

Реакция Лаппия Максима, наместника Нижней Германии, на мятеж Сатурнина подтверждает эту точку зрения. Форсированный марш Траяна доказывает, что подобные же секретные указания имелись и у легионных легатов. Таким образом, 89 год показал, как работает римская военная машина в том случае, если легаты и войска сохраняют лояльность центральной власти. Судьба мятежа была решена спустя всего 15–20 дней после аккламации Сатурнина, когда император находился еще далеко. Следовательно, в данном критическом случае, как и в других подобных, наместники провинций должны были действовать самостоятельно так, как их обязывала присяга [12. S. 422].

В распоряжении узурпатора все же оставалась серьезная сила: два легиона, XIV и XXI, какие-то ауксиларные части и, как предполагается, вексилляции VIII и XI легионов [36. Sp. 2567 f.; 37. Sp. 1276; 13 P. 41, 44; 11. S. 207 f.]. Двинуть эти войска на Рим, оставляя в тылу гарнизон Нижней Германии, Сатурнин не мог. Поэтому, чтобы избежать удара в спину, он принимает вполне логичное решение – выступить на север, навстречу своему коллеге, легату нижнегерманской войсковой группировки Авлу Буцию Лаппию Максиму. Ему было необходимо добиться немедленного успеха, чтобы поддержать боеготовность своих войск, предотвратить возможные колебания в собственных рядах и обеспечить своему выступлению как можно более широкий резонанс [21. С. 221; 11. S. 214].

Хотя Лаппий Максим располагал силами, которые примерно вдвое превосходили войско узурпатора, Сатурнин, видимо, рассчитывал, что дело обойдется без пролития крови, если ему удастся привлечь нижнегерманские легионы на свою сторону. Возможность этого могла казаться вполне реальной: один из мятежных легионов, XXI *Rapax*, в 70–83 гг. входил в состав нижнегерманской группировки и был затем переведен Домицианом в Верхнюю Германию для наступательной войны против германского племенного союза хаттов [11. S. 207]. Если учесть устойчивость корпоративных связей в римской армии, то узурпатор вполне мог предположить, что воинам этого легиона удастся распропагандировать своих прежних *commilitones*. В таком случае шансы Сатурнина на успех его выступления против императора резко возросли: далее мог сработать «эффект домино» и еще оставшимся в западных провинциях войскам оставалось бы только присоединиться к мятежу.

Один из самых интригующих моментов выступления Сатурнина – это степень участия в нем внешней силы в лице его германских союзников. В этих союзниках обычно видят хаттов, над которыми за несколько лет до того Домициан отпраздновал триумф, весьма иронически изображенный в сохранившихся источниках, и принял почетный титул *Germanicus*.

В официальной пропаганде привлечение Сатурнином себе на помощь германцев изображалось как предательство родины и проводилась, причем не в пользу мятежного легата, параллель с триумвром Антонием, тоже

предавшим Рим (Mart. IV.11). Это позволяло изобразить вспышку гражданской войны (*bellum civile*) как войну против внешнего врага (*bellum externum*), в качестве которого выступали германцы вкупе с изменившим своему долгу римским военачальником [11. S. 209; 18. P. 30 ff.]. Поэтому разгромивший Сатурнина Лапций Максим именуется в надписи (ILS. I. 1006) «завершителем германской войны» (*confector belli Germanici*). Однако при ближайшем рассмотрении вопрос оказывается не столь уж прост.

Триумф Домициана над хаттами после кампании 83/84 гг. может свидетельствовать о том, что война считалась завершённой. Следовательно, с противником заключался договор, согласно которому хатты становились федератами Империи. Если учесть их высокую военную репутацию (Tac. *Germ.* 30.3), то можно предположить, что в договоре предусматривалась и поставка ими воинских контингентов в римскую армию. Варварский хинтерланд, несомненно, входил в зону ответственности легата Верхней Германии. В приказе выставить необходимое ему количество воинов хатты едва ли усмотрели что-то необычное [11. S. 209]. В любом случае к их компетенции не относилась обязанность разбираться в возникших у римлян разногласиях.

Известно, что германцы этот приказ выполнили. Но для того, чтобы соединиться с войсками Сатурнина, им надо было перейти на левый берег Рейна. По неизвестной причине (скорее всего, чтобы сократить путь) они не сделали этого там, где были мосты, хотя бы в Могонтиаке, а вознамерились перейти реку по льду. Не удалось это, если верить нашему источнику, по чистой случайности: наступила оттепель, по Рейну пошел лед, так что подошедшие на помощь Сатурнину «полчища варваров» (*copias barbarorum*) остались лишь зрителями сражения между римскими войсками (Suet. *Dom.* 6.2; 7.3)⁶.

Между тем к германским союзникам Сатурнина в Риме отнеслись весьма серьезно: по словам Плутарха, население столицы волновалось, ожидая большой войны с ними (*πολὺς πόλεμος ἀπὸ Γερμανίας προσεδόκατο, τῆς Ῥώμης ταραττομένης*) (Plut. *Aem. Paul.* 25). Отсюда видно, что пропаганда Домициана возымела должный эффект и на поддержку общественного мнения узурпатору рассчитывать не стоило.

Не оправдалась и надежда Сатурнина на переход к нему гарнизона Нижней Германии. Армии новоявленного «императора» вместо братания с нижнегерманскими легионами пришлось вступить с ними в ожесточенный бой, в котором она была разбита. Погиб и сам Сатурнин, голова которого была отправлена в Рим и выставлена на Форуме. Никаких

⁶ К. Штробель считает эту картину не более чем «плодом сознательного мифотворчества» с целью показать, что боги были на стороне законного правителя. По его мнению, с которым, учитывая скоротечность событий, вполне можно согласиться, на помощь мятежникам мог успеть разве что авангард германского ополчения, который и был остановлен внезапным ледоходом [11. S. 209].

подробностей этого сражения в имеющихся источниках нет, указано лишь на то, что его исход был определен не столько Лапнием Максимом, сколько самими солдатами (Cass. Dio LXVII.11.1). Узурпация провалилась, начались ее последствия.

Расправа с участниками

Правительственные войска заняли Могонтиак. Участники мятежа были разоружены, офицеры взяты под стражу и ожидали императорского суда. Эпитоматор Кассия Диона сообщает, что в резиденции Сатурнина была захвачена его переписка, которую Лапний Максим распорядился сжечь (Cass. Dio LXVII.11.2). К этой информации современные исследователи, за редким исключением [21. С. 222], относятся скептически. Так, Карл Штробель полагает, что сам факт уничтожения компрометирующего материала имел место, но был делом рук окружения Сатурнина, а Лапний Максим мог лишь приписать себе этот поступок уже после убийства Домициана, чтобы обелить свою достаточно скверную (*schlechte Presse*) репутацию [11. S. 219 f.].

Интересны, но недоказуемы предположения о том, что наместники соседних провинций, в том числе и Лапний Максим, прямо-таки подталкивали Сатурнина к мятежу, чтобы затем предать его и тем самым заслужить благоволение Домициана. Когда стало ясно, что путч не удался, Максим сжег переписку Сатурнина, чтобы замести следы этой интриги [38. С. 47; 12. S. 423 f.].

Совершенно очевидно, что дальнейшая карьера Лапния Максима развивалась успешно: с 89/90 по 93/94 гг. он занимал весьма престижный и ответственный пост наместника Сирии, в мае — июне 95 г. был *consul suffectus* II, а вторичный консулат Домициан предоставлял в очень редких случаях. Всё это говорит о полном доверии к нему Домициана и заставляет сомневаться в том, что именно легат Нижней Германии мог распорядиться уничтожить переписку Сатурнина. Еще в 102 году Лапний Максим, без ущерба для себя переживший падение Домициана, член престижной жреческой коллегии понтификов, был, в отличие от своего неудачливого коллеги-узурпатора, жив, здоров и благополучен [11. S. 219].

За то, что войска Нижней Германии во время мятежа Сатурнина сохранили непоколебимую верность Домициану, легионы, ауксилиарные формирования, флот получили почетные наименования *pia fidelis Domitiana* и заслужили репутацию верного оплота династии Флавиев [11. S. 213]. Несомненно, они должны были получить и щедрый донатив. Судьба верхнегерманского войска сложилась по-иному.

Когда Домициан прибыл в Могонтиак, над мятежниками состоялся суд, скорый и беспощадный. Легаты легионов, военные трибуны, а также наиболее активные участники мятежа из числа центурионов были

казнены — после того как их подвергли изощренным пыткам (Suet. *Dom.* 10.5), явно для получения информации о сообщниках. Результаты оказались скромными — причастность к событиям в Германии сенаторов в Риме установлена не была. Поэтому анализируемые события принято считать чисто военным мятежом, хотя эта точка зрения и оспаривается — ее оппоненты полагают, что нити заговора вели в Рим [ср.: 39. S. 498; 40. P. 534 f.; 5. P. 1082; 42. P. 389; 29. S. 73 f.]. В любом случае уроки из него заинтересованные стороны извлекли.

Последствия

Безусловно, права Пэт Саузерн, отметившая в отношении мятежного легата, что «Домициан, подбиравший с редкой тщательностью человека для назначения на этот пост, испытал, когда его доверие было полностью обмануто, совершенно ошеломляющий удар по психике». Это не могло не сказаться на характере его правления и, в конечном счете, привело к дворцовому перевороту и гибели последнего Флавия [9. P. 101, 103 f.].

Провинциальные наместники, со своей стороны, убедились, что изолированный военный мятеж, не поддержанный гарнизонами хотя бы соседних провинций и не имеющий популярного лидера во главе, обречен на неудачу. Поэтому при очередном политическом кризисе при Нерве был найден совершенно неожиданный (и почти бескровный) выход из критической ситуации, чреватой новой гражданской войной.

Ко времени смерти Домициана для запланированной им грандиозной и тщательно подготовленной кампании на Среднем Дунае была сосредоточена огромная войсковая группировка, насчитывавшая не менее 10 легионов плюс приданные им ауксилиарные части не меньшей численности [42. P. 75 f.]. Неожиданное убийство популярного среди солдат императора как провинциальные армии, так и гвардия встретили с возмущением (*miles gravissime tulit* – Suet. *Dom.* 23). Эскалации событий удалось избежать лишь потому, что высший командный состав Дунайской армии (наместники провинций и легаты легионов) сумел выработать согласованное решение, сойдясь на кандидатуре Траяна в качестве преемника Нервы. Бросить вызов решению «комитета командующих», представлявших добрую половину вооруженных сил Империи, не решился никто — ни сенат, ни преторианская гвардия, ни наместники остальных провинций.

На посмертной репутации Сатурнина это решение сказалось неожиданным образом. Было бы логично считать, что в обстановке эйфории, царившей в сенате после убийства Домициана, Антония Сатурнина, как и других жертв Домициана, следовало посмертно реабилитировать, сенатское постановление о его *damnatio memoriae* отменить и восславить его как борца против тирании

последнего Флавия. Но ничего подобного не произошло, а если и произошло, то без лишнего шума⁷.

Думается, причина того, что впоследствии о Сатурнине предпочитали скорее молчать, чем говорить, заключается не только в очевидном факте, что он претендовал не на лавры борца за свободу, а лишь на то, чтобы, в случае удачи, занять место Домициана: все прекрасно понимали, что восстановление республиканского строя невозможно.

Но существовало щекотливое обстоятельство, связанное с тем, что карьерный взлет Траяна был в свое время связан с расправой над участниками мятежа Сатурнина [11. S. 217]. Эта деталь никак не вписывалась в образ «наилучшего принцепса», который, согласно официальному мнению, продолжил политическую линию своего приемного отца Нервы, сумевшего соединить две несовместимые прежде вещи, принципат и свободу (*Tac. Agric. 3.1; Hist. I.1.4*). Выход, разумеется, был найден: «Прошлое, с молчаливого согласия заинтересованных сторон, было предано забвению, и выработан устраивавший всех компромисс» [44. С. 256]. Поэтому многие детали событий начала 89 года на Рейне оказались скрыты почти непроницаемой завесой тактичного молчания.

Заключение

Мятеж двух легионов в Могонтиаке по-своему уникален, так как, казалось, у него не было никаких причин для возникновения, кроме разве что двадцатилетнего юбилея случившегося там же подобного события, которое привело к утверждению в Риме Авла Вителлия, очередного «генерала гражданской войны» 68–69 гг. Однако более внимательный анализ сохранившейся информации позволяет определить наиболее вероятные причины выступления против императора и предположить, что его инициатива принадлежала в первую очередь солдатской массе, избравшей собственным претендентом на верховную власть своего командующего, легата Верхней Германии Луция Антония Сатурнина. Возможно, императорская аккламация явилась неожиданностью для него самого, так как дальнейший ход дела показывает, что подготовлено оно было плохо, узурпатору не удалось даже привлечь на свою сторону все войска, которыми он командовал в качестве императорского легата. Однозначная реакция всех наместников западных провинций, выступивших или готовых выступить против Сатурнина, верность их армий законному императору, решительные меры самого Домициана однозначно обрекали мятеж на поражение. Однако быстрый

⁷ Известно (*CIL. VIII. 7032; 8280*), что спустя несколько десятилетий Антония Сатурнина, предположительно дочь нашего мятежника [43. P. 251. N. 1], владела латифундиями в Африке. Это может свидетельствовать о том, что конфискованное Домицианом имущество Сатурнина впоследствии было возвращено его семье.

разгром мятежников, гибель самого узурпатора явились лишь началом длинной цепи событий, итогом которых явилось утверждение у власти профессионального военного Марка Ульпия Траяна, выдвинутого высшим командным составом римской армии.

Библиографический список

1. *Парфенов В.Н.* К оценке причин мятежа Антония Сатурнина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 845–857.
2. *Campbell J.B.* The Emperor and the Roman Army. 31 B.C. — A.D. 235. Oxford: University Press, 1984, 468 p.
3. *Jones B.W.* The Emperor Domitian. London; New York: Routledge, 1992. 292 p.
4. *Парфенов В.Н.* Quartum stipendium Домициана и римские финансы // Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти В.И. Кузищина / отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Гвоздева. СПб.: Алетейя, 2021. С. 131–161.
5. *Syme R.* Antonius Saturninus // *Syme R.* Roman Papers / Ed. by *A.R. Birley*. Oxford: Clarendon Press, 1984. Vol. III. P. 1070–1084.
6. *Кнабе Г.С.* Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М.: Наука, 1981. 206 с.
7. *Eck W.* Die Statthalter der germanischen Provinzen vom 1–3. Jahrhundert. Köln: Rheinland-Verlag; Bonn: Habelt, 1985, XII, 282 p.
8. *Kienast D.* Römische Kaisertabelle: Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990. 399 S.
9. *Southern P.* Domitian: Tragic Tyrant. London, 1997. 164 p.
10. *Syme R.* Domitian: The Last Years // Roman Papers / Ed. by *A.R. Birley*. Oxford: Clarendon Press, 1988. Vol. IV. P. 252–277.
11. *Strobel K.* Der Aufstand des L. Antonius Saturninus und der sogenannte zweite Chattenkrieg Domitians // *Tyche*. 1986. Bd. 1. S. 203–220.
12. *Flaig E.* Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich. 2. Auf. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2019. 568 S.]
13. *Syme R.* Rhine and Danube Legions under Domitian // *Journal of Roman Studies*. 1928. Vol. 18. P. 41–55.
14. *Alföldy G.* Die Truppenverteilung der Donaulegionen am Ende des 1. Jahrhunderts // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1959. T. XI. Fasc. 1–4. S. 113–141.
15. *Schönberger H.* The Roman Frontier in Germany: An Archaeological Survey // *Journal of Roman Studies*. 1969. Vol. 59. No. 1–2. P. 144–197.
16. *Eder W.* Sacramentum militare // DNP. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2001. Bd. 10. S. 1200.
17. *Махлаюк А.В.* Auctor seditionis. К характеристике военного мятежа в Древнем Риме // Право в средневековом мире: Сб. статей. СПб.: Алетейя, 2001. Вып. 2–3. С. 290–308.
18. *Stocks C.* Broken Bonds: Perfidy and the Discourse of Civil War // *Fides in Flavian Literature*. Edd. A. Augoustakis, E. Buckley, C. Stocks. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2019. P. 21–44.
19. *Syme R.* Flavian Wars and Frontiers // *САН*. Cambridge: University Press, 1936. Vol. XI. P. 131–187.
20. *Dorey T.A.* Agricola and Domitian // *G&R. Second Series*. 1960. Vol. VII. No. 1. P. 66–71.
21. *Grant M.* 1974: The Army of the Caesars. London: Weidenfeld & Nicolson, 1974. 365 p.
22. *Pekáry Th.* 1987: Unruhen und Revolten im Römischen Reich von Augustus bis Commodus // *AncSoc*. Vol. 18. P. 133–150.
23. *Парфенов В.Н.* Саллюстий Лукулл, легат Британии: заговорщик или невинная жертва? // Мнемон. СПб., 2017. Вып. 17. № 1. С. 125–144.
24. *Syme R.* Tacitus. Oxford: Clarendon Press, 1958. Vol. I. IX, 464 p.

25. *Hanslik R.M.* Ulpius Traianus. Römischer Kaiser 98–117. *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung von G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus. Hg. v. K. Ziegler. Stuttgart: Metzler, 1965. Spplbd. 10, Sp. 1035–1102.
26. *Seyfarth W.* Römische Geschichte. Kaiserzeit 1. 3., bericht. Aufl. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. 329 p.
27. *Walser G.* Kaiser Domitian in Mainz // *Chiron*. 1989. Bd. 19. P. 449–460.
28. *Christ K.* Geschichte der römischen Kaiserzeit. Von Augustus bis zu Konstantin. 4. Aufl. München: Beck, 2002. 882 p.
29. *Pfeiffer S.* Die Zeit der Flavier. Vespasian – Titus – Domitian. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. 146 p.
30. *Venning T.* A Chronology of the Roman Empire. London: Continuum, 2011. 850 p.
31. *Eck W.* Traian – Der Weg zum Kaisertum // Traian. Ein Kaiser der Superlative am Beginn einer Umbruchzeit. Ed.A. Nünnerich-Asmus. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2002. P. 7–20.
32. *Eck W.* Traians Herrschaftsbeginn in Germania inferior und seine Städtepolitik in dieser Provinz // Trajan und seine Städte. Colloquim Cluj-Napoca, 29. September – 2. Oktober 2013. Cluj-Napoca: Mega Verlag, 2014. P. 101–109.
33. *Князький И.О.* Император Траян. СПб.: Алетейя, 2016. 159 с.
34. *Парфенов В.Н.* Траян и мятеж Антония Сатурнина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 319–328. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-3-319-328>
35. *Seelentag G.* Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat. Stuttgart: Franz-Steiner-Verlag, 2004. 556 p.
36. *Weynand R.* Flavius (Domitianus). *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung von G. Wissowa u.a. Stuttgart, Metzler Publ., 1909, Bd. 6, col. 2541–2596.
37. *Ritterling E.* Legio (Domitian). *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung von G. Wissowa u.a. Stuttgart, Metzler Publ., 1924, Hbd. 23, col. 1275–1280.
38. *Murison C.L.* The Revolt of Saturninus in Upper Germany, A.D. 89 // *Echos du monde classique: Classicas views*. Toronto. 1985. Vol. 29. N. s. 4. No 1. P. 31–49.
39. *Walser G.* Der Putsch des Saturninus gegen Domitian // *Provincialia*. Festschrift für Rudolf Laur-Belart. Edd. E. Schmit, L. Berger, P. Bürgin. Basel: Schwabe, 1968, S. 497–507.
40. *Jones B.W.* Senatorial Influence in the Revolt of Saturninus // *Latomus*. 1974. T. 33. Fasc. 3. P. 529–535.
41. *Le Gall J., Le Glay M.* L'Empire Romain. T. 1. Le Haut-Empire de la bataille d'Actium (31 av. J. -C.) à l'assassinat de Sèvre Alexandre (235 ap. J. -C.). Paris: Presses universitaires de France, 1987. 673 p.
42. *Grainger J.D.* The Roman Imperial Succession. Philadelphia, Pen & Sword Military, 2020. XV, 320 p.
43. *Gsell S.* Essai sur le règne de l'empereur Domitien. Thèse de doctorat. P., Thorin & fils éditeurs, 1893. 391 p.
44. *Штаерман Е.М.* Светоний и его время // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М.: 1964. С. 249–262.

Информация об авторе:

Парфенов Виктор Николаевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры церковной истории, Саратовская православная духовная семинария, e-mail: vparfenov@list.ru. ORCID: 0000-0003-3612-0197

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-3-292-300

EDN: TZYDJI

Research article / Научная статья

The duel between Marius and the Celtiberian: a new reading

I.V. Merkulov ✉

Novoanninsky city school No 5,
58, Pionerskaya St, Novoanninsky city, Volgograd region, Russian Federation, 403951

✉ Moy-school@yandex.ru

Abstract. The duel of Gaius Marius with a Celtiber is one of the heroic episodes of the early biography of the future seven-time consul and commander. Plutarch's information about this duel is fragmentary and does not allow us to fully clarify the circumstances under which it took place. In part, they are clarified by the archaeological data obtained by A. Schulten during excavations in the area of ancient Numantia. After analyzing the sources and literature, the author came to the conclusion that the episode with the duel became for Marius the starting point in his military career, from which his rise began. According to the author, in fact, the notorious duel could have been an ordinary skirmish, but later Marian propaganda turned it into a heroic deed of Marius, a brilliant military leader and an experienced «father commander». The author does not exclude the possibility that Plutarch himself became the culprit of the confusion, who did not distinguish between an individual duel and participation in a collective hand-to-hand combat.

Keywords: Numantia, tribunus militum, equites, dona militaria, phalera, hasta pura, corona, primipilus

Article history: Received: 01.04.2023. Accepted: 25.04.2023.

For citation: Merkulov IV. The duel between Marius and the Celtiberian: a new reading *RUDN Journal of World History*. 2023;15(3):292–300. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-292-300>

© Merkulov I.V., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поединок Мария с кельтибером: новое прочтение

И.В. Меркулов ✉

Новоаннинская городская школа № 5,
403951, Российская Федерация, Волгоградская область, Новоаннинский район,
г. Новоаннинский, ул. Пионерская, д. 58

✉ Moy-school@yandex.ru

Аннотация. Поединок Гая Мария с кельтибером — один из героических эпизодов ранней биографии будущего семикратного консула и полководца. Сведения Плутарха об этом поединке отрывочны и не позволяют в полной мере прояснить те обстоятельства, при которых он произошел. Отчасти их проясняют археологические данные, полученные А. Шультемом в ходе раскопок в районе древней Нуманции. Проанализировав источники и литературу, автор пришел к выводу, что эпизод с поединком стал для Мария отправной точкой в его военной карьере, с которой началось его возвышение. По мнению автора, на самом деле пресловутый поединок мог быть заурядной стычкой, однако позднейшая марианская пропаганда превратила его в геройский подвиг Мария — блестящего военачальника и опытного «отца-командира». Автор не исключает, что виновником путаницы стал сам Плутарх, не отличавший индивидуальный поединок от участия в коллективной рукопашной схватке.

Ключевые слова: Нуманция, военный трибун, всадники, военные награды и отличия, фалера, наградное копье с серебряным наконечником, венок, примипил

История статьи: Поступила в редакцию: 01.03.2023. Принята к публикации: 25.04.2023.

Для цитирования: *Merkulov I.V.* Поединок Гая Мария с кельтибером: новое прочтение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 3. С. 292–300. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-292-300>

The duel between Marius and the Celtiberian is one of the few accounts of Marius' early biography. Plutarch is the only ancient historian who tells about this event (Plut. Mar. 3). None of the contemporary researchers doubts its trustworthiness [2. P. 144; 6. P. 28; 8. P. 241; 11. P. 66]. But Appian who gives a detailed description of the events around Numantia in 134–133 B.C. does not mention any duel. It should be mentioned that this author is the most precise and reliable source as he must have used the works of Polybius, the friend of Scipio Aemilianus who accompanied him in his military campaign and described his deeds [4. P. 122; 9. P. 782–783; 14. P. 141, 170; 15. Sp. 1458]. But it is not known at what stage of the campaign the duel took place. According to Appian's version, it would be logical to attribute it to the time of the siege of the city, when "the Numantians often came out in battle formation and challenged the Romans for a fight" (App. Iber. 90). Plutarch also attributes the duel to the time of the siege

However, there are a number of circumstances and facts that refute an idea of any combat. Appian writes that "although the Numantines often went out

in battle formation and challenged Scipio for a battle, he paid no attention to them considering that there was no point in fighting people who were fighting under the pressure of despair and that it was much better to lock them up in the city and starve them” (App. Iber. 90). Thus the commander avoided all sorts of provocation by the Celtiberians who wanted to impose a battle. Taking into consideration the strategic situation as well as the forces and means of the sides, it would be logical to suppose that first of all Scipio was interested in the battle, not the Numantians [1. P. 144; 12. P. 259]. It was much more profitable for him to solve the case with one general battle rather than to conduct a long campaign which required a lot of efforts and resources. The correction was made by the Numantians themselves. Realizing that an open clash was inexpedient, they locked themselves in the city in the hope of help from outside and thus lost time. The Romans began the siege. The besiegers had only one option: to concentrate the bulk of their troops to break through a separate section of the Roman defensive line, burst it and break out of the encirclement.

The jousting usually took place either before or in the heat of battle to inflame the spirits of the warriors. In some cases they also had a religious significance (Liv. II.20.7; IV.32.11; VII.11.1; Flor. I.8.20). If Scipio tried to avoid a battle during a siege, it made no sense to provoke the enemy with a duel. Dispersing the Roman troops around the city for more than nine kilometers [12. P. 115] the chances of the Numantians to break through in some parts of the defensive line of Romans increased. The archaeological data carried out by A. Schulten in Numantia at the beginning of the twentieth century allows us to reproduce the exact location of camps and forts of the Roman army. Seven camps were built in the most dangerous areas where the enemy could break through between them [4. P. 128]. Two of them were located near the Vega (north) and Molino (south) rivers flowing into the Duero. They were intended to block the waterway in order to delay any deliveries of supplies for the city [4. P. 128]. Two other forts were located between the camps on Castillejo (Scipio’s headquarters) and Travesados as well as fort Valdelilo located on the hill between Valdevorrón camp and the Merdancho river [4. P. 124]. This fortress was the closest to Numantia [4. P. 125]. Most of the Roman forts were just behind the Merdancho and Duero rivers which were also very stormy (App. Iber. 91). If a duel could take place, it was possible only on the open plateau located at the northeast or east of the city (between the camp at Castillejo and Fort Valdelilo). The defense order was determined by Scipio: the commander divided the entire line into sectors and personally appointed a commander at the head of each sector. The army was also divided into the separate units and assigned to each sector. The commander had not only to lead the siege works but also to repel enemy attacks in his sector. He also had to signal from the tower and warn the commander of an enemy attack on his sector so that he could send reinforcements (App. Iber. 90). Appian calculated that there were up to four thousand soldiers for every kilometer of the line, as much

as there were in all enemy's army [1. P. 114]. Of course, the Numantians had to concentrate at least twice as many soldiers in the breakthrough area as the defending Romans. So the area of the breakthrough had to be no more than two hundred and fifty to three hundred meters, with the number of defending Romans up to fifteen hundred which makes three cohorts plus archers and a detachment of equites [1. P. 114].

It is most likely that Marius was appointed as a commander of one of these sectors. We find a fragmentary information in Plutarch: "By temperance and endurance Marius was not inferior to common soldiers... It is most pleasant for the Roman soldiers to see their commander eating the same bread before their eyes or digging a ditch with them or building a palisade... Soldiers admire those who share their labors and dangers and love not those who let them be idle but those who willingly work with them" (Plut. Mar. 7). Although the statement refers to the time of the Jugurthine War (112–106 B.C.), this definition does not suit the commander given his status. Of course, Marius could show a master class for the populist reasons but one thing is certain: he could only have learned the art of fortification in the Numantine campaign and perhaps even earlier, when "he was beaten on the head with a knuckled stick, if the pick was lazy and the fortification was going slowly" (Iuv. VIII.240). Mention of bread is a clear allusion to Scipio, who "used to eat bread on the go, strolling with his friends" (Frontin. IV.3.9). In Sallustius' works we also find many facts concerning Marius' service at Numantia. In his speech before the people Marius boasts: "That which is much more important for the state I am trained to do, namely, to defeat the enemy, to perform guard duty, to fear nothing..., to endure cold and heat equally, to sleep on bare ground, to endure both hunger and hardship at the same time" (Sall. Bell. Iug. 85.33). Scipio had already noted this last quality in him (Plut. Mar. 3): "He had slept on the bare ground", which again refers to Scipio who slept on a mat at Numantia [2. P. 133; 14. P. 141]. During the siege the chiefs of sectors were held in maximum demand for their actions. They had to be constantly on duty with their units on the full alert, as Appian describes it, and literally to sleep on the bare ground, enduring both cold and heat and carrying constant watch duty. A. Schulten has excavated many such fortifications for sentries. They were in the shape of an ellipse 1.3 meters long, up to 80 cm wide and up to 1.6 meters deep. According to the archeologist, such large size was necessary to strengthen the vault with wooden poles [4. P. 124]. Apparently, Marius had to serve and simultaneously to rest in such "dugouts". This corresponds to the characteristic given by Plutarch to Marius, where the latter "did not avoid great labors and did not neglect small ones" (Plut. Mar. 7).

It is known that Marius was not a military tribune at Numantia (Sall. Bell. Iug. 63.4). However, according to Plutarch, Scipio "noticed and distinguished Arpinatus" (Plut. Mar. 3). One such distinction was rather the appointment to the position of chief of the sector. More than a thousand soldiers under his command

already introduced him into the rank of a primipilus (Veget. *De re mil.* II.12; Ios. Flav. *Bell. Iud.* VI.2.5) which, in turn, was an important step for an unknown rider in getting a military tribunate later [7. P. 28]. The army literally dug itself into the ground. Scipio ordered the army to issue an order to punish anyone who left their positions and returned to the camp (Frontin. II.8.7). However, unlike Marius who had to live in siege fortifications and sleep on the bare ground, the military tribunes lived in the camps where the special houses were built for them, distinguished by their thoroughness of construction [13. P. 150–151].

However, how reliable is Plutarch's version of the duel? A number of facts speak in its favor. The first of these is that he was a great man of arms, both on horseback and on foot (Plut. *Mar.* 34). He was an excellent equite (Plut. *Mar.* 3), quite hardy, brave and courageous (Plut. *Mar.* 3; Sall. *Bell. Iug.* 63.4). As the facts show, all the known fights were conducted by men of no lower horsemanship rank (Polyb. XXXV.5; Val. Max. III.2.21; Flor. I.20.5). Marius was a horseman [6. P. 18; 11. P. 67; 2. P. 143] and by all parameters he was the best candidate to take part in it. But such a duel had no sense considering the situation and Scipio's plan not to provoke the enemy (Plut. *Apophth. Scip. Min.* 20; Liv. *Per.* 57; Frontin. IV.7.16; Veget. *De re mil.* III.21). The troops were even ordered not to prevent the Numantine foragers from gathering the fodder for their horses on the neutral line (Liv. *Per.* 57). Not surprisingly, the Numantians came out of the city in droves and challenged the Romans for a fight (App. *Iber.* 90). Such a provocation might have ended in a successful breach of the enemy in parts of the defensive line, as (for example) took place in the case of Rectugen (App. *Iber.* 94; Val. Max. III.2). To prevent this from happening again, Scipio ordered to strengthen the defensive sections giving each centuria archers and slingshotters, thus preventing the enemy from approaching the Roman fortifications within two hundred meters (Frontin. IV.7.27).

Usually stories of individual duels in Rome were passed down from generation to generation over the centuries. Historians have passed down in detail not only the details of these duels but also the names of the defeated enemies (Plut. *Romul.* 16; Flor. I.8.13). Not only is the case of Marius not mentioned by other ancient historians, but the duel itself also looks very dim in comparison with others. Plutarch himself mentions it as if by the way without giving it a colorful background. It is interesting to trace Marius' own attitude toward such duels. There are two cases on this subject. One is Plutarch's account. He writes that during the Allied War (years — ?) the Italian commander Pompedius Sylon challenged Marius to go to battle with him face to face, to which he replied that "if you, Sylon, is a great commander, make me fight you against my will" (Plut. *Mar.* 33). The motive here is the same as under Numantia: if your enemies provoke you, don't respond if it not benefit for you. Classic Scipio's *modus operandi*!

The second case is found in the account of Frontinus: "Gaius Marius, when the Teutonic summoned him and demanded that he came out with him to fight,

answered that if he wanted to die, he could kill himself with a rope. And when he continued to insist, he put a weak and almost decrepit gladiator up against him and said that if he could beat him, he would fight with the victor” (Frontin. IV.7.5). Here we can clearly see Marius’ personal attitude toward jousting. Firstly, he disapproved of them and secondly, he did not consider necessary to spill the blood of a Roman soldier in vain. Here again Scipio’s motif that a commander “should command and not be a mere shirt-fighter” (Frontin. IV.7.4) is evident.

The study of military rewards in the Roman army can also provide some information. According to the established Roman tradition, a warrior was rewarded for an individual duel either with a wreath or a torques (Flor. I.8.13; Plut. Mar. 14). In his speech to the people Marius lists all the rewards: “Spears, flagon and phaleras” (Sall. Bell. Iug. 85.29). Among them, however, there are no armillas, torquets or wreaths. In the early period of Roman history there was no strict differentiation of awards into soldier and officer ones. Any soldier of Roman nationality could get an award for one and the same deed regardless of his status and rank [3. P. 27]. But the deeds were strictly differentiated and each of them was awarded with a corresponding award (Liv. XXX.13). Phaleras, for example, were awarded for courage and bravery in battle (CIL. V. 7495; see also: Ios. Flav. Bell. Iud. VII.1.3); a flag was due for good command and operational leadership during a battle. The latter were awarded only to officers (Suet. Aug. 25.3–4). However, modern researchers have come to the conclusion that in most cases junior and middle officers (up to the military tribunal) were awarded with faleras [7. P. 40]. The awards of exceptional bravery were phiale and spears (Polyb. VI.39; Liv. XXX.15; Plut. Paul. 28). According to the sources and contemporary studies these awards were given only to the middle and high-ranking officers [7. P. 40; 10. P. 213–214]. We find the details about these awards and the order in which they are awarded in the account of Polybius. Here is what he writes: “The commander... gives a spear to a soldier who wounded the enemy, a soldier who killed the enemy and took off his armor, gives a bowl if he was on foot or a horse harness if he was mounted; before, however, only a spear was given. However, these awards are given not when a soldier wounded several enemies or removed their armor in a proper battle or when capturing a city, but only when the enemies were wounded or killed in a skirmish and generally under such circumstances which in no way oblige individual soldiers to brave danger and in which soldiers of their own free will and personal prompting went into action” (Polyb. VI.35). The last remark of Polybius is very important as it speaks not about an individual duel, but about “a clash of individual soldiers who have ventured into danger”. Most likely we are talking about some kind of military raid such as a reconnaissance (or raid deep) into enemy territory or pursuit of the enemy. For such operations such groups had to have mobility and manoeuvrability.

It is known that Marius had not one but several such spears among his prizes (Sall. Bell. Iug. 85.29). It is known that Marius had not one but several

such spears among his rewards (Sall. Bell. Iug. 85.29). It suggests that he may have participated in more than one such raid, for which he was recognized and decorated. The presence of the spears also speaks about his primitive position [5. P. 87]. The army had a cavalry detachment attached to each manipula (Polyb. VI.35). In its turn, Marius had his own horse (Plut. Mar. 3). Most likely, defending his sector, he had to repel raids of the Numantians and with a group of other daredevils made dangerous raids deep into enemy territory up to the walls of Numantia, driving the enemy back into the city. Vegetius writes the following on this subject: “So that the soldiers who are busy working may not be suddenly attacked, the whole cavalry and the unoccupied part of the infantry... stand in front of the rampart armed and in full readiness to repel the enemy if he intends to make an attack” (Veget. De re mil. III.8). Of course, during such expeditions there were clashes that were more like individual fights. Apparently, a duel of this kind is reported by Plutarch.

But how could Scipio have witnessed such Marius’ raid? Appian writes that half of the perimeter of the defensive line across the river Duero was controlled by Scipio’s brother Fabius Maximus (App. Iber. 90), the other half by himself. The antique historian writes that “the commander was making rounds of the line every day and night, keeping an eye on it” (App. Iber. 93). It is possible that he happened to observe a similar raid of Marius during one of such detours. If we rely on Plutarch’s version that Scipio might for some time have been watching Marius (Plut. Mar. 3) to observe him as he “endures a change in his mode of life”, “builds a moat or puts up a palisade” with his soldiers, “sleeps on bare ground” (Plut. Mar. 7) and “carries out watch duty” (Sall. Bell. Iug. 85.33), we can say that the defense sector where Marius was located was near Scipio’s own headquarters and it was within sight. The space between the camps at Castillejo and Travesadas seems the best option. This gap was the most vulnerable point in the Roman defense system (Frontin. IV.7.16; Veget. De re mil. III.21). Judging from the damage, it was attacked many times by Celtiberians [4. P. 127]. A. Schulten discovered the ruined sections of the siege wall here [4. P. 124–128]. It is possible that Marius built it. This was the most convenient place where the Celtic soldiers could line up for a battle provoking Scipio to join the battle. Moreover, there were also the locations of his stakes. In that case, Scipio could observe all the actions of Marius from his headquarters at Castillejo. Including witnessing his famous raid (or raids) where Marius slew the enemy.

How could the legend of the duel have appeared? We think that it could have appeared after the death of Marius, most likely during Caesar’s propaganda campaign, in which he wanted to rehabilitate the name of his glorious relative after the Sullan terror (Suet. Caes. 11; Plut. Caes. 6). As a matter of fact, there are no more surviving witnesses of those events, and the individual duel which was higher in class than the ordinary skirmish, placed Marius on the same level with the great Scipio (who in his time really glorified his name

by fighting the mighty Celtiberian one-on-one with him (Polyb. XXX.5; Liv. Per. 48)). But it is possible that Plutarch simply did not go into detail about the differences between the individual duel and the duel during the raid, introducing the elementary confusion into the text, thus gave it a completely different interpretation.

References

1. Allen S., Penroz D. *Rim i ego vragi: kel'ty, germancy, karfagenyane, greki, daki, parfyane, gunny* [Rome and Its Enemies: Celts, Germans, Carthaginians, Greeks, Dacians, Parthians, Huns]. Per. O. Shmelyovoj. M.; 2014. (In Russ.).
2. Goldsworthy A. *Vo imya Rima* [In the Name of Rome]. Per. M. Alfyorovoj i M. Korolyova. M.; 2007. (In Russ.).
3. Kolobov AV. Boevye nagrody rimskih legionerov epohi Principata [Battle Awards of Roman Legionnaires of the Principate Era]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 1998; (2): 27–33. (In Russ.).
4. Kempbell DB. *Iskusstvo osady. Znamenitnye shturmy i osady Antichnosti* [The Art of Siege. The Famous Assaults and Sieges of Antiquity]. Per. O. Serebrovskoj. M.; 2008. (In Russ.).
5. Kovács P. *Hasta pura. Acta Archaeologica*. 2004;55 (№ 1–2): 81–92.
6. Labitzke M. *Marius. Der verleumdete Retter Roms*. Münster; 2012.
7. Le Boek Ya. *Rimskaya armiya epohi Rannej Imperii* [The Roman Army of the Early Empire]. Per. M.N. Chelincevoj. M.; 2001. (In Russ.).
8. Mahlayuk AV. *Rimskie vojny. Pod znakom Marsa* [Roman Wars. Under the Sign of Mars]. M.; 2003. (In Russ.).
9. Mayak IL. Appian i ego Rimskaya istoriya [Appian and his Roman History] / *Appian Aleksandrijskij. Rimskaya istoriya*. M.; 1998, p.624–638. (In Russ.).
10. Maxfield V. *The Military Decorations of the Roman Army*. L.; 1981.
11. Van Ooteghem J. *Gaius Marius*. Bruxelles; 1964.
12. Simon G. *Vojny Rima v Ispanii 154–133 gg. do n.e.* [The Wars of Rome in Spain 154–133 B.C.]. Per. A.V. Korolenkova. SPb.; 2008. (In Russ.).
13. Schulten A. *Numantia. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1905–1912. Bd. III. Die Lager des Scipio*. München; 1927.
14. Truhina NN. *Politika i politiki «Zolotogo veka» rimskoj respubliki (II v. do n.e)* [Politics and Policies of the “Golden Age” of the Roman Republic (II century B.C.)]. M.; 1986. (In Russ.).
15. Ziegler K. Polybios (I). In: Paulys-Wissowa Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Hbbd. 42. 1952, p. 1440–1578.

Библиографический список

1. Аллен С., Пенроз Д. Рим и его враги: кельты, германцы, карфагеняне, греки, даки, парфяне, гунны / Пер. О. Шмелёвой. М., 2014.
2. Голдсуорти А. Во имя Рима / Пер. М. Алфёровой и М. Королёва. М., 2007.
3. Колобов А.В. Боевые награды римских легионеров эпохи Принципата // Вестник Пермского университета. 1998. Вып. 2. С. 27–33.
4. Кэмпбелл Д.Б. Искусство осады. Знаменитые штурмы и осады Античности / Пер. О. Серебровской. М., 2008.
5. Kovács P. Hasta pura // Acta Archaeologica. 2004. Vol. 55. (№ 1–2). P. 81–92.
6. Labitzke M. Marius. Der verleumdete Retter Roms. Münster, 2012.
7. Ле Боек Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. М.Н. Челинцевой. М., 2001.
8. Махлаюк А.В. Римские войны. Под знаком Марса. М., 2003.

9. *Маяк И.Л.* Аппиан и его Римская история // Аппиан Александрийский. Римская история. М., 1998. С. 624–638.
10. *Maxfield V.* The Military Decorations of the Roman Army. L., 1981.
11. *Van Ooteghem J.* Gaius Marius. Bruxelles, 1964.
12. *Симон Г.* Войны Рима в Испании 154–133 гг. до н.э. / Пер. А.В. Короленкова. СПб., 2008.
13. *Schulden A.* Numantia. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1905–1912. Bd. III. Die Lager des Scipio. München, 1927.
14. *Трухина Н.Н.* Политика и политики «Золотого века» римской республики (II в. до н.э.). М., 1986.
15. *Ziegler K.* Polybios (1). In: *Paulys-Wissowa Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. Hbbd. 42. 1952. Sp. 1440–1578.

Information about the author:

Merkulov Ivan Vasilievich — teacher of history and social studies, Novoanninsky city school No. 5, e-mail: Moу-school@yandex.ru.

Информация об авторе:

Меркулов Иван Васильевич — учитель истории и обществознания, Новоаннинская городская школа № 5, e-mail: Moу-school@yandex.ru.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАНИНА RIGHTS AND DUTIES OF CITIZENS

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-3-301-308

EDN: UFSEWJ

Research article / Научная статья

Alkaios — a true citizen of Mytilene

E.I. Solomatina

Institute of World History Russian Academy of Sciences,
32A, Leninsky pr-t, Moscow, Russian Federation, 119334

 Solomatina_elen@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to the civic position and political views of Alkaios, a fighter against tyranny, and his opponent Pittacus, the tyrant of Mytilene. The purpose of the study is to identify the presence or absence of political differences between Alkaios and Pittacus based on an analysis of all available sources. The author proves that the political views of Alkaios and Pittacus coincided and did not change throughout the entire period of their joint actions. According to the author, the situation changed due to the role of Pittacus in the victorious end of the first stage of the Sigeian War. Conclusions: Pittak decided to seize power by changing allies. Having established tyranny, he did not radically reform the state system, supplementing the traditional regime with personal authoritarian power.

Keywords: Pittacus, heteria, political views, political struggle, aristocracy, tyranny, Sigei, Archaeanactides

Article history: Received: 28.02.2023. Accepted: 17.04.2023.

For citation: Solomatina EI. Alkaios — a true citizen of Mytilene. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(3):301–308. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-301-308>

© Соломатина Е.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Алкей — истинный гражданин Митилены

Е.И. Соломатина

Институт всеобщей истории РАН,
119334, Российская Федерация, Москва, Ленинский пр-т, 32А

 Solomatina_elen@yahoо.com

Аннотация. Исследование посвящено гражданской позиции и политическим взглядам Алкея, борца с тиранией, и его оппонента Питтака, тирана Митилены. Цель исследования — на основе анализа всех имеющихся источников выявить наличие или отсутствие политических разногласий у Алкея и Питтака. Автор доказывает, что политические взгляды Алкея и Питтака совпадали и не менялись на протяжении всего периода их совместных действий. По мнению автора, ситуация изменилась в связи с ролью Питтака в победоносном завершении первого этапа Сигейской войны. Питтак решил, сменив союзников, захватить власть. Установив тиранию, он не стал радикально реформировать государственный строй, дополнив традиционный режим личной авторитарной властью.

Ключевые слова: Питтак, гетерия, политические взгляды, политическая борьба, аристократия, тирания, Сигей, Археанактиды

История статьи: Поступила в редакцию: 28.02.2023. Принята к публикации: 17.04.2023.

Для цитирования: Соломатина Е.И. Алкей — истинный гражданин Митилены // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 3. С. 301–308. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-301-308>

Introduction

According to the established tradition, the civic position and political views of one of the famous lyric poets of antiquity — Alkaios and the *hetaireia* which he belonged to, are usually assessed in comparison with the views of his political opponent Pittakos, who won the long struggle for power in Mytilene. This assessment was significantly influenced by the modern researchers understanding of the essence of the regime of sole power established by Pittakos. Following Aristotle, who called it *aisymneteia* and equated it with elective tyranny, the researchers see the essence of *aisymneteia*, as well as tyranny, in their anti-aristocratic orientation. With such a vision of the political regime established by Pittakos, it was self-evident that Alkaios, speaking out against tyranny, was not on the side of the progressive development of society in the direction of its democratization, but on the side of the obsolete aristocracy and its values. However, ideas about the essence of archaic tyranny are constantly being refined and modernized in connection with a deepening understanding of the level of political development of the Greek polis in the 7th century BC. This, in turn, actualized the issue of revising the assessment of the civic position of Alkaios and his opponent.

Political events where Alcaeus participated with Pittacus

In the second half of the 7th — early 6th cent. BC. Mytilene was engulfed in internecine strife of striving for power representatives of the aristocratic elite. Many of these dramatic events became known due to the fact that they were reflected in the poems of Alkaios who from a young age was involved in political struggle. It is no coincidence that Alkaios gained a reputation as a political poet, witness and singer of civil strife, which is also confirmed by external evidence about his life, in which he is mentioned in connection with various episodes of the struggle for power of political groups and their leaders (Strab. XIII.2.3; Diog. Laert. I.74–81).

Horace calls “citizen of Lesbos” Alkaios “fierce in war”, singing love and wine “between battles” (Hor. Carm. I.32.5–9). Even in antiquity, Alkaios poems on political topics were characterized as songs of unrest — *stasiotica* (Strab. XIII.2.3) and as civil ones (Dionys. Hal. De imit. II.8). Alkaios songs were performed at symposiums — feasts of aristocrats, those who were like-minded poet. In the political poems of Alcaeus, there is no consistent and coherent presentation of events, they reflect the reaction of the poet to them. It is quite obvious that the events were well known to the listeners, because they were, mostly, accomplices in these events. However, for modern researchers of the political history of Mytilene, the sequence and chronology of the events mentioned in the lyrics are not always clear, which allows the existence of various versions of their reconstructions and interpretations.

For the disclosure of the topic of investigation, the political events in which Alkaios took part together with Pittakos and which were reflected in his works spark interest.

At some point, the exact date is not known, the royal power in Mytilene was replaced by the rule of members of the former royal family of Penthilidae. The Penthilidae, having monopolized power in their hands, removed other noble families from government. Approximately in the middle of the 7th cent. BC [1. C. 41; 2. P. 135; 3. P. 92] the reign of the Penthilidae came to an end: by their permissiveness they incurred the wrath of the nobility. Aristotle cites this event as an example of an upheaval caused by the violent behavior of rulers (Arist. Pol. V.8.13, 1311b). As a result of the destruction of the monopoly rule of the Penthilidae, other aristocratic families also gained access to power, which became possible due to the existence of the eponymous office of prytanis and the college of basileis [4. C. 274; 6. P. 30].

The existence of other polis authorities in Mytilene — a council, the membership of which was hereditary, and a people’s assembly (agora), is mentioned by Alkaios (fr. 130 Voigt) [5]. Further developments showed that the presence of annually changing offices could not prevent the desires of rival factions to take a leading position in the polis, so the discord between them continued. The Archaeanaetidae, Cleanactidae and the group, which included Alkaios’s brothers and Pittakos, stood out in particular. At this stage, aristocratic groups no longer fought for participation in government, but for sole power — monarchy, as Alkaios calls it (fr. 6.27 Voigt) [5], or tyranny,

as it is defined in later written sources (Diog. Laert. I.74; Strab. XIII.2.3). A certain Melanchros took advantage of the fruits of the struggle. His name occurs only once in a fragment of Alkaios (fr. 331 Voigt) [5]. Despite the absence of any characteristics of his reign in the sources, it was believed that Melanchros was a representative of the *demos*, a democratic leader who established the first of the tyrannical regimes in Mytilene, mentioned by ancient tradition [6. C. 36; about relying on the *demos*, especially on the Thracians, see: 7. P. 14]. The stage of the struggle itself was regarded as a period of activation of the upper layer of the *demos*, to which Pittakos is attributed. The temporary union of Pittakos and Alkaios *hetaireia*, with all the allowable differences in fundamental interests, was explained by the presence of a common enemy — a tyrant [6. C. 35]. In fact, we know nothing about the role of the people, and nothing indicates that Melanchros came to power as the leader of the lower layers of society. Most likely, it was an episode of the internecine struggle of the Mytilenean aristocrats, since both Melanchros and his opponents relied on aristocratic *hetaireiai* [8. C. 118]. Melanchros was overthrown in the 42nd Olympiad (Suda s.v. Πυττάκος), 612/9 BC [9. C. 247] by the joint efforts of Alkaios's brothers and Pittakos (Diog. Laert. I.74). The poet himself is not mentioned among the participants in the conspiracy. The researchers explain this circumstance based on the interpretation of one song of Alkaios (fr. 75 Voigt) [5], in which, presumably, the poet recalls some event involving Pittakos and talks about his young age. This event is usually identified with the murder of Melanchros, and presumably the too young age of Alkaios was the reason for his non-participation in it [10. C. 152; 3. P. 93]. However, sometimes the line of Alkaios about his infancy is neglected as untrue, because on the basis of other evidence, one can calculate the age of the poet, who at that moment was not so young [9. C. 250]. Accordingly, the participation of Alkaios is admitted in a conspiracy against Melanchros on the basis of Strabo's indirect data (Strab. XIII.2.3), which is preferred [6. C. 36]. Despite the decisive role in the elimination of Melanchros, none of the Alkaios–Pittakos's *hetaireia* came to power as a result of the coup.

Myrsilos became the next sole ruler. Due to the lack of evidence, it is not known for certain whether he came to power immediately or after a certain period of time after the overthrow of Melanchros. Presumably, after the assassination of Melanchros and the ensuing riots, Pittakos, together with the brothers of Alkaios, restored the rule of a broad coalition of elites in Mytilene [1. P. 42–43], in which Pittakos played a leading role [8. C. 118]. Myrsilos, who may have belonged to the Cleanactidae [7. C. 15; 10. P. 174, note 4] and was on the side of Melanchros, first was expelled with his supporters while trying to seize power [1. C. 44]. The short-term period of the exile of Myrsilos was the result of successful joint actions of the Alkaios–Pittakos *hetaireia*. But soon Myrsilos returned to Mytilene [8. C. 118; 11. P. 168, note 21], at the same time, as follows from the poem of Alkaios (fr. 305 Voigt) [5], a certain Mnamon, a poet's friend, provided Myrsilos with a small boat for returning. With Myrsilos return to Mytilene, the strife between the factions flared up with

renewed vigor. Alkaios's *hetaireia* resumed its union with Pittakos, holding it off with an oath to fight with those in power [10. P. 161, 167, 176; 3. P. 93]. The conspirators vowed either to win or die, but not to retreat from the intended goal, as Alkaios says about this (fr. 129 Voigt) [5].

In addition to the struggle against those who sought to establish a monarchical rule in Mytilene, Alkaios and his *hetaireia* together with Pittakos participated in a foreign policy event — in the war against the Athenians for Sigeion. The earliest evidence about this conflict belongs to Alkaios (fr. 428 Voigt) [5], who described his first unsuccessful military experience in the song and sent it to his friend Melanippus to Mytilene (Herod. V.95; Strab. XIII.1.38). According to Strabo (XIII. 1.38), Pittakos, having sailed with ships to Sigion, fought with the Athenians for some time, poorly coping with business and suffer failures. The war took on a protracted character, turning into a series of skirmishes. The conflict was resolved by the duel of the two leaders — Phrynon and Pittakos. Pittakos killed Phrynon using a trick. Pittakos's victory over Phrynon completed the first stage of the war for Sigeion in favor of Mytilene and thereby made it possible for the grouping to return to its homeland with a triumph and continue the struggle for power. Pittakos significantly enhanced personal prestige among citizens of Mytilene and increased his own chances of success. It is no coincidence that some ancient authors believed that it was for the victory over Phrynon that Pittakos received power in Mytilene (Diog. Laert. I.75; Valer. Max. VI.5., ext. I).

Having returned to Mytilene Pittakos and Alkaios's *hetaireia* continued the joint struggle against Myrsilos, but their conspiracy was revealed, probably due to the betrayal of Pittakos, who at some point went over to the side of Myrsilos, for which the poet subsequently reproached the renegade (fr. 129 Voigt) [5] [10. P. 161, 167, 179; 3. P. 93; 11. P. 159]. The conspirators escaped severe punishment, having managed to hide in Pyrrha in time.

The failed conspiracy and the first expulsion that followed are usually dated to 600/599 BC [9. C. 253]. The betrayal of Pittakos was a turning point, dramatically changing the situation and the goals of former associates. Alkaios and his *hetaireia*, being in exile, are striving in every possible way to return to Mytilene and continue the fight against the ruler who seized power in the city. Pittakos on the contrary, demonstrates loyalty to the ruling Myrsilos, not preventing him from persecuting his former allies. The poem of Alkaios (fr. 70 Voigt) [5] is regarded as evidence that Myrsilos relied on the support of Pittakos [6. C. 36; 8. P. 119] or even shared power with him [12. P. XIX: the time of the alleged dual power dates from the period between 600/599 and 597/596 BC].

The duration of Myrsilos's reign is unknown, most likely he died before Pittakos was put in power [10. C. 179]. Alkaios greeted Myrsilos's death with jubilation, urging everyone to drink on this occasion (fr. 332 Voigt) [5]. After the death of Myrsilos, Alkaios and his associates returned from exile to their homeland [3. C. 93; 11. P. 166; 6. P. 40; 8. P. 119].

Once in Mytilene, they discovered that Pittakos had begun to seize power in the city. Alkaios and his brother Antimenidas again embarked on the path of conspiracy and struggle, now against Pittakos. Alkaios is trying with all his might to warn his fellow citizens against a new danger in the person of Pittakos, who is encroaching on tyranny (fr. 141 Voigt) [5], and calls for an end to discord among the aristocracy (fr. 70 Voigt) [5]. Alkaios's warnings do not reach the goal, the aristocracy is divided and weakened by civil strife [11. C. 175], Pittakos moves further along the path of achieving power. To strengthen his position, he marries a representative of the royal family. His marriage contributed to the establishment of relations with the Pentilidai after the dissolution of the alliance with the clan of the deceased ruler [11. P. 156–157, note 3].

The soon-to-be-followed “general approval” by the Mytileneans of the establishment of the tyranny of Pittakos (Alc. fr. 348 Voigt) [5] is associated with two events that could serve as a reason for this. The first event was the strengthening of Alkaios's *hetaireia* during a three-year stay in Mytilene to such an extent that it began to pose a threat to society. It was in response to this threat that the was established in 597/96 BC [9. C. 253; 12. P. XVIII], and the rebels found themselves again in exile where the Cleanaktidai and Sappho also went. The second event is the threat of an assault on Mytilene by a rebel army. Forced to leave Mytilene Alkaios's *hetaireia* did not reconcile itself to the position of the exiles and continued fighting. The second exile is sometimes associated with the unpatriotic act of Alcaeus (fr. 69 Voigt) [5], who allegedly turned to Lydia for help [3. C. 93]. This is the most common version of the reconstruction of the events reflected in fragment 69, but not the only one [11. P. 164–165]. Having received the money from Lydia, the exiles equipped an army and tried to take Mytilene by storm. Regardless of what event (it is impossible to determine exactly because of the state of the sources) caused the establishment of the tyranny of Pittakos, it was with it that Alkaios went into an open military clash. Alkaios (fr. 306Ae Voigt) [5] reports about the “battle at the bridge”, in which the rebels were defeated. This last stage of the struggle between Alkaios's *hetaireia* and Pittakos ended in favor of the latter. However, when Pittakos gained power, he did not make any radical reform of the state system (Arist. Pol. II.9.9, p. 1274b 15–20), as one would expect from a tyrant, based on traditional ideas about tyranny. The bodies of polis self-government mentioned by Alkaios: the council, the people's assembly that operated in his time, as well as the highest magistrate of the prytanis, continued to operate further, they are also mentioned in inscriptions of the 4th century BC [10. P. 177, note 1].

Conclusion

The civic stance and political views of any group leader can manifest themselves either in a put forward political program or in active political actions. Since the archaic period did not know the struggle of political programs, the struggle was carried

out on a personal level, and the most effective measure was the destruction of the enemy [13. P. 118–119]. We have analyzed the events in which Alkaios and Pittakos participated in order to compare their political views. It can be seen that at almost all stages of the struggle they acted together, their methods and goals were the same and unchanged — to overthrow the one who was currently in power. The goal of seizing power themselves was clearly implied, but for some reason they were not able to carry it out for the time being, only Pittakos succeeded in this later. The goal of coming to power themselves did not contradict the general tasks of the struggle, since they fought against a specific person, and not against the very form of power. There is no need to talk about the participation or involvement of the demos, or rather its top, since politics in the early polis, which was an oligarchy, would remain essentially an elite preserve [14. P. 178–180, 189]. Accordingly, it makes no sense to give opposite assessments of the political position of those who opposed tyranny (i.e., allegedly defended aristocratic ideals), and those who are for its establishment (i.e., allegedly for the democratization of society, for anti-aristocratic orders) does not make sense. After all, tyranny was neither an alternative nor a threat to the existing oligarchies in which it flourished. Violence was not used against the existing order, but only against competitors. Tyranny throughout almost the entire archaic era was not at all some kind of special regime, but was a traditional leadership in its most amplified form [14. P. 198, 202].

References

1. Forsdyke S. *Exile, Ostracism, and Democracy. The Politics of Expulsion in Ancient Greece*. Princeton & Oxford: Princeton University Press; 2005.
2. Bowra CM. *Greek Lyric Poetry from Alcman to Simonides*. 2nd revis. ed. Oxford: Clarendon Press; 1961.
3. Andrewes A. *The Greek Tyrants*. London: Hutchinson University Library; 1966.
4. Sherk RK. The eponymous officials of Greek cities Mainland Greece and the adjacent islands. Vol. II. *ZPE*. 1990; (84):231–295.
5. *Sappho et Alcaeus*. Fragmenta. Edidit E.-M. Voigt. Amsterdam: Polak & Van Gennepe; 1971.
6. Boruhovich VG. Iz istorii social'no-politicheskoy bor'by na Lesbose (konec VII — nachalo VI v. do n.je. Melanhr, Mirsil i Alkej [From the history of the socio-political struggle in Lesbos (late 7th — early 6th century BC). Melanchros, Myrsilos and Alkaios]. *Antichnyj polis. Mezhdvusojskij sbornik*. By ed. E.D. Frolov. Leningrad: Leningrad University Press; 1979, p.27–42. (In Russ.).
7. Myakin TG. Stanovlenie polisnogo stroja na Lesbose v VII–VI vv. do n.je. (jetnosocial'nyj aspekt) [The formation of the polis system in Lesbos in VII–VI cent. BC (ethno-social aspect)]. In: A.P. Derevyanko, ed., *Istorija i sociologija gosudarstva* [History and Sociology of the State]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Press; 2003, p.5–12. (In Russ.).
8. Berve H. *Tirany Grecii* [Berve H. *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd. 1]. Rostov-na-Donu: Phoenix; 1997. (In Russ.).
9. Mosshammer AA. *The Chronicle of Eusebius and Greek chronographic tradition*. Lewisburg; London: Bucknell University Press; 1979.
10. Page DL. *Sappho and Alcaeus. An introduction to the study of ancient Lesbian poetry*. Oxford: Clarendon Press; 1955.

11. Burnet A. Pippin. *Three Archaic Poets: Archilochus, Alcaeus, Sappho*. London: Duckworth; 1983.
12. Alcée. *Fragments*. Texte établi, traduit et annoté par G. Liberman. T. 1–2. Paris: Les Belles Lettres; 1999.
13. Finley M.I. *Politics in the ancient world*. Cambridge: Cambridge University Press; 1983.
14. Anderson G. Before Turannoi Were Tyrants: Rethinking a Chapter of Early History. *CA*. 2005;24 (2):173–222.

Библиографический список

1. *Forsdyke S.* Exile, Ostracism, and Democracy. The Politics of Expulsion in Ancient Greece. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2005.
2. *Bowra C.M.* Greek Lyric Poetry from Alcman to Simonides. 2nd revis. ed. Oxford: Clarendon Press, 1961.
3. *Andrewes A.* The Greek Tyrants. London: Hutchinson University Library, 1966.
4. *Sherk R.K.* The eponymous officials of Greek cities Mainland Greece and the adjacent islands. Vol. II // ZPE. 84. 1990. S. 231–295.
5. Sappho et Alcaeus. *Fragmenta*. Edidit E.-M. Voigt. Amsterdam: Polak & Van Gennepe, 1971.
6. *Борухович В.Г.* Из истории социально-политической борьбы на Лесбосе (конец VII — начало VI в. до н.э.). Меланхр, Мирсил и Алкей // Античный полис. Межвузовский сб. / Отв. ред. Э.Д. Фролов. Л.: издательство Ленинградского университета, 1979. С. 27–42.
7. *Мякин Т.Г.* Становление полисного строя на Лесбосе в VII–VI вв. до н.э. (этносоциальный аспект) // История и социология государства / Под ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: издательство Новосибирского государственного университета, 2003. С. 5–12.
8. *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов на Дону: Феникс, 1997.
9. *Mosshammer A.A.* The Chronicle of Eusebius and Greek chronographic tradition. Lewisburg; London: Bucknell University Press, 1979.
10. *Page D.L.* Sappho and Alcaeus. An introduction to the study of ancient Lesbian poetry. Oxford: Clarendon Press, 1955.
11. *Burnett A. Pippin.* Three Archaic Poets: Archilochus, Alcaeus, Sappho. London: Duckworth, 1983.
12. *Alcée.* *Fragments*. Texte établi, traduit et annoté par G. Liberman. T. 1–2. Paris: Les Belles Lettres, 1999.
13. *Finley M.I.* Politics in the ancient world. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
14. *Anderson G.* Before *Turannoi* Were Tyrants: Rethinking a Chapter of Early History // *CA*. 2005. Vol. 24. No 2. P. 173–222.

Информация об авторе:

Соломатина Елена Ивановна — научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций, Институт всеобщей истории РАН, e-mail: Solomatina_elena@yahoo.com. ORCID: 0000-0001-6671-0257

Information about the author:

Solomatina Elena Ivanovna — Research Fellow Detachment for Comparative Studies of the Ancient Civilizations, Institute of World History RAS, e-mail: Solomatina_elena@yahoo.com. ORCID: 0000-0001-6671-0257.

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-3-309-317

EDN: UGDBRM

Научная статья / Research article

Плиний Младший: гражданин, землевладелец, интеллектуал

В.О. Никишин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119234, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

 cicero74@mail.ru

Аннотация. Плиний Младший – государственный деятель, писатель и адвокат, автор единственной дошедшей до наших дней переписки наместника провинции с императором. Актуальность темы исследования обусловлена сформировавшимся в историографии стереотипным представлением о Плинии Младшем как апологете императора Траяна и нерешительном управленце, который по любому поводу запрашивал авторитетное мнение своего августейшего патрона. Цель исследования – выявить те аспекты многогранной личности Плиния Младшего, которые обычно остаются в тени привычного образа ловкого придворного и посредственного администратора. Автор рассмотрел такие грани деятельности Плиния Младшего, как занятия хозяйством и литературное творчество. Выводы: несмотря на то, что Плиний Младший начал свою карьеру при тираническом режиме Домициана, ему удалось сохранить чувство собственного достоинства и остаться верным выработанным им самим представлениям о чести, долге и совести. Будучи в целом равнодушен к хозяйству, основную часть времени Плиний Младший посвящал литературным трудам, философии и риторике.

Ключевые слова: Домициан, Нерва, Траян, Тацит, Антонины, Вифиния, сенат, принципат, эпистолярный жанр

История статьи: Поступила в редакцию: 20.02.2023. Принята к публикации: 20.04.2023.

Для цитирования: *Никишин В.Н.* Плиний Младший: гражданин, землевладелец, интеллектуал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 3. С. 309–317. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-309-317>

© Никишин В.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Pliny the Younger: citizen, landowner, intellectual

V.O. Nikishin

Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
building 27, block 4, Lomonosovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 119234

 cicero74@mail.ru

Abstract. Pliny the Younger is a statesman, writer and lawyer, the author of the only correspondence between the governor of the province and the emperor that has survived to this day. The relevance of the research topic is due to the stereotyped idea formed in historiography of Pliny the Younger as an apologist for Emperor Trajan and an indecisive manager who, for any reason, asked for the authoritative opinion of his august patron. The relevance of the research topic is due to the stereotyped idea formed in historiography of Pliny the Younger as an apologist for Emperor Trajan and an indecisive manager who, for any reason, asked for the authoritative opinion of his august patron. The purpose of the study is to reveal those aspects of the multifaceted personality of Pliny the Younger, which usually remain in the shadow of the usual image of a clever courtier and mediocre administrator. The author considered such facets of Pliny the Younger's activity as housekeeping and literary creativity. Conclusions: despite the fact that Pliny the Younger began his career under the tyrannical regime of Domitian, he managed to maintain his self-esteem and remain true to his own ideas of honor, duty and conscience. Being generally indifferent to the economy, Pliny the Younger devoted most of his time to literary works, philosophy and rhetoric.

Keywords: Domitian, Nerva, Trajan, Tacitus, Antonines, Bithynia, Principate, epistolary genre

Article history: Received: 20.02.2023. Accepted: 20.04.2023.

For citation: Nikishin V.O. Pliny the Younger: citizen, landowner, intellectual *RUDN Journal of World History*. 2023;15(3):309–317. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-309-317>

Введение

Прославленный литератор и адвокат эпохи Траяна, видный представитель правящей элиты, государственный муж, сенатор и личный друг императора, богатейший магнат — и вместе с тем остроумный собеседник, обходительный человек, верный друг, хлебосольный и гостеприимный хозяин... Все эти эпитеты относятся к Гаю Плинию Цецилию Секунду (ок. 61–113 гг.), или Плинию Младшему, как принято его называть, чтобы не спутать с его великим дядей, Плинием Старшим, который был не менее выдающимся писателем, администратором и государственным мужем. Плиний Младший занял свое почетное место в истории римской литературы благодаря дошедшим до наших дней «Письмам» в 10 книгах и «Панегирику», написанному в честь императора Траяна — «наилучшего принцепса» (*princeps optimus*), друга и покровителя нашего героя. Сделав завидную политическую карьеру

в годы одиозного правления Домициана (81–96 гг.), Плиний ни разу не пошел на сделку со своей совестью; как гражданин (в современном смысле слова), общественный и государственный деятель он всегда отличался высокой принципиальностью.

Гражданская позиция Плиния

Так, в его письме сенатору Юлию Валериану читаем: «Как я радуюсь, что, ведя дела, я не только ни о чем не уславливался, но всегда отказывался от всяких подарков, даже самых маленьких. Следует избегать всего, что не честно, и не потому, что оно не дозволено, а потому, что этого стыдно» (Ер. V. 13. 8–9. Пер. М.Е. Сергеевко). Образцом гражданского мужества и подлинной древней *virtus* в глазах Плиния был сенатор Юний Маврик (брат Юния Арулена Рустика, казненного по приказу Домициана в 93 г.; последний отправил Маврика в изгнание, откуда тот был возвращен Нервой), который имел обыкновение бестрепетно говорить властителям всю правду в глаза (Ер. IV. 22. 4–6).

Несмотря на свою дружбу с Траяном (98–117 гг.), Плиний не собирался молчать о «множестве недостатков в государстве» (*de pluribus vitiis civitatis*) (Ер. VI. 2. 9). Безусловно, его гражданская позиция, едва не стоившая ему жизни во времена тирании Домициана (этого, в противоположность Траяну, *princeps pessimus*), заслуживает всяческого уважения. Поборник древней *virtus* и «заветов предков» (*mores maiorum*), Плиний был убежденным консервативом: он ревностно относился к авторитету (*auctoritas*) сената и весьма болезненно воспринимал те эпизоды, когда сенаторы «теряли лицо» и демонстрировали недостойное заискивание и низкопоклонство перед лицом деспотической власти (Ер. VII. 29. 1–4; VIII. 6. 1–17). О своей гражданской позиции Плиний писал так: «После убийства Домициана я подумал и решил, что преследовать виновных, отплатить за несчастных, проявить себя — это великая и прекрасная задача» (Ер. IX. 13. 2. Пер. А.И. Доватура). Так он стал судебным оратором и адвокатом.

Плиний-магнат

Плиний Младший был латифундистом [см.: 3] и очень богатым человеком, о чем свидетельствует, в частности, его завещание; он сам признается в одном из своих писем, что иногда вспоминает о своем долге хозяина и землевладельца, садится на коня и объезжает свои поместья (Ер. IX. 15. 3). Каково же происхождение этих земельных богатств? Как пишет В.И. Кузицин, Плиний «соединил в своих руках земельные владения, принадлежавшие семье отца, знатного гражданина Комо, и матери, имевшей несколько поместий в окрестностях Комо. Третьей женой Плиния была также уроженка Комо,

представительница знатного местного рода Кальпурниев Фабатов, которая, вероятно, имела в составе приданого земельную собственность, расположенную на территории этого же города. Соединение в одних руках земельных владений, до того принадлежавших трем знатным и богатым родам, привело к созданию весьма крупного земельного массива. В дальнейшем, в течение всей жизни Плиний продолжал расширять свою земельную собственность на территории Комо» [4. С. 110–111]. Какую-то часть этого массива он получил по наследству (Ер. V. 7. 1; VII. 11. 14), остальное приобрел по случаю [4. С. 111, прим. 742]. Сам Плиний называет свои имения “*mei agri*” (Ер. VII. 18. 2); виллы в Лавренте и Тускуле он красочно и с увлечением описывает в письмах, адресованным друзьям — Галлу и Домицию Аполлинарию (Ер. II. 17. 1–29; V. 6. 1–45). Однако едва ли Плиния можно назвать рачительным хозяином, ибо для того, чтобы всерьез заняться хозяйством, ему не доставало ни времени, ни сил, ни желания.

Интеллектуальная деятельность Плиния

На что же он тратил свое время и силы? Не будем забывать, что Плиний Младший был одним из самых известных государственных деятелей, судебных ораторов и литераторов эпохи Траяна. Он писал на латинском и греческом языках, будучи, как и всякий интеллектуал Римской империи, человеком «двух языков» (*utrumque linguarum*). Это был весьма плодовитый писатель, поэт и прозаик, автор целого ряда судебных и политических речей, поэм и других произведений (сохранились лишь «Панегирик императору Траяну» и «Письма» в 10 книгах). Можно сказать, что Плиний Младший — признанный классик такой малой литературной формы, как эпистолярный жанр. «Привлекательность письма как жанра для литератора заключается в возможности сочетать множество разновидностей: шкала простирается от высоких историографических и ораторских форм вплоть до обсуждения сельскохозяйственных проблем и повседневной шутильной болтовни» [1. С. 1250]. Во времена Плиния, как писал И.М. Тронский, «художественное письмо становится таким же орудием литературной фиксации единичного жизненного факта или душевного настроения в некий определенный момент, каким в поэзии были эпиграммы, “сильвы” или оды и послания Горация» [7. С. 436].

«Письма» Плиния Младшего — это «художественное произведение, созданное автором согласно определенному замыслу, а не случайно подобравшийся домашний архив, опубликованный в хронологическом порядке написания писем или совсем без всякого порядка» [6. С. 158–159]. Как считает М. фон Альбрехт, «невозможно доказать, что Плиний издавал свои письма “триадами”. Письма, как и “Панегирик”, перед выходом в свет подверглись переработке» [1. С. 1249]. По мнению В.С. Соколова, Плиний «сам предназначал

свои письма для издания, специально их отделявал, обрабатывал, полировал» [6. С. 17]. Наконец, «вероятнее всего, Плиний сделал подборку из своей реальной корреспонденции и издал ее в переработанном виде» [1. С. 1252].

Ни одно письмо не датировано самим автором. Всего у Плиния 96 адресатов, в том числе такие известные писатели, как историк Корнелий Тацит и биограф Гай Светоний Транквилл (первому адресовано 11 писем — больше, чем кому-либо другому, второго Плиний называет своим «младшим другом», *contubernalis*: Ер. I. 24. 1), но в основном это неизвестные нам, вполне заурядные люди (*obscuri*). Неизменно доброжелательный и деликатный Секунд в своих письмах отзывается плохо лишь об одиозных личностях вроде Регула, знаменитого доносчика времен Домициана (Ер. I. 5. 1–15). «Плиний мастерски изображает не только отдельных лиц, но и массовые сцены. С необыкновенной живостью представляет он нам бурные заседания сената, где все драматизировано: выступление отдельных ораторов, голосование сенаторов, участие самого принцепса в этих заседаниях» [6. С. 150].

Многие сочинения Плиния до нас не дошли, как, например, книга «Отмщение за Гельвидия», которую автор опубликовал после убийства Домициана (сентябрь 96 г.). Это была апология сенатора Гельвидия Приска Младшего, павшего жертвой тирании. Тогда едва не погиб и сам Плиний (Ер. III. 11. 3). Безусловно, он приветствовал приход к власти Нервы (96–98 гг.), при котором римляне, по словам Тацита, испытали редкое счастье, «когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает» (Тас. Hist. I. 1. Пер. Г.С. Кнабе). Но поскольку даже при «наилучшем принцепсе» вернуться к полноценной политической жизни с присущей ей конкурентной борьбой на форуме было уже невозможно (ибо процесс превращения гражданина в подданного зашел к тому времени слишком далеко), Плинию приходилось заниматься повседневной служебной рутинной, заседаая или выступая с речами в суде и сенате, что, безусловно, его тяготило. В одном из писем он писал о том, что поневоле заключен в «узких пределах» (*angustis terminis*) (Ер. IX. 2. 3. Пер. А.И. Доватура). Показательно принятое им для себя принципиальное решение: «Поэтому если не дано нам делами (эта возможность не в наших руках), то победим это ускользящее неверное время нашей литературной деятельностью» (Ер. III. 7. 14. Пер. М.Е. Сергеенко). Писал он много, несмотря на известную загруженность судебными делами [6. С. 36] и — в последнюю очередь — хозяйственными заботами. Как и его дядя, Плиний обладал завидным трудолюбием и усидчивостью. В одном из его писем читаем: «Будем же работать; не будем ссылаться на то, что другие бездельничают! Есть люди, которые слушают, есть люди, которые читают. Создадим что-нибудь, достойное слушания, достойное чтения» (Ер. IV. 16. 3. Пер. М.Е. Сергеенко). Разумеется, он сравнивал себя с дядей: «Я обычно смеюсь, когда меня называют прилежным; по сравнению с ним я лентяй из лентяев» (Ер. III. 5. 19. Пер. М.Е. Сергеенко).

Как работал Плиний? «Он не давал себе отдыха ни во время прогулок, ни когда ехал куда-нибудь, сидя в носилках. Не расставался он с табличками и стилосом, даже выезжая на охоту или объезжая отдаленные города порученной его управлению провинции Вифинии. Наконец, те же литературные интересы заставляли его посещать публичные чтения, редактировать чужие произведения» [6. С. 52]. И в самом деле, Плиний писал не только в тиши своего кабинета, но и в дороге, и даже на природе (Ер. I. 6. 1–3; IX. 10. 2). Он имел обыкновение сперва обдумать текст, затем диктовал его секретарю, после чего проверял и редактировал написанное (Ер. IX. 36. 2–4; 40. 2). Несомненно, Плиний был перфекционистом, о чем свидетельствуют, в частности, такие его слова: «Я хочу, чтобы каждая моя последняя работа казалась самой совершенной...» (Ер. VIII. 3. 2. Пер. А.И. Доватура). С таким отношением к делу уживались многогранность творческой природы и разносторонность интересов Плиния. Вот его кредо: «Лучше сделать что-нибудь одно замечательное, чем многое кое-как, но если ты не можешь сделать что-нибудь одно замечательно, то лучше сделать многое, хотя бы и кое-как. Имея это в виду, я пробую себя в разных областях занятий, не доверяясь полностью ни одной» (Ер. IX. 29. 1. Пер. А.И. Доватура). Не писать он не мог; в одном из писем Плиний признается: «И радость и утешение для меня в литературных занятиях; всякую радость делают они радостнее, всякую печаль менее печальной» (Ер. VIII. 19. 1. Пер. А.И. Доватура).

Одним из увлечений Плиния была поэзия. О своих поэтических опытах он отзывался так: «Эти маленькие произведения удивительно напрягают и освежают душу; в них можно излить любовь, ненависть, гнев, сострадание, можно острить, вообще говорить обо всем, что бывает в жизни и даже на форуме, в суде. Они полезны тем же, чем и другие стихи: освободившись от оков размера, мы радуемся прозе и охотнее пишем ею: сравнение показывает, насколько она легче» (Ер. VII. 9. 13–14. Пер. А.И. Доватура). Плиний уверял, что не относится всерьез к своим поэтическим произведениям, называя их «безделками» (*nugae*) (Ер. IV. 14. 8; VII. 2. 2; IX. 25. 1). За эти «безделки» автора добродушно журили друзья, считавшие их недостойными его дарований (Ер. V. 3. 1; VII. 4. 1). Сам Плиний утверждал, что стихи он писал для удовольствия: «Это моя забава... В этих стихах я шучу, забавляюсь, говорю о своей любви, печали, гневе, жалею, вдаюсь в описания, иногда краткие, иногда торжественные, и стараюсь самым разнообразием понравиться кое-чем одним, а кое-чем, может быть, и всем» (Ер. IV. 14. 2–3. Пер. М.Е. Сергеев). Речь идет о стихах, написанных одиннадцатисложным стихотворным размером, известным как фалеков гендекасиллаб (пятистопный метр, состоящий из четырех хореев и одного дактиля). По словам Плиния, «дозволительно освежиться стихотворением, не говорю пространном и длинным (такое можно создать только на досуге), но остроумным и коротким, которое вносит подобающее разнообразие во всевозможные занятия и заботы. Их называют

забавой, но эта забава иногда получает не меньшую славу, чем серьезные произведения» (Ер. VII. 9. 9. Пер. А.И. Доватура).

Налицо некий парадокс: с одной стороны, забава и развлечение, с другой — ревностная и скрупулезная отделка текста, не говоря уже о повышенном внимании автора к критике, особенно из уст друзей. В этой связи нельзя не упомянуть о рецитациях — публичных чтениях, в которых Плиний неизменно принимал самое активное участие: он и сам с удовольствием читал вслух свои произведения, и приходил послушать сочинения других литераторов и прежде всего своих друзей (Ер. VI. 17. 1; 21. 2; VIII. 21. 2–5; IX. 27. 1). Характерно, что читал он (иногда за Плиния читал вольноотпущенник: Ер. IX. 34. 1–2) не только свои литературные «безделки», но и судебные речи, что было не принято (Ер. VII. 17. 2). Обычно во время рецитаций читались исторические произведения, трагедии и стихи (Ер. VII. 17. 3). Сам Плиний так объяснял свою любовь к рецитациям: «Во-первых, автор из страха перед слушателями старательнее займется своими писаниями, а затем в местах для него самого сомнительных он поступит как бы по решению совета» (Ер. V. 3. 8). Видимо, здесь проявился присущий автору перфекционизм. Но не только. Плиний был равнодушен к славе. В одном из писем он как бы между делом, но явно не без гордости сообщает своему адресату: «Я читал два дня: меня вынудило к этому одобрение слушателей» (Ер. VIII. 21. 4. Пер. А.И. Доватура). Плинию льстила его литературная известность (Ер. IX. 23. 1–6; 25. 2). Он с удовольствием перечитывал то, что друзья писали о нем (Ер. IX. 31. 1), и радовался тому, что его книги продавались даже в Лугдуне (Ер. IX. 11. 2), т.е. в Галлии, а не только в Риме и Италии! Как писала о Плинии Младшем М.Е. Сергеевко, «он гордился своими магистратурами и званиями, славой адвоката и литератора, авторитетом в широких кругах общества. И в то же время оценивающим и критическим оком окидывал окружающий мир» [5. С. 278–279].

Свои тексты Плиний посылал друзьям для прочтения, получая взамен их сочинения (Ер. IX. 4. 1–2; 20. 1; 28. 3; 35. 1–2). Он всячески поощрял литературное творчество своих друзей (Ер. III. 15. 1–3) и даже иногда подбрасывал им сюжеты (Ер. IX. 33. 2–10). Надо признать, что Плиний был исключительно деликатен, доброжелателен, тактичен в своих отзывах о чужих литературных опытах: «Я привык почитать и даже восхищаться всеми, кто хоть немного успел в умственных занятиях. Они трудны, утомительны и прихотливы; тех, кто ими пренебрегает, они пренебрежительно отвергают» (Ер. VI. 17. 5. Пер. М.Е. Сергеевко). Отметим, что Плиний обменивался сочинениями с Тацитом, с которым он дружил; они критиковали друг друга, но делали это в высшей степени деликатно (Ер. VII. 20. 1–2). Плиний высоко оценил «Историю» Тацита (Ер. VII. 33. 1) и даже назвал себя «учеником» (*discipulus*) великого историка (Ер. VIII. 7. 1). Должно быть, Плинию льстило то, что как литератор

он пользовался у современников такой же известностью, что и Тацит (Ер. IX. 23. 3).

Плиний не только сочинял стихи и прозу, он занимался еще и переводами, находя в этом большую пользу для развития литературы. По словам Плиния, «полезно, во-первых, — и это советуют многие, — переводить или с греческого на латинский или с латинского на греческий: благодаря упражнению этого рода вырабатываются точность и блеск в словоупотреблении, обилие фигур, сила изложения, а кроме того, вследствие подражания лучшим образцам, и сходная изобретательность; вместе с тем то, что ускользнуло от читателя, не может укрыться от переводчика. От этого приобретает тонкость понимания и правильное суждение» (Ер. VII. 9. 2. Пер. А.И. Доватура). Здесь Плиний следует в русле традиции, укоренившейся в римской литературе еще во времена Цицерона и Цезаря. Непререкаемыми авторитетами для него были древние авторы (Ер. VI. 21. 1).

Безусловно, Плиний — прекрасный стилист, чуждый каких бы то ни было литературных излишеств. Он «мастерски владеет стилем и проявляет виртуозность в его разнообразном применении» [6. С. 169]. По словам М. фон Альбрехта, «язык и стиль “Писем” Плиния восхищает своей ясностью, нередко и краткостью» [1. С. 1253]. Латынь Плиния проста и изящна, слог выразителен. Он увлеченно и красочно описывает свои виллы, рассуждает на литературные темы, свободно использует вставные эпизоды, анекдоты и притчи. Плиний Младший, ученик знаменитого ритора Квинтилиана, и сам был искусным ритором и знатоком диалектики [6. С. 168]. Интерес Плиния к философии отметил Г. Буассье [2. С. 249]. На наш взгляд, самую верную характеристику этой незаурядной личности дала М.Е. Сергеевко: «Плиний принадлежал к культурной элите своего времени, и по многим свойствам своего ума и таланта был выше его обычного уровня, но ни философом, ни глубоким мыслителем он не был. Тем интереснее эта его настроенность, эти его мысли. Они не были одинокими думами; Плиний говорил с единомышленниками, сочувственно ему откликавшимся. Не навязчиво, не выдвигаясь на передний план, теряясь среди многих житейски существенных тем, но вполне отчетливо прозвучало — не впервые ли в римской литературе? — пренебрежение к деятельности, которую требует окружающий человека мир, послышалось недоверие к нему. Ни он, ни его адресаты не додумывали этих мыслей до конца и на них не сосредотачивались, но пройдет полтора века — двести лет, и эти мысли овладеют человеческими душами, заставят многих отбросить, как ненужную ветошь, власть, богатство, почет, бежать в пустыни, забиваться в глухие углы, менять все земное великолепие на куколь монаха, на стихарь клирика» [5. С. 280–281]. Разумеется, значение творчества Плиния Младшего необходимо оценивать в контексте той исторической эпохи, в которой ему довелось жить и творить.

Заключение

Итак, Плиний Младший, этот, если угодно, римский интеллигент, пережив трудные времена деспотического правления Домициана, достиг вершины карьерного роста при первых Антонинах, став по милости Траяна консулом, авгуром и императорским легатом. Именно в это время (96–113 гг.) в полной мере реализовались не только способности Плиния как государственного деятеля, но и его яркое литературное дарование, не говоря уже о таланте оратора. Дошедшие до наших дней сборник писем и «Панегирик императору Траяну» — блестящий образец риторического мастерства нашего героя — по праву вошли в золотой фонд античного культурного наследия. Плиний Младший — верноподданный, ощущавший себя гражданином (в современном смысле слова), крупный землевладелец, совершенно равнодушный к своему колоссальному материальному богатству, интеллигент, погруженный в литературное творчество, — это, безусловно, один из лучших представителей римской правящей элиты II в. Можно сказать, что это уходящая натура; пройдет менее ста лет после его смерти, и наступит кризис III в., который подведет черту под существованием средиземноморской античной культуры, созданной усилиями таких незаурядных людей, как Плиний Младший.

Библиографический список

1. *Альбрехт М. фон.* История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияния на позднейшие эпохи / Пер. А.И. Любжина. Т. II. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2004.
2. *Буассье Г.* Оппозиция при цезарях // Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Изд-во «Иванов и Лещинский», 1993.
3. *Кузицин В.И.* Хозяйство Плиния Младшего (развитие латифундий и характер хозяйства крупного землевладельца в Италии в конце I в. н.э.) // Вестник древней истории. 1962. № 2. С. 27–55.
4. *Кузицин В.И.* Исследования в области экономической истории античности. СПб.: Алетейя, 2021.
5. *Сергеенко М.Е.* О Плинии Младшем // Письма Плиния Младшего. Книги I–X. М.: Наука, 1982. С. 274–282.
6. *Соколов В.С.* Плиний Младший. Очерк истории римской культуры времен империи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956.
7. *Тронский И.М.* История античной литературы. М.: Высшая школа, 1983.

Информация об авторе:

Никишин Владимир Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: cicero74@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2209-5357

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА RELIGION AND CULTURE

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-3-318-329

EDN: UMFSAE

Научная статья / Research article

Гоплитодромос — категория древнегреческой атлетики

Т.Б. Гвоздева

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 tbgvozdeva@rambler.ru

Аннотация. Цель исследования — выяснить, был ли гоплитодромос, или бег гоплитов, в большей степени военным или спортивным мероприятием, связан ли характер этого агона с его поздним введением в программу панэллинских игр и различались ли правила его организация на панэллинских и местных состязаниях. На основе письменных источников и данных аттической вазописи автор показывает, что существовали разные типы вооружения участников бега — тяжелый и легкий, а также что со временем «полное» вооружение гоплита — шлем, поножи, щит — изменяется, сохранив только щит. Несмотря на распространенное в научной литературе мнение, что гоплитодромос относился к «военным» состязаниям, автор приходит к выводу, что характер бега определялся типом игр. И если на местных играх этот агон часто был связан с *aition* праздника, например, с военными подвигами Афины на Панафинеях или годовщиной битвы при Платеях на Элевтериях, то на панэллинских состязаниях, таких как Олимпийские игры, военный характер бега трансформировался в реконструкцию, тем самым приобретая характер занимательного зрелища.

Ключевые слова: короткий бег, двойной бег, длинный бег, Олимпийские игры, Пифийские игры, Великие Панафинеи, Филострат

История статьи: Поступила в редакцию: 28.02.2023. Принята к публикации: 20.04.2023.

Для цитирования: Гвоздева Т.Б. Гоплитодромос — категория древнегреческой атлетики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 3. С. 318–329. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-318-329>

© Гвоздева Т.Б., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Hoplitodromos — the category of ancient Greek athletics

T.B. Gvozdeva

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, Russian Federation, 117198

 tbgvozdeva@rambler.ru

Abstract. The purpose of the study is to find out whether the hoplitodromos, or hoplite race, was more of a military or sporting event, whether the nature of this agon was associated with its late introduction into the program of the Panhellenic games, and whether the rules for its organization differed in Panhellenic and local competitions. On the basis of written sources and data from Attic vase painting, the author shows that there were different types of weapons of the participants in the run — heavy and light, and also that over time the “full” weapons of the hoplite — helmet, greaves, shield — change, retaining only the shield. Despite the widespread opinion in the scientific literature that the hoplitodromos belonged to “military” competitions, the author comes to the conclusion that the nature of the run was determined by the type of games. And if at local games this agon was often associated with the *aition* of the festival, for example, with the military exploits of Athena on Panathenaia or the anniversary of the Battle of Plataea on Eleutheria, then at Panhellenic competitions, such as the Olympic Games, the military nature of the run was transformed into a reconstruction, thereby acquiring the nature of an entertaining spectacle.

Keywords: sprint race, double-stadion race, long-distance foot-race, Olympic Games, Pythian Games, Great Panathenaia, Philostratus

Article history: Received: 28.02.2023. Accepted: 12.04.2023.

For citation: Gvozdeva T.B. Hoplitodromos — the category of ancient Greek athletics *RUDN Journal of World History*. 2023;15(3):318–329. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-318-329>

Введение

Гоплитодромос, или бег вооруженных гоплитов, (ὀπλιτῶν δρόμος) был одним из популярных состязаний на панэллинских и местных играх древней Эллады (Paus. III.14.3; Phil. Gym. 7; Artemidor. I.63; Plut. Quaest. Symp. II.5; Heliod. Aeth. IV). Следует отметить, что состязания в беге являлись составной частью атлетической программы многих праздников. Павсаний, в рассказе о формировании программы Олимпийских игр, начинает ее историю именно с разных видов бега. Первым состязанием на Олимпийских играх был «короткий» бег (776 г. до н.э.), на 14-й Олимпиаде (724 г. до н.э.) к нему добавили «двойной» бег, а на 15-й Олимпиаде (720 г. до н.э.) — «длинный» бег (Paus. V. 8.6–7). Бег гоплитов в доспехах стал последним состязанием гимнического агона Олимпийских игр; он был введен в программу на 65-й

Олимпиаде (520 г. до н.э.) (Paus. V. 8.30). Так как программа Олимпийских игр впоследствии стала основой многих панэллинских и местных праздников, то не будет преувеличением сказать, что состязания в беге являлись частью большинства из них.

Состязания в беге упоминаются уже в героическом эпосе — на тризне по Патроклу (Ном. II. XXIII. 740–796), на погребальных играх в Бупраксе в память царя Амаринка (Ном. II. XXIII. 635), на играх, устроенных царем феаков Алкиноем (Ном. Од. VIII. 103; 120–125). Однако в ранних источниках никогда не упоминается бег в вооружении. Являлся ли он частью военной подготовки или был только спортивным мероприятием? Отличалась ли организация этого агона на панэллинских играх от правил местных игр? С чем связано позднее введение бега в доспехах на Олимпийских играх? В статье мы попытаемся ответить на эти вопросы.

Согласно Павсанию бег вооруженных гоплитов был включен в программу Олимпийских игр на 65-й Олимпиаде; победу в нем одержал Дамарет из Гереи (Paus. V.8.30)¹. Обращает на себя внимание тот факт, что введение гоплитодрома в 520 г. до н.э. было относительно поздним дополнением к программе, почти 100 лет спустя после того, как были установлены остальные состязания гимнического агона, и почти 200 лет спустя после введения последнего состязания в беге [1. С. 28; 2. 32]. В программу гимнического агона, помимо трех видов бега, вошли пятиборье и борьба (18-я Олимпиада — 708 г. до н.э.), кулачный бой (23-я Олимпиада — 688 г. до н.э.) и панкратион (33-я Олимпиада — 648 г. до н.э.) (Paus. V. 8.7–8; VI. 24.1). М. Голден отмечал, что после введения бега вооруженных гоплитов в 520 г. до н.э. спортивная программа Олимпийских игр оставалась практически неизменной в течение почти 900 лет [3. С. 144].

На Пифийских играх, вторых по значению панэллинских играх после Олимпийских, основу программы составляли музыкальные состязания. Однако с 586 г. до н.э. в программу Пифийских игр, под влиянием популярности Олимпийских игр, были добавлены атлетические и конные состязания. Гимнический агон Пифийских игр включал в себя уже известные по Олимпийским играм три вида бега бег (короткий, двойной и длинный), пятиборье и единоборства (борьба, кулачный бой и панкратион) [4. С. 177]. Бег вооруженных гоплитов был введен в программу Пифийских игр только в 498 г. до н.э., т.е. также, как и на Олимпийских играх, позднее других состязаний (Paus. X.7.3) [5. С. 272; 6. Р. 84; 7. С. 121]. Первым пифионом в беге в доспехах стал Тименет из Флиунта.

¹ На 66-й Олимпиаде (516 г. до н.э.) Дамарет повторил свой успех, и стал первым олимпионом, который дважды выиграл гоплитодромос на Олимпийских играх. Павсаний пишет о нем как о самом известном атлете Аркадии (Paus. V.8.10; VI.10.4; VIII.26.2; IG 2² 2326).

Он одержал победу в этом виде бега спустя пять Олимпиад после победы Дамарета из Гереи (Paus. X.7.3) [6. С. 84].

Однако гоплитодромос, прежде чем появился в программе панэллинских игр, был известен на местных играх. Бег в доспехах был популярным сюжетом в вазописи, хотя, как справедливо отмечал Э. Гардинер, сцены с бегущими воинами не всегда имели отношение к участникам бега [8. С. 286]. Однако изображение бега гоплитов в доспехах на призовых панафинейских амфорах позволяет предположить, что он был частью программы Панафинейских игр в Афинах уже во 2-й пол. VI в. до н.э. Дж. Шер допускает, что бег в вооружении на Великих Панафинях был введен в 566 г. до н.э., в год реорганизации праздника, превращения его по образцу Олимпийских игр в четырехлетний праздник Великие Панафиней и увеличения его программы в первую очередь за счет расширения гимнастического агона [5. С. 272; 9. С. 60].

Бег в доспехах на Олимпийских играх

Некоторые ученые предполагают, что гоплитодромос завершал программу состязаний на Олимпийских играх [6. С. 85; 10. Р. 83; 11. Р. 79]. В то же время С. Миллер отмечает, что ему не удалось найти никаких данных в источниках, которые бы подтверждали последнее место бега гоплитов в программе Олимпийских игр [2. С. 37]. Состязание было отделено в программе от других видов бега и, следовательно, от спортивных объектов, общих для всех соревнований по бегу. М. Голден предполагает, такое положение бега в доспехах объясняется тем, что данный агон был позже всех остальных включен в олимпийскую программу [6. С. 85]. Э. Гардинер обратил внимание, что в вазописи бег вооруженных гоплитов часто был помещен вместе со сценами кулачного боя и панкратиона, из чего сделал вывод, что бег следовал за этими состязаниями [8. С. 286]. Если принять его точку зрения, то тогда следует, что единоборства (борьба, кулачный бой и панкратион) должны были быть завершены еще до захода солнца, чтобы осталось время провести забег гоплитов. Д. Поттер отмечает, что поскольку восход солнца в Греции в августе² приходится на 6.30, а заход солнца на 20.30, то времени как раз должно было хватить, чтобы провести все состязания этого дня. Д. Поттер приводит в пример случай II в. н.э., когда организаторы завершили поединок в панкратионе вничью, потому что на небе уже появились вечерние звезды. Это могло означать, что поединок был остановлен, т.к. должен был состояться финальный забег вооруженных гоплитов (SIG³ 1073 54, 24) [11. С. 81]. В призовых панафинейских надписях II до н.э.

² Олимпийские игры проводились каждые четыре года, в первое полнолуние после летнего солнцестояния, которое приходилось на летние месяцы Аполлоний и Парфений по элейскому календарю.

(IG II² 2313; IG II² 2314 + SEG XLI 114; IG II² 2314+ SEG XLI 114; SEG XLI 115; IG II² 2316) перечислены состязания атлетов в трех возрастных группах³ — бег, пятиборье, борьба, кулачный бой и панкратион; однако программа «мужчин» отличалась от программы юных атлетов тем, что она завершалась бегом в доспехах. Таким образом, этот вид бега на Панафинейях шел после единоборств и был последним среди атлетических состязанием. Дж. Шер отмечает, что гимнастический агон Великих Панафиней сформировался в основном во 2-й пол. VI в. до н.э. — 1-й пол. V в. до н.э. и, по-видимому, оставался практически неизменным [13. С. 181]. Возможно, что такое же положение бега гоппитов в доспехах закрепилось и в программе Олимпийских игр.

Организация бега гоппитов в доспехах

До 520 г. до н.э. на Олимпийских играх было известно только три вида бега — короткий бег, двойной бег и длинный бег. Стартовая линия в Олимпии была рассчитана на 20 человек и обозначалась специальными желобками. Атлеты занимали позицию «ступня к ступне» у стартовой черты перед беговыми дорожками, отделенными друг от друга каменными столбами. В коротком беге атлеты преодолевали дистанцию в 1 стадий по прямым дорожкам, которые были отмечены известью; ширина дорожек могла быть от 88 до 92 см. Дистанция двойного бега составляла 2 стадия. Т.к. в Олимпии не существовало овалных треков, то атлеты бежали по прямой дорожке, до столба, которым отмечалось расстояние в 1 стадий. Участники двойного бега должны были обогнуть поворотный столб против часовой стрелки и бежать обратно по параллельной дорожке [2. С. 34; 6. С. 51–52; 14. С. 77–79]. С. Миллер отмечает, что каждый бегун совершал поворот вокруг индивидуального столба [2. Р. 46–47]. Таким образом, двойной бег состоял как бы из двух отрезков трассы, разделенных поворотным столбом. Интересно, что в длинном беге, дистанция которого могла быть от 12-ти до 20-ти стадиев, все бегуны совершали поворот вокруг одного столба [2. С. 47; 15. Р. 27]. С. Миллер отмечает, что если бег в доспехах на Олимпийских играх был длиной 2 стадия, как двойной бег (Paus. V. 8. 30), то, возможно, гоппиты также бежали по отдельным дорожкам, и каждый поворачивал у своего поворотного столба [2. Р. 46–47].

Все состязания в беге на панэллинских и местных играх проводились по единым правилам, чего нельзя сказать о беге гоппитов, порядок которого на играх в разных полисах мог отличаться друг от друга. Таким образом, существовало много разновидностей бега в доспехах, отличавшихся друг

³ Участники Панафинейских игр состязались в трех возрастных группах: мальчики (παῖδες), «безбородые» юноши (ἀγένοιοι) и мужчины (ἄνδρες) [12].

от друга как расстоянием, так и снаряжением гоплитов, и правилами бега [8. С. 286; 6. Р. 84].

Длина трассы бега вооруженных гоплитов не была одинаковой на разных играх. На Олимпийских играх (Paus. II.11.8) и на Великих Панафинейх (Aristoph. Av. 291; schol. Aristoph. Av. 291–292) она составляла 2 стадия, как в двойном беге, тогда как на Немейских играх — 4 стадия (Phil. Gym. 8; 24) [16. С. 214]. В программе Олимпийских и Пифийских игр не было бега на 4 стадия, но в программе Немейских и Истмийских игр, а также Великих Панафиней присутствовал так называемый «конский» бег на 4 стадия (Paus. VI.16.4). Самая длинная дистанция бега с оружием была на празднике Элевтерии в Платеях (Беотия), который проводился раз в четыре года в августе — сентябре в годовщину битвы при Платеях (479 г. до н.э.). Участники бега в доспехах должны были преодолеть дистанцию в 15 стадиев от трофея, установленного в честь победы (Paus. IX.2.6; Phil. Gym. 8; 24) [6. Р. 51–52; 8. Р. 286; 11. Р. 75]. Филострат полагал, что продолжительностью забега гоплитов в Платеях объясняется подготовкой к войне (Phil. Gym. 8), однако Д. Поттер считает, что это только предположение Филострата [11. С. 76]. Таким образом, длина бега гоплитов на панэллинских и местных играх варьировалась от 2 до 15 стадиев.

Кроме того, стоит заметить, что той точности расстояния дистанции в беговых дисциплинах, которая характерна для современного спорта, в античности не было. Измерение расстояния беговых дорожек варьировалось на разных играх, т.к. стадий, который являлся греческой мерой длины, в Олимпии был равен 192,28 м, в Дельфах — 177,5 м, в Немее — 178 м, в Коринфе — 165 м, в Афинах — 177,6 м [6. Р. 157–158; 15. Р. 27]. Таким образом, длина бега вооруженных гоплитов на разных играх могла отличаться друг от друга не только дистанцией, но и ее длиной, которая на Олимпийских играх была ок. 384 м, на Пифийских играх и на Великих Панафинейх — ок. 355 м, а на Немейских играх — 712 м.

Вооружение участников бега гоплитов

Аналогичным образом в зависимости от времени и игр, менялось и вооружение участника бега в доспехах. Следует отметить, что в беговых дисциплинах атлеты состязались обнаженными. Согласно Павсанию бегуны сначала соревновались в набедренных повязках, однако с 15-й Олимпиады (720 г. до н.э.) стали состязаться обнаженными. Павсаний приписывает эту традицию Орсиппу из Мегар (Paus. I. 44, 1)⁴. Его примеру последовали все остальные атлеты.

⁴ «Недалеко от Кореба похоронен Орсипп; в то время как по древнему обычаю в Олимпии на состязаниях атлеты были опоясанными, он первый одержал победу, пробежав стадий нагим. Говорят, что и впоследствии Орсипп, будучи военачальником (мегарцев), отрезал

Участники бега гоппитов также состязались обнаженными, но в доспехах, которые состояли из шлема, щита и поножей [1. С. 28; 15. Р. 27; 16. Р. 214]. Первому олимпионику в беге вооруженных гоппитов, Дамарету из Гереи, была установлена статуя в Олимпии: «Статуя изображает его не только со щитом, как изображают бегунов и в наше время, но и со шлемом на голове и поножами на ногах. С течением времени как элейцами, так и другими эллинами все это было отменено при беге» (Paus. VI.10.4. *Пер. С.П. Кондратьева*). На панафинейских призовых амфорах сер. VI в. до н.э. мы видим атлетов в «полном вооружении» гоппитодрома [5. С. 271; 522]. На амфоре, найденной на акрополе (ок. 550–540 гг. до н.э.), изображены три мужчины в шлемах и поножах и со щитами, которые бегут в левую сторону (National Museum, Athens, Akropolis 921: Bentz 6.011). На второй амфоре, датируемой 540–530 гг. до н.э., сохранились фрагменты изображения трех гоппитов в шлемах и поножах, со щитами в руках, бегущих влево (J. Paul Getty Museum, Malibu, 81.AE.2Q3 A: Bentz 6.012) [5. С. 271].

Однако со временем вооружение участников бега в доспехах изменилось. Если сначала бегуны выступали в шлеме, поножах и с круглыми щитами (Paus. V.12.8; VI.10.4), то позднее поножи исчезают из «униформы» гоппитодромов [8. С. 287; 16. Р. 214]. Э. Гардинер отмечал, что до 520 г. до н.э. изображение поножей в беге гоппитов в вазописи было не обязательным, но после 520 г. до н.э. они стали постоянным элементом вооружения гоппитодрома. Однако после 450 г. до н.э. поножи полностью исчезли [8. Р. 287–288]. Возможно, что в ранних состязаниях на местных играх вооружение атлетов могло варьироваться, но после 520 г. до н.э., т.е. после введения бега в доспехах на Олимпийских играх, они должны были носить шлем, щит и поножи на ногах. Однако после 450 г. до н.э. правила были изменены, и атлеты «сняли» поножи. Павсаний утверждает, что современные ему атлеты бежали только в шлемах (Paus. VI.10.4).

В источниках нет сведений о том, было ли вооружение для бега гоппитов стандартным. С. Миллер полагает, что шлемы могли быть изготовлены по размеру голов участников бега [2. С. 32]. Что касается щитов, то Павсаний упоминает о двадцати пяти щитах, которые хранились в храме Зевса Олимпийского для участников забега (Paus. V.12.8; VI.10.4). Были ли щиты в разных играх одного размера и веса? Ссылка на Павсания, а также изображения щитов гоппитодромов на вазах, которые имели одинаковое украшение или форму позволяют предположить, что щиты были стандартными. С другой стороны, изменение цвета щитов и изображений на них можно объяснить как манерой художника, так и различиями в щитах [2. С. 33].

в их пользу области от земель соседей. Думаю, что и в Олимпии он сознательно дал соскользнуть поясу, так как он знал, что человеку нагому бежать легче, чем человеку опоясанному» (Paus. I.44.1. *Пер. С.П. Кондратьева*).

Особый интерес представляет тот факт, что участники гоплитодромы никогда не носили оружия — ни копья, ни меча [2. С. 29; 16. Р. 214]. Э. Гардинер отмечает, что бег в доспехах в руках, копьем или мечом, мог представлять опасность для атлетов. Он отмечал, что в вазописии встречаются изображения вооруженных таким образом гоплитов, следующих друг за другом, и что их часто принимали за участников бега, тогда как более разумным представляется рассматривать их просто как часть военных процессий [8. Р. 288–289].

Также вооружение гоплитодромов могло варьироваться на разных играх. Филострат писал, что самым тяжелым вооружением атлетов было на празднике Элевтерии в Платеях: «...из-за длины дистанции и потому, что вооружение доходило до пят и защищало атлета, как если бы он сражался на самом деле» (Phil. Gym. 8. *Пер. Е.П. Орехановой*). Платон в «Законах» упоминает разные виды вооружения участников бега в доспехах — как тяжеловооруженных, так и легковооруженных, как необходимые для подготовки гражданина в идеальном государстве. «Первым выйдет тот, кто примет участие в одинарном пробеге с оружием; вторым — состязающийся в двойном пробеге; третьим — состязающийся в беге на конной дистанции; четвертым — состязающийся в длинном пробеге; пятого же мы сначала выпустим вооруженным на дистанцию в шестьдесят стадий по направлению к святилищу Ареса; затем, дав ему имя гоплита и вооружив тяжелее, предложим ему более ровный путь; еще один стрелок в полном своем уборе пусть состязается в беге по разнообразным гористым местам в направлении к святилищу Аполлона и Артемиды» (Plat. Leg. 833a-c. *Пер. А.Н. Егунова*). Однако, очевидно, что со временем вооружение гоплитодрома становилось менее обременительным, т.к. бегуны, ранее одетые как тяжеловооруженные гоплиты, постепенно «сбрасывали с себя» поножи и шлем и оставляли только щит [6. С. 84].

Кроме того, в организации бега гоплитов, видимо, могли быть некоторые особенности. Филострат выделяет бег в доспехах на Элевтериях в Платеях отчасти из-за длины дистанции, отчасти из-за тяжелых доспехов, а отчасти из-за правила, согласно которому любой участник, «уже получивший венец победителя, если он собирался и дальше принимать участие в соревнованиях, должен был представить поручителей за свое тело, ибо в случае поражения его ожидала смерть» (Phil. Gym. 8. *Пер. Е.П. Орехановой*). Э. Гардинер обвиняет Филострата, что тот слишком склонен принимать без доказательств сведения о «спартанской суровости греческой легкой атлетики», которую в его время было модно преувеличивать. Э. Гардинер предположил, что правило, на которое ссылается Филострат, могло означать, что ни один предыдущий победитель не был допущен к соревнованиям во второй раз (Phil. Gym. 8; ср.: 24) [8. 286–287].

Как и во всех других состязаниях, проводимых на стадионе, участники бега гоплитов в доспехах были обнаженными. Изображения гоплитодромов в вазопиcи подчеркивают их мощные ноги и развитую верхнюю часть тела (Phil. Gym. 8; Luc. Cal. 12) [11. С. 76]. Филострат упоминает, что у участника бега в доспехах должны быть хорошо развиты плечи; он должен быть сильнее бегунов на короткие дистанции (Phil. Gym. 33). Д. Поттер отмечает, что в отличие от первых трех видов бега гоплитодромос был в первую очередь соревнованием на выносливость [11. С. 75].

Спорт или военная подготовка?

В научной литературе часто поднимается вопрос, посвященной греческой атлетике — с чем связано такое позднее введение бега в доспехах в программу Олимпийских игр. Единственным источником является трактат Филострата «О гимнастике», который дает такое объяснение: «У меня же другая точка зрения о происхождении бега в полном вооружении: я утверждаю, что он был учрежден для военных целей, но перешел в спортивные состязания для того, чтобы объявлять о начале войны: щит означал, что перемирие окончено и надо браться за оружие. И если ты внимательно слушаешь глашатая, то слышишь, что он всегда объявляет, что распорядитель состязаний прекращает соревнование, а труба означает приход Эниалия и призывает юношей к оружию. Этот призыв повелевает также унести куда-нибудь масло и не умащаться им более» (Phil. Gym. 7. Пер. Е.П. Орехановой). Д. Романо полагает, что если принять утверждение Филострата, что бег гоплитов был введен из-за растущей враждебности во время спортивных игр в разных местах (Phil. Gym. 7), то можно предположить, что организаторы Олимпийских игр были осведомлены о местных политических трудностях и пытались отреагировать на ситуацию, напоминающую самые ранние этапы организации Олимпийских игр, связанные с установлением экехерии [16. С. 218]. Э. Гардинер утверждал, что гоплитодромос — это военное состязание, и его введение было попыткой вернуть легкой атлетике практический характер, который со временем был утрачен, и о котором пишет Платон, предлагая ввести в своем идеальном государстве бег в тяжелых и легких доспехах (Plat. Leg. 833a-c). Поэтому в программе Олимпийских игр бег гоплитов был неким «смешанным видом легкой атлетики», в которых сочеталась и спортивная атлетика, и сохранилась ценность военной подготовки [9. 286]. Д. Поттер полагает, что в программе Олимпийских игр было два состязания, которое можно было бы отнести к «военным» — это бег вооруженных гоплитов и калпы. Однако, по его мнению, их скорее следует отнести к военным реконструкциям. Организаторы Олимпийских игр, по мнению Д. Поттера, эти состязания ввели в программу игр, чтобы сделать ее более интересной и зрелищной для зрителей [11. С. 75].

С. Миллер справедливо отмечает, что интерпретация греческой легкой атлетики как подготовки к войне возможна, но она противоречит четкому различию между атлетикой Олимпийских игр и атлетикой местных игр. Если легкая атлетика панэллинских игр, таких как Олимпийские игры, была предназначена в большей степени для отдельного атлета, то атлетика местных игр носила более «гражданский характер», т.е. в большей степени должна была соответствовать требованиям, предъявляемыми полисами при подготовке своих граждан. Физическая подготовка атлетов была общей как для панэллинских, так и для местных игр, но в программе Олимпийских игр не было элемента, который можно было бы назвать военным (ср.: Eur. Autolyk. fr. 282). Поэтому местные игры часто носили «военный» характер, чего не было в Олимпии, которая, наоборот, позиционировала себя как «зону мира» во время проведения игр [2. С. 29; ср.: 17].

Бег вооруженных гоплитов на Великих Панафинеях

Вывод С. Миллера вызывает большой интерес особенно в связи с программой Великих Панафинея. Датировка двух ранних призовых панафинеяских амфор⁵ позволяет Дж. Шер предположить, что бег вооруженных гоплитов был частью программы Великих Панафинея ок. сер. VI в. до н.э., и возможно, что он был введен в 566 г. до н.э., после реорганизации праздника, которая подразумевала превращение его в четырехлетние Великие Панафинея и расширение программы гимнического агона (Euseb. Chron. Ol. 53. 3–4) [5. P. 271–272]. После 566 г. до н.э. новая программа Панафинеяских игр включала в себя следующие состязания для атлетов старшей возрастной группы («мужчин»): короткий бег, возможно двойной бег и пятиборье, а также состязания на колеснице, запряженной четверкой лошадей, апену и почти наверняка состязание апобатов; борьба, кулачный бой, длинный бег и бег гоплитов, вероятно, также были включены примерно в это время [5. С. 376]. В Панафинеяских играх бег вооруженных гоплитов проводился на 2 стадия и только для старшей возрастной группы атлетов (Aristoph. Av. 291–292; schol. Aristoph. Av. 292a, c). Поскольку участники гоплитодрома были вооружены, на что указывает изображение атлетов на ранних призовых панафинеяских амфорах, то такое состязание вполне соответствовало военному характеру Панафинеяского праздника [17]. Программа Великих Панафинея включала в себя как атлетические и конные, так и музыкальные состязания по образцу Олимпийских и Пифийских игр. Это позволяло привлечь к Панафинеяским играм неафинян, которые

⁵ National Museum, Athens, Akropolis 921: Bentz 6.011–550–540 гг. до н.э.; J. Paul Getty Museum, Malibu, 81.AE.2Q3 A: Bentz 6.012–540–530 гг. до н.э.

могли были быть уверены, что тот вид состязания, в котором они принимали участие на панэллинских или местных играх будет включен и в программу афинского праздника. Но на Великих Панафинеях также были состязания, в которых могли принимать участие только афиняне, например состязания апобатов, или командные состязания. Они носили военный характер и были посвящены победам Афины над врагами [17]. Интересно, что гоплитодромос, вероятно, был единственным панафинеийским состязанием военного характера, в котором было разрешено участвовать неафинянам. Первым известным нам победителем в беге вооруженных гоплитов на Великих Панафинеях был знаменитый Фессал из Коринфа. Олимпионик 504 г. до н.э. (вероятно, в двойном беге), Фессал стал победителем Панафинеийских игр в гоплитодромосе, коротком беге и в двойном беге на одном празднике. Его победа, возможно, датируется или 506/5 г. до н.э., или 498/7 г. до н.э. (Pind. Ol. XIII.35–40; schol. Pind. Ol. XIII.37–38) [5. С. 532].

Интересно, что если реконструкция Дж. Шэр программы Великих Панафинеий верна, то тогда можно сделать вывод, что некоторые состязания проводились на Панафинеях раньше, чем на панэллинских играх, и в том числе гоплитодромос⁶. Бег вооруженных гоплитов была частью афинской программы еще до того, как он был включен в программу Олимпийских игр в 520 г. и в программу Пифийских игр в 498 г. до н.э., что позволяет сделать предположение, что, программа Великих Панафинеий оказала влияние на программы двух самых важных и престижных панэллинских игр — Олимпийских и Пифийских. С одной стороны, это является свидетельством того, что Великие Панафинеи постепенно из местного праздника становятся событием общегреческого значения, которое привлекло к ним спортсменов и зрителей из-за пределов Афин и Аттики. А с другой стороны, это объясняет относительно позднее включение бега вооруженных гоплитов в программу панэллинских игр.

Таким образом, на местных праздниках, таких как Великие Панафинеи в Афинах или Элевтерии в Платеях, сохраняется «военный» характер игр. Панафинеи были посвящены Афине, богине — покровительнице полиса, которая охраняла город от врагов. Горожане в главный день панафинеийского праздника подносили богине в дар пеплос, расшитый сценами побед Афины над гигантами. Тогда как Элевтерии были организованы по случаю великой победы греков над персами при Платеях, как напоминание о победе в войне. Возможно, что бег гоплитов в доспехах был на этом празднике самым «тяжелым», т.к. являлся формой военной подготовки в войне с персами. Тогда как на Олимпийских играх никогда не подчеркивался «военный» характер состязаний, более того, при проведении игр строго соблюдался обычай

⁶ Кроме бега в доспехах это были состязания кифародов и апена.

священного перемирия, что не дает возможность предполагать, что бег гоплитов в доспехах был включен в программу игр как «военный» агон. Популярность бега в доспехах в V в. до н.э. отчасти объясняется тем духом военного энтузиазма, который оживил легкую атлетику после Греко-персидских войн, а отчасти ее привлекательностью как зрелища.

Библиографический список

1. *Miller S.* The organization and functioning of the Olympic Games // *Sport and Festival in the Ancient Greek World* / ed. Phillips D., Pritchard D. Swansea, 2003. P. 1–40.
2. *Miller S.G.* *Ancient Greek Athletics.* New Haven; London, 2004. 288 p.
3. *Golden M.* *Greek Sport and Social Status.* Austin, 2008.
4. *Romano D.G.* *Athletic Festivals in the Northern Peloponnese and Central Greece // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity* / ed. P. Christesen and D.G. Kyle. Wiley Blackwell, 2014. P. 176–191.
5. *Shear J.L.* *Polis and Panathenaia: the History and Development of Athena's Festival.* PhD. Ann Arbor, 2002.
6. *Golden M.* *Sport in the ancient world from A to Z.* London, N.Y., 2004.
7. *Гвоздева Т.Б.* Атлеты Древней Греции на панэллинских играх // *Древний мир: История и археология.* М., 2022. С. 113–128.
8. *Gardiner E.N.* *Greek Athletic Sports and Festivals.* London, 1910.
9. *Гвоздева Т.Б.* Агональная программа Панафинейских игр в эпоху Писистрата // *Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.* М., 2012. Вып. 8. С. 60–82.
10. *Smith R.R.R.* *Pindar, Athletes, and the Early Greek Statue Habit // Pindar's Poetry, Patrons, and Festivals: From Archaic Greece to the Roman Empire* / Hornblower S., Morgan C., eds. Oxford: Oxford University Press., 2007. P. 83–139.
11. *Potter D.* *The Victor's Crown: A History of Ancient Sport from Homer to Byzantium.* Oxford, 2012.
12. *Гвоздева Т.Б.* Младшие возрастные категории атлетов на Панафинейских играх // *Вестник РУДН. Серия Всеобщая история.* 2022. Т. 14. № 3. 2022. С. 243–256.
13. *Shear J.L.* *Serving Athena. The Festival of the Panathenaia and the Construction of Athenian Identities.* Cambridge University Press, 2021.
14. *Гвоздева Т.Б.* Олимпийские игры античности (от мифа к истории). М., 2013. 200 с.
15. *Kyle D.G.* *Greek Athletic Competitions: The Ancient Olympics and More.* In: P. Christesen, D.G. Kyle (ed.). *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity.* Wiley Blackwell, 2014. P. 21–35.
16. *Romano D.G.* *Greek Footraces and Field Events.* In: A. Futrell, T. Scanlon (ed.). *The Oxford Handbook of Sport and Spectacle in the Ancient World.* Oxford, 2021. P. 209–220.
17. *Гвоздева Т.Б.* Военные аспекты панафинейского праздника // *Antiquitas Aeterna (Поволжский антиковедческий журнал): Вып. 2: Война, армия и военное дело в античном мире.* Саратов, 2007. С. 220–240.

Информация об авторе:

Гвоздева Татьяна Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, e-mail: tbgvozdeva@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-0400-4589

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-3-330-339

EDN: UUSYEV

Научная статья / Research article

Мотив гонок колесниц в искусстве Ионии рубежа VI — V вв. до н.э

М.Н. Ненахова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1

 Mariya_nenahova@mail.ru

Аннотация. На рубеже VI — V вв. до н.э. в погребальном искусстве и храмовом терракотовом декоре малоазиатских городов появляется мотив гонок колесниц. Более того, данные памятники демонстрируют впечатляющее стилистическое сходство. Автор попыталась установить причину настойчивого обращения к одному сюжету ионийских мастеров в культовой и погребальной сферах в течение короткого промежутка времени. Поскольку конь и колесничные агоны ассоциировались с Посейдоном, автор связывает упомянутый сюжет со святилищем Посейдона Геликония на мысе Микале. Согласно предложенной автором гипотезе, гонки колесниц ассоциировались не только с культом Посейдона, но и с панионийскими играми в честь бога морей. Эта связь, по мнению автора, нашла отражение в храмовых фризах с изображением гонок колесниц, которые служили важной визуальной отсылкой к культу, объединявшему города — члены Ионийского союза.

Ключевые слова: клазоменские саркофаги, архаический период, погребальный культ, динос, чернофигурные росписи, агон, Панионий

История статьи: Поступила в редакцию: 24.02.2023. Принята к публикации: 23.04.2023.

Для цитирования: *Ненахова М.Н.* Мотив гонок колесниц в искусстве Ионии рубежа VI–V вв. до н.э // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 3. С. 330–339. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-330-339>

The motif of chariot races in the Ionian art at the turn of the 6th and 5th centuries BC

M.N. Nenakhova

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory St, Moscow, Russian Federation, 119991

 Maria_nenakhova@mail.ru

Abstract. At the turn of the VI – V centuries BC in the funerary art and temple terracotta decoration of the cities of Asia Minor, the motif of chariot races appears. Moreover, these monuments demonstrate an impressive stylistic similarity. The author of the article tried to establish the reason for the persistent appeal to one plot by the Ionian masters in the cult and funeral spheres for a short period of time. Since the horse and chariot agons were associated with Poseidon, the author connects the mentioned plot with the sanctuary of Poseidon Heliconius at Cape Mycale. According to the hypothesis proposed by the author, chariot races were associated not only with the cult of Poseidon, but also with the Panionian games in honor of the god of the seas. This connection, according to the author, was reflected in the temple friezes depicting chariot races, which served as an important visual reference to the cult that united the member cities of the Ionian Union.

Keywords: Klazomenian sarcophagi, archaic period, funerary cult, dinos, black-figure paintings, agon, Panionius

Article history: Received: 24.02.2023. Accepted: 23.04.2023.

For citation: Nenakhova MN. The motif of chariot races in the Ionian art at the turn of the 6th and 5th centuries BC. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(3):330–339. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-330-339>

Введение

В некрополях ионийского города Клазомены были обнаружены терракотовые саркофаги, датируемые концом VII–V вв. до н.э., с уникальными чернофигурными росписями. Наибольшего разнообразия в трактовке сюжетов и образов, а также наивысшего уровня исполнения декора саркофагов клазоменские мастера достигли на рубеже VI и V вв. до н.э. Именно в этот период в росписи саркофагов проникает новый мотив — гонки колесниц. Несколько ранее этот сюжет появляется и в архитектурных терракотах архаических храмов в соседних с Клазоменами городах, что свидетельствует о связи данного мотива с культовой сферой. В рамках данной статьи попробуем предложить наше объяснение всплеска интереса в погребальном и храмовом декоре к сюжету гонок колесниц на рубеже VI–V вв. до н.э. в греческих городах на побережье Малой Азии.

Гонки колесниц

Прежде всего следует отметить, что в Греции колесница как таковая, очевидно, воспринималась как один из важнейших атрибутов аристократической жизни (не случайно конный спорт и особенно гонки колесниц всегда были уделом греческой элиты). Колесница ассоциировалась с легендарным прошлым, с миром великих героев, с военной славой и доблестью [1. С. 161]. И тут могли играть роль воспоминания о военном и парадно-репрезентативном значении колесницы в эпоху бронзы и ее царские ассоциации в культуре ближнего Востока в I тыс. до н.э., например в Ассирии. И хотя у самих греков после VII в. до н.э. колесница не играла роли в реальной практике боя [2. С. 70], она сохраняла значение как минимум в трех взаимосвязанных плоскостях — в атлетической культуре, связанной с религиозной жизнью, в мифе, а также в сфере изобразительного искусства.

Примечательно, что в греческом мифе и эпосе образ колесничего агона прочно связан с темой погребальных игр. Об этом свидетельствуют две наиболее известные коллизии. Первая — гонки колесниц в честь погребения Патрокла (Hom. II. XXIII.287–560), вторая — погребальные игры в честь фессалийского царя Пелия [1. С. 164]. В ритуальной атлетической практике связь с погребальной сферой также прослеживается: в основе даже панэллинских игр, включавших состязания колесниц, имеется пласт мифов, повествующих о посмертном чествовании героя (например, Эйнамая в Олимпии или царевича Офельта в Немее). Известно также, что локальные погребальные игры устраивались и в честь местных героев [1. С. 166].

В VII–VI вв. до н.э. мотив гонок колесниц получает широкое распространение в древнегреческом искусстве, прежде всего в вазописи. Зачастую здесь мы имеем изображение конкретно гомеровского сюжета об играх в честь Патрокла. Наиболее знаменитым, хотя далеко не единственным, примером может служить Ваза Франсуа¹, где на втором фризе стороны А изображены скачущие во весь опор колесницы-биги, а в подписях названы имена действующих лиц. Примечательно, что рост интереса к данной теме в искусстве совпал с основанием (или переоснованием) знаменитых атлетических панэллинских праздников — Пифийских (586 г. до н.э.), Истмийских (581 г. до н.э.) и Немейских (573 г. до н.э.) игр, хотя греческие колесничьи агоны, как часть панэллинских игр в честь Зевса Олимпийского, известны еще с начала VIII в. до н.э.

Мотив колесничного агона в ионийском искусстве рубежа VI–V вв. до н.э.

Имея в виду эти общие соображения, обратимся к Клазоменам и искусству Ионии. Мотив колесничего агона появляется в росписях клазоменских саркофагов, объединенных в так называемую «Группу Альбертинум» (обозначена

¹ 570 г. до н.э., Археологический музей, Флоренция, 4209.

в классификации саркофагов литерой G) [З. С. 31], которую датируют 510–470 гг. до н.э. Следует уточнить, что изображения колесниц как таковых (единичных или парных) встречается в декоре клазоменских саркофагов достаточно часто, но только в трех случаях мы можем говорить именно о мотиве агона исходя из иконографии: на раме саркофага G1 [З. С. 31], на нижней части рамы саркофага G2 [З. С. 34] и в верхней части саркофага G15 [З. С. 39].

Среди этих трех примеров наиболее показателен саркофаг из Британского музея (G1). Он уникален и по форме, и по богатству росписи, и по степени сохранности. Сюжет гонок колесниц, представленный на раме, занимает ключевое место в структуре декора. Колесницы с обнаженными возничими, в сопровождении собак скачут навстречу друг другу и встречаются в центре, где их приветствует некая фигура, возможно, божества. Фон заполнен летящими гигантскими бутонами. В колесницы, изображенные в углах рамы, запрыгивают гоплиты — этот мотив отсылает к военной тематике, которая в декоре клазоменских саркофагов (и в принципе в греческом искусстве) часто переплетается с агональной. Рядом с агонем мастер поместил изображение диноса, водруженного на колонну с эолийской капителью. Эта специфическая деталь определенно указывает на мотив агона, поскольку динос, очевидно, следует понимать как приз в гонке. Подобный мотив появляется как в описании игр в честь Патрокла (Ном. II. XXIII, 287–560), так и в аттических изображениях этого сюжета. В качестве иллюстрации приведем фриз с гонками упомянутой выше Вазы Франсуа, где колесницы скачут мимо призовых треногих котлов и диносов, которые, правда, изображены не на колоннах, но стоящими на земле.

Сама колонна также представляет важный элемент, который обычно отсутствует в аттических изображениях гонок, но который совершенно определенно фигурирует в гомеровском тексте — это «столп давно погребенного мужа», который Ахилл избирает в качестве поворотной меты для состязания колесниц в честь Патрокла (Ном. II. XXIII.287–560). Примечательно, что к колонне прислонен щит, эта деталь явно указывает на воинскую тему и мотив героизации. Колонна или столп может быть обозначением места погребения, могилы умершего героя, в честь которого, возможно, и проводится гонка. Более того, стоящую рядом мужскую фигуру А.С. Мюррей, один из первых исследователей саркофага, интерпретирует как тень умершего, наблюдающую за происходящим [4. С. 6]. Хотя мотив появления призрака у своей могилы хорошо известен в греческом погребальном искусстве (например, в аттических белофонных лекифах), в данном случае это допущение кажется несколько произвольным.

Фигуру на противоположной стороне рамы тот же А.С. Мюррей описывает как «старика, опирающегося на посох», и видит в нем арбитра соревнований [4. С. 6]. Подобная иконография действительно встречается в агональных

сценах, например, в знаменитом аттическом рельефе со сценой стравливания кошки с собакой (510 г. до н.э.)².

Вместе с тем образ немолодого человека, опирающегося на посох, примерно в период создания саркофага проникает в ионийскую погребальную скульптуру. Самый ранний пример — это стела из беотийского Орхомена (490 г. до н.э.), созданная кикладским мастером Алксенором с Наксоса³. В ионийских стелах этот мотив интерпретируют как изображение умершего, представленного в виде путника (возможно, с отсылкой к Одиссею).

Итак, судя по всему в росписи саркофага мы имеем сцену, близкую по смыслу и звучанию к гомеровской. Хотя, конечно, здесь нет прямого совпадения с текстом и в отличие от аттических вазописных изображений нет никаких прямых отсылок к конкретному сюжету в виде надписей или атрибутов. Вместе с тем общая ориентация в росписях саркофагов на круг эпических сюжетов и особенно на Гомера вполне возможна, учитывая, что образы троянского цикла, хотя и очень редко, но все же попадают в декорацию клазоменских саркофагов (сцены жертвоприношения Поликсены и убийства Троила). Логичным в этой связи кажется предположение, что мотив колесничных агон на саркофагах из Клазомен через эпические ассоциации и через гомеровский эпос отсылают к теме посмертного чествования героя, под которым подразумевается погребенный в саркофаге человек.

Однако этим круг ассоциаций, возможно, не исчерпывается. Как уже упоминалось, мотив гонки колесниц во 2-й пол. VI в. до н.э. появляется в декоре малоазийских греческих храмов: на терракотовых симах и фризах. Они демонстрируют композиционное и стилистическое сходство с росписями саркофагов, хотя и выполнены в другом масштабе и технике.

В близком соседстве с Клазоменами и друг с другом располагались эолийская Лариса и ионийские Фокея и Миунт. В Ларисе были обнаружены фрагменты терракотовой рельефной декорации симы с изображением боевых колесниц и колесничих агон [5. С. 39]. Колесницы сопровождают мчащиеся собаки, как и на клазоменских саркофагах. Руководитель раскопок О. Онжу отмечает, что рельефная полихромная сима, очевидно, дополнялась росписью: в колесницах-бигах один из коней был нарисован [5. С. 42]. Возможно, были и другие живописные элементы.

Из Фокеи происходят фрагменты терракот архаического храма Афины (нач. VI в до н.э.) — главной святыни города. На рельефах мы снова видим гонки колесниц, правда, сохранились только изображения лошадей и сопровождающих собак [6. С. 18]. А. Акерстрем выдвинул предположение, что терракотовые фризы из Фокеи и Ларисы созданы по одной матрице, и датировал их 550–530 гг. до н.э. Его поддерживают и другие исследователи [6. С. 18].

² Афины, Национальный археологический музей, 3476.

³ Афины, Национальный археологический музей, 39.

Существует ряд каменных рельефов второй половины VI в. до н.э. с изображением гонок колесниц, происходящих из малоазийских центров — Милета⁴, Кизика⁵ и Ясоса⁶. Эти плиты, входившие в состав протяженных архитектурных фризов, демонстрируют явное сходство с терракотовыми плакетками из Ларисы (особенно фрагмент из Ясоса).

Брунильда Риджвей видит истоки развития греческого непрерывного фриза с кавалькадами всадников и колесниц в искусстве Древнего Востока, в частности, в ассирийском рельефе [7. С. 188]. Каменные и терракотовые рельефы упомянутых храмов она считает чисто декоративным элементом, не несущим дополнительных коннотаций, ни исторических, ни мифологических. Правда, исследовательница не исключает, что изображения колесниц в декоре храмов могли акцентировать социальный статус аристократии, как правило, напрямую связанной с их строительством [7. С. 194]. Она также допускает, что процессии или гонки колесниц отражали погребальные обряды (реальные или легендарные) на погребальных памятниках. Однако, по ее мнению, орнаментальный потенциал таких фризов с повторяющимися фигурами значительно больше скрытых обертонов [7. С. 194].

Действительно, ритмичный мотив гонки, как правило, воинов-всадников или колесниц, который можно было легко воспроизводить с помощью одного или нескольких паттернов, сложно связать с некой историей или мифом. Тем не менее, отказ от нарративных качеств не обязательно предполагает замену семантики «чистым» декором, но скорее обращение к иному образно-символическому языку.

В архитектурной декорации фризы с колесницами располагаются в верхних, наиболее важных и обозримых частях построек, что говорит об их визуальной значимости [5. С. 44]. Изображения сюжетов гонок колесниц по крайней мере на двух саркофагах также занимают центральное место в их декоре. Росписи с колесницами на раме саркофага G1 расположены по периметру рамы, что определяет их сходство с непрерывными архитектурными фризами. Примечательно, что и сам саркофаг своей формой в известной мере имитирует храм с двускатной кровлей.

Святилище Посейдона на мысе Микале

Возможно, причины появления нового сюжета в декоре Ионии кроются в важных общественно-политических событиях. Как известно, малоазийские полисы основали Ионийский союз⁷. В додекаполисе, союз 12 греческих

⁴ Милет, археологическая зона, инв. Z05.139.18.

⁵ Стамбул, Археологический музей, 32.

⁶ Миляс, Археологический музей, инв. 2705.

⁷ Дата образования Ионийской лиги вызывает споры и выдвигаются различные точки зрения: разброс дат достаточно большой. Одна из точек зрения, опирающаяся на археологический материал — дата основания VI в до н.э. [9. С.114–115].

полисов в разные периоды вошли Милет, Миунт, Приена, Эфес, Колофон, Лебед, Теос, Клазомены, Фокея, Хиос, Эрифры и остров Самос (Hdt. I.142). Геродот отмечает, что в данный союз входили и соседние эолийские полисы, среди которых упоминавшаяся выше Лариса (Hdt. I.149). Из источников мы также знаем об основании святилища Панионий, посвященного Ионийским союзом Посейдону Геликонию (Hdt. I. 149).

На мысе Микале в XIX в. Т. Вигард обнаружил теменос с предполагаемым алтарем Посейдона (сер. VI в. до н.э.). К юго-западу от алтаря был открыт небольшой театр с 11 рядами сидений, вырубленными в скале, предположительно для собраний Ионийской лиги [8. С. 109]. Но храма здесь обнаружить не удалось. В 2004 г. немецкий археолог Г. Ломанн открыл высоко в горах поселение и архаичный храм ионического ордера, который также датируется серединой VI в. до н.э. Он предположил, что это место, откуда открывается вид на большую часть ионийского региона, и должно быть идентифицировано как Панионий [9. С. 9]. Для нашего исследования важны подтвержденные археологически датировки, которые соотносятся с периодами изготовления саркофагов и терракот.

Культ Посейдона Геликония пришел в Ионию с Пелопоннеса, из известного и широко почитаемого святилища (с VIII в. до н.э.) этого божества в городе Гелика. Отметим, что именно на Пелопоннесе проводились в честь Посейдона знаменитые Истмийские игры, включавшие состязания колесниц.

Конь, в принципе ассоциировавшийся с Посейдоном, был одним из символов Посейдона Геликония [10. С. 20]. Д. Катсонопулу, президент *Helike project*, приводит в подтверждение недавние находки — остатки votивной модели апсидального позднегеометрического храма Гелики, где, «видимо, поклонялись божеству, связанному с лошадьми и гонками на колесницах» [10. С. 20]. На фрагментах различимо изображение колесниц, фланкирующих треножник.

О связи культа Посейдона с конями и колесницами на территории Беотии мы читаем в гимне «К Аполлону Пифийскому»:

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный,
И до Онхеста дошел, Посейдоновой рощи блестящей.
Новообъезженный конь, в колеснице идущий прекрасной,
Там переводит дыханье от бремени: добрый возница,
Спрыгнувши наземь с повозки, пешком по дороге шагает;
Кони ж, не зная вожжей, опустевшей гремят колесницей.
Если с повозкою въедут они в многодревную рощу, —
Ждет уход лошадей, а ее, прислонив, оставляют.
Ибо таков изначально священный обычай: владыке
Молятся люди, а божью повозку судьба охраняет.

(Hom. Hymn 3, 229–38) [10]

События, описанные в тексте, интерпретируются как часть религиозно-ритуала, восходящего к микенскому периоду, когда «Посейдону поклонялись как главному божеству микенского пантеона» [10. С. 20]⁸. Судя по всему, если запряженный в колесницу конь входил в священную рощу, его приносили в жертву божеству и оставляли колесницу как дар.

Святылище на мысе Микале также было связано с религиозным празднеством в честь Посейдона [12. С. 115]. К сожалению, не сохранилось античных описаний этих празднеств, Страбон указывает лишь на жертвоприношения быков (Strabo XIV.I.20). Однако можно предположить, что в честь Посейдона, как древнего бога-покровителя коневодства, могли устраиваться гонки колесниц, совершаться ритуалы с их участием. Или же их изображения могли посвящаться этому божеству. Примечательно, что сюжет с гонками колесниц появляется в городах, связанных с Ионийской лигой — Фокее, Ларисе, Миунте, Клазоменах и Милете. Более того, почитание Посейдона Геликония не ограничивалось только храмом на мысе Микале, его культ существовал и в Милете, Теосе, на о. Самос и что наиболее важно для нас — в Клазоменах [8. С. 111].

Греки испытывали давление могущественных соседних держав — Лидии, а затем и Персии. В политическом и культурном отношении данные государства доминировали в регионе [12. С. 115]. Поэтому Панионий имел важное значение для единения греков на берегах Малой Азии: общие культовые обряды и собрания помогали сохранять этническую идентичность и преодолевать разногласия. По свидетельству Геродота (Hdt. V.109; VI.7), Панионий, как объединяющий центр, сыграл осязаемую роль в период ионийского восстания против персидской державы [8. С. 119]. Годы восстания как раз приходятся на рубеж VI–V вв. до н.э.

Заключение

Если наши размышления верны, можно принять в качестве гипотезы, что гонки на колесницах имели важную ассоциацию с панионийскими играми в честь Посейдона и с самим божеством. Эта связь нашла отражение в храмовых фризах с изображением гонок колесниц, которые не соотносились прямо с посвящением конкретного храма, но были важной визуальной отсылкой к культу, объединяющему города — члены Ионийского союза. Этот образ-знак, вероятно, имел не только религиозный, но и политический смысл в контексте самоидентификации и единения ионийских греков пред лицом внешней угрозы.

Гонки колесниц на клазоменских саркофагах также могли содержать пласт ассоциаций с Панионием — важнейшим святилищем, тесно связанным

⁸ Хотя обычно в жертву Посейдону приносили быка, но существовало и жертвоприношение лошадей; согласно Павсанию (Paus. VIII.7.2) оно практиковалось в Арголиде.

с военным союзом греческих городов. Такое смысловое наполнение, вкуче с героическими «гомеровскими» мотивами, кажется вполне подходящим для статусного ионийского погребения. Это особенно соотносится с богато декорированным саркофагом G1, очевидно принадлежавшим кому-то из представителей клазоменской военной элиты [12]. Короткий период присутствия сюжета гонок колесниц в росписях саркофагов может объясняться поражением ионийцев (и их союза) в восстании против персов в 500–494 гг. до н.э., хотя как религиозный центр святилище Посейдона Геликония продолжало существовать [8. С. 120].

Библиография

1. *Налимова Н.А.* Сцены состязания колесниц в погребальном искусстве IV в. до н.э.: Галикарнасский и Вергинский фриз // ДВАМ. 2018. Вып. 9. С. 159–179.
2. *Walter-Karydi E.* Die Athener und ihre Gräber (1000–300 v.Chr.). Walter de Gruyter, 2015.
3. *Cook R.M.* Clazomenian sarcophagi. Verlag Philipp von Zabern, Mainz/Rein, 1981.
4. *Murray A.S.* Terracotta sarcophagi. Creek and Etruscan in British Museum. London: The Trustees of the British Museum, 1898.
5. *Öncü E.* Manufacturing techniques and production processed of the terracotta roof materials of Larisa (Buruncuk, Turkey) // *Deliciae Fictiles V. Networks and Workshops: Architectural Terracottas and Decorative Roof Systems in Italy and Beyond*, 2019. Vol. 5. P. 37–48.
6. *Özyiğit Ö.* Phocaeen Horse and Griffon Protomes // *L'Occident grec de Marseille à Mégara Hyblaea: hommages à Henri Tréziny / éd. S. Bouffier, A. Hermary.* Aix-en-Provence: Centre Camille Jullian, 2013. P. 15–26.
7. *Ridgway B.S.* Notes on the Development of the Greek Frieze // *Hesperia*. 1966. Vol. 35. P. 188–204.
8. *Лантеса М.Ю.* У истоков древнегреческой цивилизации: Иония. XI–VI вв. до н.э. СПб.: Гуманитарная Академия, 2009. 511с.
9. *Cross N.D.* The Panionia: The Ritual Context for Identity construction in archaic Ionia // *Mediterranean Studies*. 2020. Vol. 28. No. 1. P. 1–22.
10. *Katsonopoulou D.* Further Insights on the Cult of Poseidon Helikonios in Helike (IV). *HELIKE V Ancient Helike and Aigialeia Poseidon, God of Earthquakes and Waters, Cult and Sanctuaries*. Athens: The Helike Society, 2017. P. 17–34.
11. Эллинические поэты VIII–III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999.
12. *McPhail C.* The Roles of Geographical Concepts in the Construction of Ancient Greek Ethno-cultural Identities, from Homer to Herodotus: An Analysis of the Continents and the Mediterranean Sea. (Thesis, Doctor of Philosophy). University of Otago, Dunedin, New Zealand. 2015.
13. *Nenakhova M.* Clazomenian Sarcophagus from the British Museum: The Semantic Aspects of the Decoration and Shape. *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles*. Vol. 11. Eds A.V. Zakharova, S.V. Maltseva, E.Iu. Staniukovich-Denisova. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Press, 2021. P. 38–46.

References

1. *Nalimova NA.* Sceny sostjazanij kolesnic v pogrebal'nom iskusstve IV v. do n.e.: Galikarnasskij i Verginskij frizy [Scenes of chariot races in funerary art of the 4th c. BC: friezes of Halicarnassus and Vergina]. *DVAM*. 2018; (9):159–179. (In Russ.).

2. Walter-Karydi E. *Die Athener und ihre Gräber (1000–300 v.Chr.)*. Berlin: Walter de Gruyter; 2015.
3. Cook RM. *Clazomenian sarcophagi*. Mainz/Rein: Verlag Philipp von Zabern; 1981.
4. Murray AS. *Terracotta sarcophagi. Creek and Etruscan in British Museum*. L.: The Trustees of the British Museum; 1898.
5. Öncü E. Manufacturing techniques and production processed of the terracotta roof materials of Larisa (Buruncuk, Turkey). *Deliciae Fictiles V. Networks and Workshops: Architectural Terracottas and Decorative Roof Systems in Italy and Beyond*. 2019; (5): 37–48.
6. Özyiğit Ö. *Phocaeen Horse and Griffon Protomes*. In : S. Bouffier, A. Hermary, editors. *L'Occident grec de Marseille à Mégara Hyblaea: hommages à Henri Tréziny*. Aix-en-Provence: Centre Camille Jullian, 2013, p. 15– 26.
7. Ridgway BS. Notes on the Development of the Greek Frieze. *Hesperia*.1966; (35):188–204.
8. Lapteva MJ. *U istokov drevnegrecheskoj civilizacii: Ionia. XI–VI vv. do n.e. [At sources of ancient Greek civilization: Ionia XIth-VIth centuries BC]*. Sankt Peterburg, Gumanitarnaja Akademija; 2009. (In Russ.).
9. Cross ND. The Panionia: The Ritual Context for Identity construction in archaic Ionia. *Mediterranean Studies*. 2020; 28 (1):1–22.
10. Katsonopoulou D. Further Insights on the Cult of Poseidon Helikonios in Helike (IV). In: *HELIKE V : Ancient Helike and Aigialeia Poseidon, God of Earthquakes and Waters, Cult and Sanctuaries*. Athens: The Helike Society; 2017, p. 17–34.
11. Jellinskie pojety VIII–III vv. do n.e. Jepos, jelegija, jamby, melika [Hellenic poets of the 8th–3rd centuries BC. Epos, elegy, iambs, melika]. Ed. M.L. Gasparov. Moscow; 1999. (In Russ.).
12. McPhail C. *The Roles of Geographical Concepts in the Construction of Ancient Greek Ethno-cultural Identities, from Homer to Herodotus: An Analysis of the Continents and the Mediterranean Sea*. (Thesis, Doctor of Philosophy). University of Otago, Dunedin, New Zealand; 2015.
13. Nenakhova M. Clazomenian Sarcophagus from the British Museum: The Semantic Aspects of the Decoration and Shape. In: AV Zakharova, SV Maltseva, EU Staniukovich-Denisova, editors. *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles*. Vol. 11. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Press.; 2021, p. 38–46.

Информация об авторе:

Ненахова Мария Николаевна — аспирант кафедры всеобщей истории искусства, Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: mariya_nenakhova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-4178-6324

Information about the author:

Nenakhova Maria Nikolaevna — post graduate student in Department of General Art History, Lomonosov Moscow State University, e-mail: mariya_nenakhova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-4178-6324

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-3-340-346

EDN: RTQKJV

Научная статья / Research article

Зачем римлянам была нужна Венера Эруцина?

В. А. Квашнин

Вологодский государственный университет,
160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
 kvashninv195@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено истокам культа Венеры Эруцинской, чей храм был воздвигнут на Капитолии в годы Ганнибаловой войны. Проанализировав источники, автор изучил как конкретно-исторический контекст утверждения нового культа, так и связь нового божества с различными ипостасями Венеры, получившими распространение на территории древней Италии. Создание культа Венеры Эруцины автор связал, во-первых, с победами в ходе борьбы Рима с Карфагеном и, во-вторых, с попыткой интегрировать Рим в культурное пространство греческого мира, поскольку Венера отождествлялась с Афродитой. Научная новизна предпринятого исследования заключается в том, что автор, приняв во внимание знаменитый сенатусконсульт о вакханалиях, выдвинул гипотезу о проведении в 186–184 гг. до н.э. кланом Порциев и их союзников своего рода религиозной реформы, позволившей, с одной стороны, сохранить греческие традиции почитания Венеры Эруцинской, а с другой — «очистить» культ Венеры Капитолийской от чужеземных влияний.

Ключевые слова: Венера Эруцинская, Сицилия, римская религия, Фабии, Катон Старший, вакханалии

История статьи: Поступила в редакцию: 01.03.2023. Принята к публикации: 19.04.2023.

Для цитирования: Квашнин В.А. Зачем римлянам была нужна Венера Эруцина? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 3. С. 340–346. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-340-346>

© Квашнин В.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Why did the Romans need Venus Erucina?

V. A. Kvashnin

Vologda State University,
15 Lenina St, Vologda, Russian Federation, 160000

 kvashninv195@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the origins of the cult of Venus of Eryx, whose temple was erected on the Capitol during the Hannibal War. After analyzing the sources, the author studied both the specific historical context of the establishment of a new cult, and the connection of the new deity with various hypostases of Venus, which became widespread in the territory of ancient Italy. The author associated the creation of the cult of Venus Erucina, firstly, with victories during the struggle between Rome and Carthage and, secondly, with an attempt to integrate Rome into the cultural space of the Greek world, since Venus was identified with Aphrodite. The scientific novelty of the undertaken study lies in the fact that the author, taking into account the famous *senatusconsultum* on *bacchanalia*, put forward a hypothesis about the conduct in 186–184 BC by the Porcii clan and their allies, a kind of religious reform, which made it possible, on the one hand, to preserve the Greek traditions of the veneration of Venus of Eryx, and on the other hand, to “cleanse” the cult of Venus Capitoline from foreign influences.

Keywords: Venus of Eryx, Sicily, Roman religion, Fabii, Cato the Elder, *bacchanalia*

Article history: Received: 01.04.2023. Accepted: 19.04.2023.

For citation: Kvashnin VA. Why did the Romans need Venus Erucina? *RUDN Journal of World History*. 2023;15(3):340–346. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-3-340-346>

Введение

Храм Венеры Эрүцинской был построен в Риме в 215 г. до н.э. по обету, данному Квинтом Фабием Максимом. Свое начало он берет в событиях 217 г. до н.э., когда Фабий, став диктатором, объявил о необходимости религиозного очищения Рима [1. С. 46; 2. Р. 275]. Согласно Ливию о необходимости посвятить храмы Венере и божеству Благоразумия (*Mens*) заявили децемвиры, сверившиеся с книгами Сивиллы (*Liv. XXII.9.9*)¹. В конце 216 г. до н.э. Фабий запросил у сената разрешения освятить построенный на его средства храм Венеры (*Liv. XXIII.30.13*). В начале 215 г. до н.э. Квинт Фабий Максим и Тит Отаций Красс были избраны дуумвирами для освящения храмов Венеры Эрүцины и Благоразумия, построенных на Капитолии и разделенных лишь рвом. Любопытно, что хотя первый

¹ Сивиллины книги (*Sibyllini libri*), хранившиеся в святилище храма Юпитера на Капитолии, находились в ведении жреческой коллегии священнодействий, согласно традиции, с 367 г. до н.э. состоявшей из десяти человек (*Liv. VI.37.12; 42.2*).

храм Венеры Эруцины появляется в Риме только в 215 г. до н.э., по крайней мере еще один был построен за Коллинскими воротами на Соляной дороге уже к 181 г. до н.э. (Liv. XXX.38.10). Следует отметить, что Ливий пять раз упоминает храм Венеры Эруцины в 22-й и 23-й книгах своего сочинения, явно придавая ему особое значение². Чем же он был так важен для Рима и для Фабия, что Ливий вновь и вновь возвращается к эпизоду со строительством храма?

Венера из Эрика

Как показывает название культа, речь идет о Венере, почитавшейся на Сицилии на горе Эрик, где находился храм, воздвигнутый, согласно римской версии, еще Энеем после смерти Анхиза (Diod. IV.83.4-7; Verg. Aen. V.759). В то же время Венерой местное божество можно назвать лишь условно. Как отмечают исследователи, прослеживается несколько «археологических слоев» культа Венеры из Эрика, включающий сиканский, финикийский, греческий и пунийский элементы [3. С. 244; 4. Р. 174]. Ради справедливости следует отметить, что святилище находилось даже не на территории проживания сиканов, а принадлежало ареалу распространения элимов, одного из трех древнейших народов Сицилии. Существует несколько версий о происхождении элимов. По-видимому, наиболее древним описанием того, каким образом на Сицилии появился народ элимов является процитированное у Дионисия Галикарнасского утверждение Гелланика, жившего в V в. до н. э., который сообщает, что тремя поколениями ранее Троянской войны энотры изгнали элимов из южной Италии на Сицилию. Другую версию излагает Фукидид, согласно которому элимы появились после Троянской войны в результате переселения беглых троянцев с примкнувшими к ним фокейцами (Thuc. VI.2.3). По-видимому, элимы появились на Сицилии не раньше конца II тысячелетия до н. э. С началом греческой колонизации в VIII–VII вв. до н. э. по соседству с территорией проживания элимов появляются греческие полисы, результатом чего становится их эллинизация. Одновременно элимы испытывают влияние со стороны колоний, основанных Карфагеном, чье культурное влияние также не следует недооценивать.

На долгое время Эрик стал одним из мест поклонения финикийско-пунийской Астарты и идентифицированной с ней греческой Афродиты. К моменту появления римлян прослеживается явно восточный характер данного культа. Как отмечает Ж. Дюмезиль, Афродита из Эрика была синкретичным божеством, в котором семитские элементы были перемешаны с греческими, причем аспект фертильности и телесных наслаждений был преобладающим. Это неизбежно должно было привести

² Liv. XXII.9.7; XXII.10.10; XXIII.23.31; XXIII.30.13; XXIII.32.20.

к ориентализации римского концепта Венеры, поскольку культ Афродиты из Эрика предполагал практику храмовой проституции и имел атрибутику (например, пшеничные колосья и голуби), характерную для восточных богинь, таких как Астарта [5. С. 471].

Тем не менее, можно согласиться с неоднократно звучавшим в историографии мнением о том, что принятие нового культа не было простым переносом чужеземного божества на территорию Рима. Как отмечает Э. Грюэн, Венера Эруцинская получила свое место на Капитолии поблизости от храма Юпитера Капитолийского, что указывает на то, что она была интегрирована или, по крайней мере, ассоциировалась с определенным пластом национальной религиозной традиции [1. С. 46]. Главная цель переноса культа божества из Эрика, по мнению исследователя, заключалась в том, чтобы успокоить и ободрить римское общество в мрачные дни после поражения при Тразименском озере. В том же духе высказываются Д. Кинаст и К. Галински, по мнению которых римляне утверждали культ Венеры Эруцинской как национальной, а не чужеземной богини [6. S. 488–489; 4. С. 187–188].

Вместе с тем интригующим выглядит факт постройки второго храма Венеры Эруцинской в 181 г. до н.э. Как сообщает Ливий, во время войны с лигурийцами в 184 г. до н.э. консул Луций Порций Лицин дал обет построить еще один храм Венеры и освятил его тремя годами спустя, когда он был дуумвиром, вне городских стен рядом с Коллинскими воротами (XXX.38.10). При этом обращает на себя внимание одно обстоятельство. Если храм Венеры Эруцинской у Коллинских ворот долгое время остается в поле зрения античных авторов (о нем пишут Овидий и другие авторы), то капитолийский храм Венеры Эруцины как-то выпадает из источников. Существуют два упоминания у Светония о некоем храме Капитолийской Венеры, что позволило современным исследователям постулировать существование некоего *Aedes Capitolina Veneris* (Suet. Calig. 7, Galba. 18). В то же время Страбон подробно описывает храм Венеры Эруцинской у Коллинских ворот, сообщая, к примеру, что он был окружен необычной круглой колоннадой, копируя святилище, располагавшиеся на Сицилии (Strabo. VI.2.6). В свою очередь Овидий дает яркое описание Виналий, посвященных Венере, прямо и недвусмысленно связывая культ Венеры с ее храмом, находившимся в районе Коллинских ворот³. В упоминаемых римским автором венках из цветов и «доступных девах» исследователи видят реминисценции традиции восточной иеродулии, бытовавшие вплоть до времен Августа в храме Венеры [4. С. 179].

³ Ovid.Fast.870: «Свейте пучками кугу, розами их оплетья! / Надо вам всем у Коллинских ворот собираться во храме / По сицилийскому храм этот был назван холму / Некогда Клавдий Марцелл, с бою сильные взяв Сиракузы, / В той же войне полонил Эрикс, Венерин приют». Пер. Ф.А. Петровского.

«Венера — Победительница»

Чтобы понять трансформации, произошедшие с культом Венеры Капитолийской, следует предположить, что на момент постройки первого храма в глазах римлян она была прежде всего богиней, дарующей победу. Как справедливо было отмечено в литературе, в 215 г. до н.э. Рим был заинтересован не в культе Венеры как таковой, а именно в Венере Эруцине [2. С. 276]. Возможно, этот культ был создан после того, как римляне отбили у карфагенян сицилийский Эрик, ставший важным символом успешной борьбы Рима с Карфагеном и, в частности, с Баркидами. Это выглядит вполне правдоподобно, учитывая, что отец Ганнибала, Гамилькар Барка, участвовал во время Первой Пунической войны в борьбе за это святилище и располагавшийся по близости город и проиграл (Pol. I.56-58; II.7-8; Diod. XXIV.8) [1. С. 46; 7. P. 27]. Как указывает К. Галински, то, что Венера Эруцинская символизировала именно военную победу над карфагенянами, показывает ее дальнейшая эволюция с трансформацией в культ победоносной Венеры Капитолийской (*Venus Victrix in Capitolio*). Возможно, не случайно ранние изображения Венеры из Эрика представляли ее в виде «Победительницы» / Виктории [4. С. 186].

С другой стороны, как уже отмечалось, Эрик долгое время был одним из мест поклонения пунийской Астарты и одновременно идентифицированной с ней греческой Афродиты. Трансформация Афродиты/Астарты в ее римский эквивалент Венеру демонстрирует в этой связи попытку не только «романизировать» древний культ, но и одновременно интегрировать Рим в культурное пространство греческого мира [2. С. 276]. В этой связи обращает на себя внимание, что святилища Венеры Эруцины существовали не только на Сицилии и в Риме, но и в аркадийской Псофиде и, вероятно, на Кипре (Paus. VIII.24.1).

Все это, однако, не объясняет, для чего понадобилось строительство второго храма. Как представляется, важной в данном случае является хронология. Следует еще раз вернуться к тому, что консул Луций Порций Лицин во время войны с лигурийцами в 184 г. до н.э. дал обет построить второй храм Венеры после чего он освятил его тремя годами спустя, когда был дуумвиром. Таким образом, время, когда было принято решение о строительстве нового храма Венеры указывает на 184 г. до н.э., на который приходится цензорство Марка Порция Катона Старшего, принадлежащего как и консул этого года к клану Порциев и являвшегося на тот момент наиболее авторитетным его представителем.

Нужно заметить, что Катон Старший в свете свидетельства Ливия о строительстве нового храма Венеры (если он действительно был вдохновителем этой акции) выглядит продолжателем религиозной политики Фабия. Как дают почувствовать источники, Фабии претендовали на особую связь с Венерой. Как сообщает тот же Ливий, прадед Фабия Квинт

Фабий Гургит, в 295 г. до н. э., будучи курульным эдилом, построил храм Венеры Милостивой (*Venus Obsequens*) рядом с Большим Цирком (*Liv. X.31.9*). Возможным указанием на связь между этими событиями является то, что Фабий Максим освятил храм Венеры Эрुцины 23 апреля, в день весенних Виналий, тогда как храм Венеры Милостивой был освящен Фабием Гургесом 19 августа, в день летних Виналий. Помимо Венеры оба праздника были связаны с Юпитером, что позволяло привязать первый храм Венеры Эруцины к Капитолию. Помимо этого обращает на себя внимание, что в обоих эпизодах строительство храма Венеры сопровождалось одновременным возведением храма-«близнеца»: если в 215 г. до н.э. это был храм божества *Mens* (Благоразумия), то в 181 г. до н.э. — храм *Pietas* (Благочестия).

Заключение

Что же еще могло подвигнуть Порциев в их желании учредить новый храм? Возможное объяснение кроется в событиях 186 г. до н.э., когда был обнаружен знаменитый сенатконсульт о вакханалиях (*Senatus Consultum de Bacchanalibus*), запрещавший отправление оргиастического по своему характеру восточного культа в пределах городского пространства Рима. Соблазнительно в этой связи предположить, что строительство нового храма за пределами городских стен стало своего рода компромиссом между изначальным характером культа Венеры Эруцинской и традициями римской религиозной жизни [4. С. 185]. Возможно, в 186–184 гг. до н.э. Порциями и их союзникам была инициирована религиозная реформа, позволившая сохранить восточно-сицилийские традиции почитания Венеры Эруцинской в ее храме у Коллинских ворот и в то же время произвести «очищение» культа Венеры Капитолийской от чужеземного облика, что обусловило ее эволюцию в сторону Венеры Победительницы, ставшей хранительницей коллективной памяти о победах в Пунических войнах. Предполагаемое «переучреждение» культа Венеры позволяет объяснить ее забвение в качестве Эруцины Капитолийской при сохранении в привычной ипостаси в храме у Коллинских ворот еще во времена Овидия и Страбона.

Библиографический список / References

1. Gruen ES. *Culture and National Identity in Republican Rome*. London, 1993.
2. Miles R. Hannibal and Propaganda. In: *A Companion to the Punic Wars*. D. Hoyos (ed.). Oxford :2011, p. 260–279.
3. Schilling R. *La religion romaine de Vénus, depuis les origines jusqu'au temps d'Auguste*. Paris: 1954.
4. Galinsky K. *Aeneas, Sicily and Rome*. Princeton, 1969.

5. Dumézil G. *Archaic Roman Religion*, I, II, translated by P. Krapp, Baltimore, 1996
6. Kienast D. Rom und die Venus von Eryx. *Hermes*. 1965; (93): 478–489.
7. Billot FA. *Representations of Hannibal: A comparison of iconic themes and events from the life and times of Hannibal. A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy*. The University of Auckland; 2009.

Информация об авторе:

Квашнин Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры юриспруденции, Вологодский государственный университет, e-mail: kvashninv195@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0931-6207

Information about the author:

Kvashnin Vladimir Aleksandrovitch — doctor of sciences (history), professor department of jurisprudence, Vologda State University, e-mail: kvashninv195@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0931-6207

Список сокращений

- ДВАМ — Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва
- AArch — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
- Anc Soc — Ancient Society
- CA — Classical Antiquity (University of California Press)
- CAH — Cambridge Ancient History
- CAR — Corpus Agrimensorum Romanorum / ed. C. Thulin. Lipsiae, 1913.
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum, consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae Borussicae editum. Berolini, 1863– ...
- DNP — Der Neue Pauly
- G&R — Greece and Rome
- ILS — Dessau H. Inscriptiones Latinae Selectae. Berolini, 1892–1916 (2 ed. 1954–1955)
- JRS — Journal of Roman Studies
- RE — Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von G. Wissowa u. a. Stuttgart, 1894–1980
- SRF - Blume F., Lachmann K., Mommsen Th., Rudorff A. Die Schriften der römischen Feldmesser. Berlin, 1848—1852. Bd. 1—2.
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik (Rudolf Habelt GmbH)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
